

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

III Международная научная конференция

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Чита

УДК 340(082)
ББК 67.0я43
Г72

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Государство и право: теория и практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. — vi, 112 с.
ISBN 978-5-905483-18-9

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Государство и право: теория и практика». Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 330
ББК 65

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Казанков Я.Н.

Методология познавательной деятельности на функциональных стадиях
правоприменительного процесса 1

Сергеева М.А.

Правовое обеспечение национальной безопасности 3

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Котляров С.Б., Чичеров Е.А.

К вопросу о развитии гражданского права Московской Руси в период формирования
и утверждения сословно-представительной монархии (XV в.) 6

Спиридонов Е.В., Трёмаскина Е.И.

Столыпинские аграрные преобразования начала XX века: современная историография 8

Черапкин А.Н.

Землеустройство по указу 9 ноября 1906 года 11

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Потапова Е.А.

Избирательное право в конституциях стран СНГ 14

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Грецкая А.С.

Государственный контроль в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции
в Российской Федерации (с изложением комплексной программы административно-правового
регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции) 16

Казачинина С.С.

Квалификация административных правонарушений, предусмотренных статьей 7.12 Кодекса
Российской Федерации об административных правонарушениях 22

Лебедева М.А.

К вопросу о квалификации административных правонарушений, совершаемых
физическими лицами в области таможенного дела 25

8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Нельговский И.Е., Ботанцов Д.В.

Проблемы доказывания нарушений антимонопольного законодательства,
предусмотренных статьёй 16 Закона о защите конкуренции РФ 29

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Данилов И.А. Основы компенсации морального вреда.....	32
Квалдыков Р.В., Романов В.А., Сухоруков Д.В. Право на социальное обслуживание как элемент социально-правового статуса граждан Российской Федерации	35
Линева С.В. Непрерывность как одно из оснований приобретательной давности.....	37
Свиридова Е.А. Основания недействительности отдельных видов завещаний в гражданском праве России и Беларуси.....	40
Талипов Р.Р. Социально-экономические детерминанты правонарушений в сфере компьютерных технологий.....	43
Чурсина Л.Ю. Аналогия в гражданском процессе	45

11. ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Гончар Т.М. Правовая охрана промышленных образцов по законодательству государств – членов ЕврАзЭС.....	48
--	----

13. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Зайкина К.А., Валиева А.Р. Проблема суррогатного материнства и его юридического закрепления в Российской Федерации.....	50
---	----

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Ахматов И.И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения	53
Бабичев А.Г. Актуальные вопросы начала и окончания жизни по уголовному законодательству России.....	58
Бекматова Д.Ш. Уголовное преследование как самостоятельный этап уголовного процесса	61
Котляров С.Б., Куманяева О.Н. Особенности обстоятельств, подлежащих установлению при организации расследования разбойных нападений на автодорогах.....	65
Кудряшов Р.В. Основания отказа государственного обвинителя от обвинения и их применение на практике	67
Кузнецов П.О. Бланкетные диспозиции: отдельные проблемные вопросы теории и практики.....	70
Маткаримов Қ.К. Тенденции гуманизации уголовного судопроизводства в условиях современных судебно-правовых реформ в Республике Узбекистан.....	72
Саламатова Е.И., Сидорова Н.В. Понятие и правовая природа уголовно-процессуального иммунитета.....	74
Сахаддинов С.М. Система отдельных категорий уголовных дел в уголовном процессе: национальный и зарубежный опыт.....	76
Тарасенко В.В. Юридическая фикция в законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим	81

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Федотенков Д.Г.

Криминалистическая особенность инсценировки как способа сокрытия преступлений 84

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Зверев П.Г.

Значение количественного показателя в деле обеспечения полицейским персоналом современных миротворческих операций ООН. 87

Кузнецова В.В.

Дипломатический иммунитет и привилегии, установленные Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. 89

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Данилов П.С.

Понятие и виды воинских преступлений по законодательству зарубежных стран (США, Великобритания, Франция, Германия) 92

Мазанюк Ю.А.

Появление Братства нотариусов в Нидерландах 95

Мухитдинова Ф.А., Аббасходжаев У.Б.

Реформы юридического образования в Республике Узбекистан 98

Сагинбеков К.С., Газаев А.И., Турсынбаев М.Б.

Актуальные проблемы экономической безопасности в Республике Казахстан 100

Тебаев Д.Б.

Англосаксонская модель государственного управления: особенности главы политико-территориального образования. 105

Шередеко Е.В.

Судебный прецедент в Великобритании в начале XXI века. 107

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Методология познавательной деятельности на функциональных стадиях правоприменительного процесса

Казанков Ярослав Николаевич, аспирант

Российская правовая академия, Иркутский юридический институт (филиал)

В свете продолжающейся реформы судебной власти в Российской Федерации тема познания в правоприменительной деятельности является особенно актуальной. Надлежащая реализация права и качественное его применение определяют состояние многих иных правовых явлений и институтов: гражданского общества, правового государства, правоотношений, правопорядка, законности и т. п. Показательно также и то обстоятельство, что проблематика познания в применении права в настоящее время достаточно немного исследовалась на теоретическом уровне.

Применение права — это осуществляемая в установленных законом формах управомоченными на то субъектами государственно-властная деятельность, которая связана с реализацией правовых норм и индивидуальным правовым регулированием [5; с. 409]. Познавательный процесс является составной частью правоприменительной деятельности; познание в своём широком смысле представляет собой духовную деятельность, содержанием которой является производство нового знания путём использования достижений прошлых поколений [8; с. 195]. Правоприменитель на основе исходных фактических данных устанавливает путём специфических методов новые необходимые данные.

Применение права опосредует собой определённый процесс, проходящий в своём развитии ряд стадий. Заслуживает внимания мнение о рассмотрении динамики правоприменительной деятельности с внешней и внутренней стороны, выделяя при этом процедурные и функциональные стадии соответственно [5; с. 414].

Так как с внешней стороны процесс применения права — это процесс производства (разбирательства) юридического дела, отражающий движение (динамику) последнего, в свете рассмотрения познавательной логики правоприменителя нас интересует рассмотрение процесса правоприменения с внутренней стороны.

Процесс применения права с внутренней стороны опосредует логику правоприменителя при разбирательстве дела и включает в себя, по мнению большинства правоведов-теоретиков, три функциональные стадии [4; с. 217]:

1) стадия установления фактических обстоятельств юридического дела (как правило, доказывание). Так, гра-

жданско-процессуальное судебное доказывание формулируется в специальной литературе как регламентированная законом процессуальная деятельность суда и других участников судопроизводства по установлению фактических обстоятельств дела [2; с. 66];

2) стадия юридической оценки фактических обстоятельств дела, которую чаще всего именуют стадией выбора и анализа подлежащих применению норм;

3) стадия принятия правоприменительного решения.

По поводу числа функциональных стадий правоприменительного процесса существует несколько мнений. В. С. Нерсисянц, Н. А. Пьянов и др. исходят из существования трёх функциональных стадий правоприменительного процесса; А. В. Малько выделяет четыре стадии: установление фактической основы дела, установление юридической основы дела, принятие решения по делу, исполнение решения по делу [7; с. 199–201].

М. Н. Марченко также полагает возможным рассмотрение правоприменительного процесса в аспекте его четырёхзвенной структуры: установление и исследование фактических обстоятельств дела; выбор и анализ нормы права с точки зрения её подлинности, законности, действия её во времени, в пространстве и по кругу лиц; анализ содержания нормы права и принятие решения (издание индивидуального акта); доведение содержания принятого решения до сведения заинтересованных государственных и общественных органов и должностных лиц [3; с. 612].

Н. М. Чистяков подходит к вопросу определения стадий правоприменения ещё более подробно, доводя их число до шести. Такая точка зрения заслуживает определённого внимания, так как подобным образом возможно детально проследить логику правоприменителя при рассмотрении дела и вынесении соответствующего решения. Соответственно выделяются стадии исследования фактических обстоятельств дела (стадия доказывания); выбор правовой нормы, по которой надлежит разрешить дело; проверка подлинности текста нормы права; толкование нормы права; вынесение решения компетентным органом, должностным лицом; доведение содержания решения до сведения адресата правоприменения, заинтересованных лиц и организаций [9; с. 183, 185].

Теоретическое выделение стадий правоприменительного процесса, независимо от их числа, преследует цель понимания сущности данного явления и его совершенствования, а потому стадийность процесса применения права должна быть чётко обоснована, отражено содержание каждой из стадий и их назначение.

В научной литературе по теории государства и права зачастую имеет место смешение процедурных и функциональных стадий в процессе применения права. По мнению автора данного исследования, наиболее оправдана трёхзвенная модель правоприменительного процесса (установление фактических обстоятельств юридического дела; юридическая оценка фактических обстоятельств дела: выбор и анализ подлежащих применению норм; принятие правоприменительного решения), так как она не допускает такового смешения и демонстрирует логику правоприменителя именно в аспекте функциональных стадий процесса применения права. Стадии исполнения решения по юридическому делу, доведение содержания принятого решения до сведения заинтересованных государственных и общественных органов и должностных лиц, видимо, следует считать не функциональными, а процедурными стадиями, поскольку они отражают динамику процесса производства (разбирательства) юридического дела (правоприменение с внешней стороны), а не логику правоприменителя в процессе разбирательства юридического дела (правоприменение с внутренней стороны).

Метод познания есть совокупность приёмов, средств, принципов и правил, с помощью которых постигается предмет исследования, методология же означает систему таких методов, применяемых в какой-либо области научных исследований [7; с. 12–15]. Методология познания в применении права есть синкретически сложная система, включающая в себя разнообразные приёмы и средства, различающиеся в зависимости от той или иной функциональной стадии правоприменительного процесса.

Подобное познание осуществляется, разумеется, не на всех стадиях правоприменительного процесса. В классической трёхзвенной структуре функциональных правоприменительных стадий оно затрагивает стадию установления фактических обстоятельств юридического дела, а также стадию юридической оценки фактических обстоятельств дела, и включает в себя ряд общенаучных и частнонаучных методов. Применяются в своей совокупности анализ, синтез, системный и функциональный подходы, конкретно-социологический (получение с помощью непосредственного наблюдения — эмпирического познания — данных о фактическом поведении субъектов, их правосознании и др. Так, во время судебного заседания судьи слышат показания свидетелей, объяснения сторон и третьих лиц, осматривают вещественные доказательства, материальный объект спора [2; с. 66]), формально-юридический (понятийный аппарат) и некоторые иные методы.

Диалектико-материалистический метод применим при познании в применении права, но весьма опосре-

дованно. Являясь по своей сути специально-практическим, утилитарным, познание в правоприменении призвано решать конкретные правовые, практические задачи в жизнедеятельности субъектов, но оно также использует данный метод, так как правоприменитель при разрешении юридического дела вынужден оперировать в т. ч. и морально-этическими, ценностными категориями, входящими в философско-диалектическую сферу бытия.

Общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, системный и функциональный подходы играют большую роль в правоприменении по сравнению с вышеназванным методом. Теория доказывания представляет собой весьма сложный и трудоёмкий логический процесс: определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию; выявление и собирание доказательств по делу; их исследование; оценка доказательств; проверка правильности судебного доказывания при пересмотре судебных актов [6; с. 37–38]. Очевидно то обстоятельство, что в процессе доказывания активно применяются вышеуказанные общенаучные методы.

Утилитарный, правовой характер познания в правоприменительной деятельности обуславливает широкое использование в нём частнонаучных методов. Математический метод при доказывании помогает устанавливать количественные показатели в содержании юридического дела, конкретно-социологический метод призван осуществлять в т. ч. и непосредственное познание в процессе применения права, формально-юридический метод даёт возможность правоприменителю в процессе доказывания использовать правовой категориальный аппарат («доказательство», «преступление», «объект спора», «собственность» и т. д.).

Является ли специфическим методом познавательной деятельности в правоприменении доказывание? Видимо, ответ на этот вопрос зависит от того или иного понимания, рассмотрения под определённым углом зрения термина «доказывание». При понимании доказывания как логического процесса, с помощью которого имеет место выработка нового знания-фактов, т. е. определённого набора логических действий-правил, ответ на поставленный вопрос следует утвердительный. Так, понимание доказывания как метода судебного познания содержится в ряде научно-теоретических исследований [1].

При четырёхзвенной структуре правоприменительного процесса познание также затрагивает сферу установления фактических обстоятельств дела и юридическую оценку (квалификацию) фактических обстоятельств, но не присутствует в стадиях вынесения правоприменительного решения, его исполнения либо доведения содержания такого решения до сведения заинтересованных субъектов.

Подводя итог, методология познания в правоприменительной деятельности достаточно разнообразна и представляет собой полиструктурную сложную систему. На стадии установления фактических обстоятельств юридического дела имеют место как эмпирический, так и ло-

гический методы познания; стадия юридической оценки фактических обстоятельств дела базируется на логическом методе. Предмет данного исследования обладает практической значимостью в жизни как отдельных индивидов, так и общества в целом. Надлежащее качественное применение права влияет на иные правовые явления,

определяя эффективность правовой системы государства в целом. Теоретические воззрения на понимание познавательной деятельности в правоприменении, получая развитие путём дальнейших изысканий, способны дать мощный импульс в качественной реализации данного явления на практическом уровне.

Литература:

1. Амосов, С. М. О судебном познании и методе судебного доказывания/С. М. Амосов // Правосудие в Восточной Сибири. — 2001. — №3–4.
2. Лебедев, М. Ю. Гражданский процесс: краткий курс лекций/М. Ю. Лебедев, Ю. В. Францифоров, А. В. Чекмарева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012. — 200 с.
3. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник/М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2010. — 640 с.
4. Нерсесянц, В. С. Теория права и государства/В. С. Нерсесянц. — М.: Норма, 2010. — 272 с.
5. Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие/Н. А. Пьянов. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. — 571 с.
6. Решетникова, И. В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие/И. В. Решетникова — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. — 503 с.
7. Теория государства и права: учебник/отв. ред. А. В. Малько. — 4-е изд., стер. — М.: КНОРУС, 2010. — 400 с.
8. Философия: учебник/под общ. ред. Л. А. Деминой. — М.: Проспект, 2012. — 360 с.
9. Чистяков, Н. М. Теория государства и права: учеб. пособие/Н. М. Чистяков. — М.: КНОРУС, 2010. — 288 с.

Правовое обеспечение национальной безопасности

Сергеева Мария Андреевна, аспирант

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск)

Рассматриваются правовые основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; анализируются базовые нормативные правовые акты в исследуемой сфере; формулируется вывод о том, что в настоящее время, несмотря на наличие значительного числа документов, регулирующих отношения в области обеспечения национальной безопасности, действующее законодательство нуждается в доработке и совершенствовании.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, правовое обеспечение, нормативно-правовые акты, закон.

Национальная безопасность, и ее обеспечение в том числе, и правовое является одним из важнейших направлений государственной политики Российской Федерации. Россия как суверенное правовое государство может существовать лишь в том случае, если в ней будет обеспечено необходимое нормативно-правовое регулирование в этой важной сфере деятельности государства и общества.

В современном мире страна постоянно сталкивается с нарастающим потоком угроз национальной безопасности, охватывающих практически все области и сферы деятельности: экономическую, промышленно-технологическую, научную и научно-техническую, экологическую, внутри- и внешнеполитическую, оборонную, информационную, духовно-культурную, демографическую, национально-этническую и др. Эффективное противодействие

современным угрозам становится гарантией защиты национальных интересов и всестороннего обеспечения безопасности российских граждан.

Угрозы и вызовы XXI века потребовали кардинальной перестройки всей системы национальной безопасности России. В течение последних десяти-пятнадцати лет была фактически заново сформирована система органов, сил и средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Вопросы обеспечения национальной безопасности получили регламентацию в целом ряде нормативно-правовых документов, в том числе, на уровне федеральных конституционных законов. Тем не менее, проблемы обеспечения национальной безопасности по-прежнему стоят достаточно остро.

Термин «национальная безопасность» появился в США после Второй мировой войны и окончательно

утвердился с принятием в США в 1947 г. Закона о национальной безопасности. Характеризуя феномен национальной безопасности, официальные документы, являющиеся основой концепции национальной безопасности Соединенных Штатов, в качестве важнейшей цели национальной безопасности называли самосохранение нации как особой культурно-исторической, политической общности, что подразумевало защиту государственного строя, национальных идеалов, традиций, стиля жизни.

В послевоенной России национальная безопасность отождествлялась с безопасностью государственной власти («политическая безопасность») и международной безопасностью («внешняя безопасность» и «военная безопасность»). С середины 80-х гг. XX в., в условиях перестройки, в понятие национальной безопасности кроме традиционных (военных и политических) аспектов стали включать и иные, в частности гуманитарные, экономические, экологические. Хотя в советское время аналогом понятия «национальная безопасность», носившего характер определенного идеологического клише, обозначавшего особую борьбу с любыми проявлениями личной и общественной жизни, наносившими ущерб коммунистической идеологии и Советскому государству, чаще всего выступало понятие «государственная безопасность». В связи с тем, что в современных условиях национальные и государственные интересы не воспринимаются как тождественные, а приоритет интересов личности и общества по отношению к интересам государства получил конституционное закрепление, понятие «государственная безопасность» утратило свое былое значение.

В 1992 году принят Закон «О безопасности» — основа формирования правовой базы системы обеспечения национальной безопасности в стране.

В Законе под безопасностью понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», а под жизненно важными интересами — «некоторая совокупность потребностей и желаний, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства». Хотя термин «национальная безопасность» в Законе 1992 года не употребляется, но основные категории этого понятия присутствуют.

Современное законодательное определение понятия безопасности включило в себя два базовых компонента: защищенность и ориентацию на прогрессивное развитие.

На конституционном уровне термин «национальная безопасность» отсутствует. В Конституции Российской Федерации говорится о «государственной безопасности» или о «безопасности государства», а государство понимается как государство-нация (например, в ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 55 речь идет о безопасности государства; в ч. 1 ст. 82 — о безопасности целостности государства; в ч. 1 ст. 114 — о государственной безопасности; в ч. 1 ст. 56 — о безопасности граждан; в ч. 1 ст. 72 — об экологической безопасности)

В российском законодательстве пока, к сожалению, не отражены реальные и действенные правовые механизмы адекватного противодействия новым вызовам и угрозам безопасности Российской Федерации. Требуют уточнения и классификации сферы деятельности государства по обеспечению национальной безопасности. Противоречия, двойное толкование и декларативность положений соответствующих законов препятствуют их эффективному и целенаправленному исполнению.

Основные принципы и приоритеты безопасности отражены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. В ней отражены системы стратегических приоритетов, целей, задач и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства. Стратегия под национальной безопасностью Российской Федерации понимает состояние защищенности личности, от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы и достойное качество жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Системный подход к оценке всего спектра угроз национальной безопасности позволяет адекватно реагировать на них, концентрируя финансовые, экономические, интеллектуальные и иные ресурсы государства и общества на приоритетных, наиболее угрожаемых направлениях. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

Под обеспечением национальной безопасности понимается целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства и противодействию этим угрозам. Обеспечение национальной безопасности невозможно без комплексного использования политических, правовых, экономических, научно-технических, духовно-нравственных, информационных, военных и иных возможностей общества и государства. Деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности регламентируется правовыми актами.

Государство выступает основным субъектом в силу того, что оно наделено соответственными правами и полномочиями, имеет специальные институты, органы и службы, с помощью которых осуществляет деятельность по обеспечению национальной безопасности. Принципиальным положением нового понимания безопасности являются два момента: постановка в центр безопасности интересов личности, гражданина и понимание безопасности

как равной, неделимой для всего человеческого сообщества. В этом смысле важную роль в обеспечении национальной безопасности играют и другие субъекты: человек, гражданин, политические партии, общественные движения, организации и т. д.

Такой подход нашел свое отражение в Законе РФ «О безопасности». Однако следует, что все субъекты могут и должны принимать решения в области безопасности в равной степени и полном объеме. Но на практике для принятия эффективных решений необходима соответствующая информация. Некоторые сведения не могут придаваться широкой огласке из-за интересов секретности, соблюдения государственной и иной тайны, следовательно, одни субъекты (Федеральное Собрание РФ или Президент РФ) осуществляют непосредственную деятельность по обеспечению национальной безопасности, а другие (субъекты РФ, политические партии, общественные организации или отдельные граждане) лишь оказывают влияние на принятие этих решений, т. е. осуществляют опосредованную деятельность.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года констатируется, что «в условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности. Переход к качественно новой государственной политике предопределяет необходимость соответствующих изменений в правовой форме. Именно поэтому правовой аспект обеспечения национальной безопасности, сегодня имеет не только теоретическое зна-

чение, но и весьма существенное прикладное значение в контексте общего вопроса о правовом реформировании системы национальной безопасности Российской Федерации.

В механизме обеспечения национальной безопасности определенную роль играют объекты безопасности: личность, гражданское общество, государство. В целом, сложность структурных элементов механизма позволяют судить о сложности, процесса обеспечения национальной безопасности. Однако такой механизм не дает представления о динамике, процессе обеспечения национальной безопасности.

Существенное значение следует уделить стратегическим целям обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан это:

- снижение уровня социального и имущественного неравенства населения;
- стабилизация его численности в среднесрочной перспективе;
- коренное улучшение демографической ситуации (в долгосрочной перспективе).

Все, это можно достичь путем обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности и т. д.

В связи с этим, перед учеными, политиками, законодателями встает важная задача по разработке и созданию такого правового механизма национальной безопасности России, который бы позволил эффективно обеспечивать безопасность, быстро и адекватно реагировать на изменения сложившейся международной обстановки и иных факторов, прогнозировать и своевременно реагировать на все проблемы возникающие в этой области.

Литература:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
3. Ковальский, С. Что такое национальная безопасность? // Финансовый контроль. 2002. №6. С 26–27.
4. Амельчакова, В. Н. О соотношении категории «национальная безопасность» со смежными правовыми категориями // Вестник Московского университета МВД России. 2006. №4. с. 11–14.
5. Галузин, А. Ф. О понятии «правовая безопасность» и ее принципах // Правоведение. 2007. №6. с. 166–177.

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

К вопросу о развитии гражданского права Московской Руси в период формирования и утверждения сословно-представительной монархии (XV в.)

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент;

Чичеров Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Статья раскрывает некоторые аспекты развития гражданского права в Московской Руси периода формирования и укрепления сословно-представительной монархии. Прослеживается процесс изменения норм права в период XV века. Выводы автора основываются на изучении источников права и анализе научной литературы.

Ключевые слова: гражданское право; монархия; сословно-представительная монархия; судная грамота; судебник; история.

При Иване III (1462–1505 гг.) процесс централизации вступил в решающую фазу. В это время к Московскому княжеству были присоединены Новгородская земля (1478 г.) и Тверское княжество (1485 г.). При Иване III формируются прообразы центральных судебно-исполнительных органов и профессионального слоя их служащих — дьяков. Развитие гражданского права получило в Московской Руси в период формирования и утверждения сословно-представительной монархии (XV в.) широкое распространение и применение. В Московский период «обычное» право заменяется правовыми установлениями, исходящими от государства, постепенно утрачивает значение Русская Правда. Лучшие достижения юридической мысли — Новгородская и Псковская Судные грамоты — также не получили общегосударственного значения. Однако следует заметить, что ряд частноправовых положений названных источников, а также Русской Правды, в дальнейшем были инкорпорированы с учетом новых условий в последующее законодательство.

Наиболее распространенными формами правовых установлений в данный период были жалованные и уставные грамоты, первые из которых предоставляли от имени государства тому или иному отличившемуся лицу привилегии, в том числе имущественного характера, а вторые устанавливали порядок осуществления местного управления. Поэтому жалованные грамоты можно отнести к актам частного характера, говоря современным языком, — к индивидуальным актам. Кроме названных выше актов Московскому периоду были известны и такие источники права, как «указные книги» приказов, которые призваны были восполнять пробелы в правовом регулировании, а также обобщать судебную практику приказов. Так, в «указных книгах» поместного приказа регулирова-

лись поземельные отношения, а также обобщалась соответствующая практика [1. с. 24]

Однако наиболее важными актами в правовой сфере Московской Руси являлись Судебники 1497 и 1550 гг., которые, главным образом, регламентировали порядок судопроизводства, а частноправовым установлениям в них уделялось незначительное внимание.

Судебник 1497 года является первым крупным источником светского права формирующегося Московского государства. Судебник стоял на страже прав и привилегий господствующего класса и устанавливал ответственность за нарушения прав феодальной собственности. Защита феодальной собственности и личности феодалов, а также приравненных к ним монастырей и церкви, проходит красной нитью через весь Судебник. При защите имущественных интересов феодалов использовались различные виды юридической ответственности. В историко-правовой литературе все внимание исследователей было обращено на меры уголовной ответственности, на систему наказаний по Судебнику. В представленной статье будут определены сфера применения и меры гражданско-правовой ответственности, известные по Судебнику Ивана III.

Уже в статье 7-й Судебник 1497 года четко разделяет два вида ответственности — уголовную и гражданско-правовую: «А побьются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, ино на убитом исцево доправити; да околничему на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны. А сам убитой в казни и в продажи боярину и диаку» [2. с. 55]. Уголовная ответственность предусматривается только в последнем предложении статьи («в казни и в продажи»). Слова «на убитом исцево доправити» означают возмещение ущерба, причиненного истцу.

Истоки рассмотренной нормы восходят, видимо, к 10-й статье Белозерской уставной грамоты 1488 года, согласно которой для лиц, совершивших татьбу, разбой или душегубство, предусматривалось как уголовное наказание, так и обязанность возместить ущерб: «А доведут на кого татьбу, или розбой, или душегубство, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а тот разбойник, или душегубець намест-ником в продаже и в казне» [2. с. 55]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь также на первом месте стоит гражданско-правовая ответственность — сначала с преступника взыскивают причиненный пострадавшей стороне ущерб и только после этого он выдается для казни судебному чиновнику.

Установление статьей 7-й Судебника 1497 года — очень редкий случай, когда гражданско-правовая ответственность (возмещение ущерба) предшествует уголовной ответственности, поскольку законодатель в большинстве случаев ставит уголовную ответственность на первое место, подчеркивая тем самым приоритет государственного интереса перед частным. К примеру, уже в статье 8-й возмещение ущерба носит второстепенный характер: «...и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити изь его статка. А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнью тиуну великого князя московскому да дворскому» [2. с. 55].

Возместить ущерб, в случае отсутствия у преступника имущества, возможно посредством выдачи его пострадавшему лицу «головой». Несмотря на мнение С.Г. Струмилина, который рассматривал «выдачу головой» лишь как продажу имущества, но никак не личности истца, большинство исследователей полагают, что выданный «головой» преступник или должник отдавался истцу или кредитору в холопство до отработки долга. В любом случае — в случае продажи преступника или в отработки им долга — истец получал возможность полностью или частично возместить понесенный ущерб [3. с. 157]. Однако законодатель в рассматриваемой статье прямо запрещает выдать преступника «головой», поскольку в таком случае он избежит уголовной ответственности, уйдя от положенного ему от государственной власти наказания. Аналогичное соотношение уголовной и гражданско-правовой ответственности предусматривалось в ст. 11 применительно к вору-рецидивисту: «А поймают татя вьдругые с татбою, ино его казнити смертною казнью, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с ысцеву гибиль, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью» [2].

Возможность выдачи преступника истцу «головой» все же была предусмотрена Судебником, но в отношении менее тяжких преступлений. Например, вор, впервые попавшийся на краже, мог быть выдан «головой» своему истцу, если имевшееся у него имущество не покрывало убытки истца (ст. 10): «А не будет у того татя статка,

чем исцево заплатити, ино его бив кнугиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем» [2]. Тем не менее, обращает на себя внимание последовательность применения видов ответственности: сначала вор подвергается уголовному наказанию (битье кнутом) и только после этого подлежит гражданско-правовой ответственности.

Эта же 10-я статья предоставляет материал для еще одного важного вывода. Согласно этой статье «выдача головой» предстает не как отработка долга, а как продажа за долги («на продажу»). Покупная сумма призвана полностью или частично покрыть ущерб, понесенный истцом. Ю.В. Оспенниковым были собраны свидетельства того, что в период XII—XV веков «выдача головой» предполагала приобретение кредитором права на личность должника [4. с. 372—373]. При этом следует иметь в виду, что в этот период состояние холопства носило временный характер, то есть вполне могло прекращаться по факту отработки долга (причиненного ущерба). С таким предположением хорошо согласуются известные конкретные правоприменительные акты, из которых следует, что преступник выдавался истцу головой «до искупа», то есть до отработки долга (до полного возмещения причиненного ущерба). Например, в 1503 году Михалка Жук был приговорен к возмещению ущеба в размере 5 рублей, причиненного монастырю в результате поджога монастырской деревни. Поскольку ответчик не смог выплатить оговоренную сумму, он был передан монастырским властям «до искупа» [5. с. 542—543]. Таким образом, правовой статус должника, «выданного головой», соответствовал положению «полного холопа» — он мог быть продан кредитором для возмещения ущерба или же использовался в хозяйстве кредитора до полной отработки долга.

По мнению И.В. Попрядухиной допустимо будет предположить, что окончательное решение — продажа за долги или отработка долга в положении холопа кредитора — определялось исходя из суммы ущерба, подлежащего возмещению. Цена холопа в XV веке колебалась, по данным исследователей, от одного до трех рублей [3. с. 158]. Видимо, в том случае, когда продажная цена должника покрывала сумму ущерба, кредитор прибегал к продаже его за долги, в противном случае целесообразнее было оставить должника на положении холопа до отработки долга. Полагаем, что возмещение ущерба использовалось как основной вид ответственности в случае разрешения спора «мировым порядком».

В конце XV в. государственная власть стремилась установить приоритет своего интереса над частным, что предполагало ограничение «мирового» порядка разрешения споров. Однако сила традиции была настолько значительной, что и в Судебнике 1497 года еще предусматривается возможность разрешения некоторых дел «миром». Примером здесь может являться статья 53-я Судебника: «А кто кого поймает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложат судии, помиряются, а судьи продажи на них нет, опроче ездую и хо-

женого» [2]. Правонарушения, которые предусматриваются статьей 53-й, оцениваются Судебником как обладающие меньшей социальной опасностью, нежели крамола, подым, поджог, татьба и другие преступления, перечисленные в статьях 7–13. За избиение, оскорбление, неисполнение обязательства Судебником не предусмотрена уголовная ответственность. Вполне очевидно, что разрешение спора в этих случаях происходит на основе возмещения ущерба — или в «мировом», или в судебном порядке.

Дополнительно здесь еще можно заметить, что стремление государственной власти поставить под свой контроль регулирование всех общественных отношений проявилось в том, что мировое соглашение признавалось действительным только после утверждения его судебными органами.

Случаи неисполнения обязательства более подробно регулировались статьей 55 «О займех», восходящей к аналогичной статье Русской Правды. Статья 55 дифференцирует ответственность должника за неисполнение обязательства в зависимости от основания его несостоятельности. В случае невиновой несостоятельности

(«...утеряется товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возьмет»...) должник получает возможность вернуть долг без уплаты процентов. По отношению к должнику, оказавшемуся несостоятельным по собственной вине («...пропиеет или иным каким безумием погубит товар свой без напразднства»), применяется выдача истцу «головой на продажу». Имущественная ответственность переходит на личность должника.

Еще одна сфера применения гражданско-правовой ответственности по Судебнику 1497 г. — это случаи поправки или (в терминологии самого Судебника) — «поправки» (ст. 61): «А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится поправка, ино тому платити, чья огорода» [2. с. 61].

Таким образом, анализ текста Судебника 1497 года и связанных с ним ранних источников права Московского государства показывает, что к концу XV века правонарушитель подлежал не только уголовной, но и гражданско-правовой ответственности. При этом усиление государственных начал приводило к тому, что на первый план выходят меры уголовной ответственности, оттесняя гражданско-правовую ответственность на второй план.

Литература:

1. Ковальчук, М. А. История гражданского права России. Учебное пособие. Хабаровск, 2001.
2. Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства/Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985.
3. Попрядухина, И. В. Гражданско-правовая ответственность по Судебнику 1497 // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 4. с. 157–160.
4. Оспенников, Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2007.
5. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.: В 3 т. М., 1964 Т. 3.

Столыпинские аграрные преобразования начала XX века: современная историография

Спиридонов Егор Владимирович, студент;
Тремаскина Екатерина Игоревна, студент
Российский университет кооперации, Саранский кооперативный институт (филиал)

В статье исследуются основные тенденции оценок столыпинской аграрной реформы. На основе анализа научной исторической литературы последних двух десятилетий, авторы выявляют основные направления изучения различных аспектов столыпинской аграрной реформы российскими историками.

Ключевые слова: историография, крестьянское хозяйство, община, П. А. Столыпин, российская деревня, столыпинская аграрная реформа.

В начале XX века была проведена аграрная реформа получившая название в историографии как «столыпинская аграрная реформа», за это время было опубликовано огромное количество работ, посвященных различным аспектам аграрного преобразования экономики Российской империи. Указывая на актуальность изучения

аграрного сектора экономики России начала XX века, необходимо отметить преобладание среди работ ряда региональных исследований. В силу этих объективных причин процесс столыпинского аграрного реформирования привлекает внимание не только историков, опубликовавших значительное количество новых работ конкретно истори-

ческого плана, но и вызвало появление аналитических историографических исследований [1; 2; 3].

Можно констатировать, что столыпинская реформа явилась вторым этапом великой реформы 1861 г. По мнению большинства исследователей [4; 5; 6; 7], уроки этой реформы не потеряли своего значения и сегодня, не смотря на то, что сельское хозяйство, как и Россия, неузнаваемо изменились за последние 100 лет. Крестьянство перестало быть основным сословием в России. Сельскохозяйственная деятельность не является больше основной сферой занятости населения страны. Существенным образом изменились технические условия ведения аграрного производства. Несмотря на то, что эти перемены произошли, никто с этим не будет спорить, но Россия, в силу исторических обстоятельств и размера территории, которую она занимает на планете, обречена, в хорошем смысле этого слова, быть великой сельскохозяйственной державой. И аграрная повестка дня должна быть в центре экономической политики. Несмотря на существенные технологические перемены за последние 100 лет, структура выпуска сельскохозяйственной отрасли остается такой же, как и век назад. Во-первых, земля по-прежнему является кормилицей, основным средством производства в сельском хозяйстве. Во-вторых, результаты отрасли существенно зависят от природно-климатических условий и агропродовольственные рынки отличаются наибольшей волатильностью, как и сто лет назад. А структура аграрной экономики представлена двумя типами предприятий: корпоративными и семейными. Производство, как ни в какой другой отрасли народного хозяйства, территориально рассредоточено и аграрная политика смыкается с территориальной и расселенческой.

В современной историографии изучения аграрной реформы под руководством П.А. Столыпина утвердился взгляд, что реформирование аграрного сектора экономики явилось «запоздалой» мерой. Такое утверждение находит свое обоснование в исследовании С.Б. Котлярова, который полагает, что в 1906–1907 гг. было слишком поздно для начала реформ в системе землевладения и землепользования [8].

С этой постановкой вопроса, что формы владения и распоряжения землей в годы реформы жестко навязывались крестьянам без учета их мнения солидарен А.П. Корелин. Историк высказывает убеждение, что эволюционное развитие деревни после 1861 г. все время тормозилось и деформировалось аграрной политикой правительства. В столыпинское время все основные проекты аграрных реформ, которые давно, порой десятилетиями разрабатывались в ведомствах, безнадежно запаздывали с внедрением, а когда уже невозможно было затягивать, внедрялись бюрократическими методами, лихорадочно с постоянной оглядкой назад, с готовностью повернуть вспять [9].

В.П. Данилов также подчеркивает, что по своей главной сути осуществлявшиеся столыпинским правительством мероприятия по решению аграрного вопроса берут начало в проектах и программах реформаторов

прежних лет. Основное направление реформирования деревни, в общем и целом было ясно и понятно наиболее прогрессивным людям века XIX задолго до «аграрных беспорядков» начала XX века. Другим аспектом этой проблемы было то, что у правящих кругов было достаточно инструментов влияния, чтобы не давать хода назревшим реформам при достаточной близорукости, чтобы не предвидеть приближавшихся социальных катаклизмов. «Все эти меры, — пишет В.П. Данилов, — могли бы изменить ситуацию в России, будь они проведены лет на 20–25 раньше (когда их предлагал Н.Х. Бунге). Но после 1905 г. было уже поздно. Столыпинская реформа слишком откровенно была направлена на сохранение помещичьего землевладения... Слишком откровенным был при этом административный нажим на крестьян» [10, с. 13].

Противоположной точки зрения на проблему аграрного реформирования сельскохозяйственного уклада крестьян-общинников придерживается исследователь К. Маццато: подчеркивая экономические проблемы в сельском хозяйстве, он пишет, что невозможно объяснить тридцатилетнюю паузу после реформы 1861 г. лишь инерцией правительства и господствующего класса: «Только с окончанием мирового аграрного кризиса и в результате подъема уровня грамотности среди крестьян в силу распространения земских школ и проникновение в среду крестьянства понятия «улучшение хозяйства» впервые для передовых крестьян появилась возможность выйти из общины» [11, с. 194]. Последняя позиция находит поддержку в среде российских ученых [12, с. 194].

Аграрное реформирование начала XX века, в дальнейшем получившее название столыпинская реформа, одним из самых актуальных на нынешний день имело направление, связанное с изучением функционирования учреждений государственного и местного управления. Сущность аграрной реформы состояла в закреплении правового статуса крестьянского сословия через индивидуальную земельную собственность [13].

Важнейшее в аграрной реформе Столыпина заключалось в том, что крестьянин становился частным владельцем земли. Таким образом, от того, как он ею распорядился, зависела его состоятельность. Улучшение положения большинства населения России помогло бы, как представлялось П.А. Столыпину, стабилизировать состояние сначала экономики, а затем и социально-политической обстановки в стране. Он был против национализации земель, считая, что любая программа национализации приведет за собой великие социальные потрясения, от которых будет тяжело оправиться [14]. В настоящее время тема изучения аграрных преобразований в России начала XX века пользуется необычайной актуальностью [15; 16; 17].

Подводя итог современному историографическому периоду в целом, необходимо отметить, что проблема столыпинской аграрной реформы активно разрабатывалась как на центральном, так и на местном уровнях. Современный историографический обзор столыпинской аг-

рарной реформы характеризуется, прежде всего, резким расширением «пространства» исследований, углубленным изучением местных архивных фондов и региональной статистики, что позволяет более основательно проводить теоретический анализ, реконструировать сложные процессы землеустройства, развития региональных аграрных рынков, технологической и социальной модернизации в российской деревне.

Не случайно Петр Аркадьевич Столыпин поставил в центр своих экономических преобразований аграрную реформу. Это целесообразно сделать и сейчас, не смотря на сокращение сельскохозяйственной занятости в экономике. Дело в том, что помимо того значения отрасли в современной экономике, действует ряд существенных факторов, которые стимулируют сельскохозяйственную занятость в России. Первый фактор — растущий спрос на сельскохозяйственное сырье и продовольствие в мире в связи с увеличением населения, ростом его доходов и исчерпанием свободных сельскохозяйственных земель в других странах. Только Россия обладает таким большим земельным фондом необрабатываемых сельскохозяйственных угодий. Второй фактор — рост потребности в биотопливе, как в частичном заменителе традиционных энергоресурсов. Мы знаем, что от развития сельского хозяйства зависит не только мировая продовольственная безопасность, но, как показывают события последних лет, еще и мировая энергетическая безопасность. Некоторые страны сделали производство биотоплива одним из основных направлений своего аграрного развития.

Третье — увеличивается спрос в мире со стороны особенно высокодоходных групп потребителей на продукты низкоинтенсивного и, так называемого, экологического сельского хозяйства. Удовлетворить этот спрос Россия может на своих огромных площадях, не развивая интенсивные технологии. Четвертое — растут потребности растущего городского населения в удовлетворении своих рекреационных потребностей, благодаря развитию сельского и аграрного туризма. И пятое — существует необходимость обеспечения социального контроля над территорией, как условие геополитической безопасности нашей страны. Таким образом, принцип приоритета сельского хозяйства сохраняется. И не случайно этот принцип положен в основу современной аграрной политики особенно последнего 10-летия, начиная с приоритетного национального развития агропромышленного комплекса (АПК) и кончая принятием закона о развитии сельского хозяйства.

Оценки столыпинской аграрной реформы по-прежнему неоднозначны. Выступая узловой проблемой в исследовании аграрного сектора экономики России, она привлекает пристальное внимание не только профессионального сообщества ученых, но и журналистов, политических деятелей, что, несомненно, сказывается на характере дискуссий. В заключении представляется немаловажным отметить необходимость дальнейшего исследования модернизирующего влияния аграрной реформирования и дальнейшего уточнения исторического знания в процессе региональных исследований.

Литература:

1. Каршин, В. Ю. Реформы П. А. Столыпина: перекрестки мнений современных историков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. №2. с. 3–9.
2. Роголина, Н. Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2008. №2 (19). с. 25–31.
3. Зоркова, Н. Н. Столыпинская аграрная реформа: история изучения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. №2. с. 64–72.
4. Видяйкин, С. В., Котляров С. Б. Деятельность Крестьянского Поземельного банка в Симбирской губернии в процессе реализации столыпинской аграрной реформы // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. №2. с. 72–77.
5. Пяткина, Т. Ю., Денисова К. Н., Корчагин А. И. Правовые основы столыпинских аграрных преобразований // Молодой ученый. 2014. №4. с. 761–763.
6. Котляров, С. Б. Правовые особенности столыпинских аграрных преобразований начала XX века // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. №6. с. 36–39.
7. Чичеров, Е. А., Котляров С. Б. Участие населения в правотворчестве органов местного самоуправления // 20 лет Конституции РФ: юридическая наука и практика в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 2013. с. 152–157.
8. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.
9. Корелин, А. П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.
10. Данилов, В. П. Аграрные реформы и аграрные революции России: в 2 т. М., 2002. Т. 1.
11. Мацузато, К. Индивидуалистические коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам. Новый мир истории России. М., 2001.
12. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.

13. Видяйкин, С. В., Котляров С. Б. К вопросу о переселенческой политике в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. Т. 12. №2. с. 64–69.
14. Тараканова, Н. Г. Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX — начала XX вв. // История государства и права. 2011. №18. с. 41–45.
15. Аверяскина, О. С., Панякина Т. В. Некоторые аспекты современной историографии столыпинской аграрной реформы // Молодой ученый. 2014. №3. с. 687–689.
16. Тюрина, К. В. К проблеме изучения правовых основ столыпинской аграрной реформы начала XX века // Молодой ученый. 2014. №7. с. 589–591.
17. Котляров, С. Б. Итоги аграрной реформы П. А. Столыпина к 1917 г. (на примере Симбирской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. №2 (30). с. 38–46.

Землеустройство по указу 9 ноября 1906 года

Черапкин Андрей Николаевич, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

В статье исследуется проведение аграрных преобразований, которые вошли в историю России как столыпинская аграрная реформа. На основе анализа научной исторической литературы автор выявляет основные направления изучения различных аспектов правовой регламентации и процесса реализации столыпинской аграрной реформы начала XX века.

Ключевые слова: аграрная реформа, крестьянское хозяйство, община, П. А. Столыпин, российская деревня, аграрные преобразования.

Проект будущего Указа о земельной реформе, в последствии получившей название столыпинская, обсуждался в Совете министров 10 октября 1906 г. Предлогом для постановки вопроса о свободных выделах из общины послужило то, что манифестом от 3 ноября 1905 г. не был установлен способ, как точно определить размер уплаченной крестьянином части выкупа. Проект закона о свободном выходе крестьян из общины с укреплением наделов в личную собственность был подготовлен комиссией под руководством Гурко — Пестржецкого и представлен правительству министром внутренних дел Столыпиным уже от своего имени [1].

Указ об аграрных преобразованиях был подготовлен и издан 9 ноября 1906 г., получив весьма скромное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения». Однако, по мнению Г. А. Герасименко, этот указ явился кардинальной мерой так как был рассчитан на уничтожение общинной формы землевладения и заменой ее частной собственностью на землю. Именно это должно было взорвать прежний уклад сельской жизни и создать широкий слой экономически крепких крестьян, — опору государственных устоев [2].

Содержание указа представляло резкий контраст его более чем скромному названию. Первая же, статья гласила, что «каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли» [3]. Это означало, что до-

мохозяин, укрепивший в собственность пять-шесть-десять чересполосных кусков в массиве надельной земли, больше не подчинялся общине ни при переделах или переверстках, ни в отношении севооборота. Заставить такого хозяина сеять в поле один и тот же хлеб или в одно и тоже время убирать его, пустить на жнивье скот можно было только силой общества. Правда, чересполосные владельцы обычно этому не противились, так как и сами были зависимы от односельчан общим выгоном, толокой или пастбищем. Сложнее было с излишками земли, которые постоянно появлялись в семьях в силу естественных демографических изменений в промежутках между переделами. Однако были излишки и другого рода, например, когда деревенский богач оказывал обществу благодеяние, «соглашаясь» на сходе принять на себя несколько выморочных или покинутых «душ» (наделов) с обязательством оплачивать за них повинности. Вторая статья указа разрешала укреплять в собственность, сверх усадьбы, всю землю, находящуюся в постоянном (не арендном) пользовании, только в общинах, производивших в течение предшествовавших 24 лет переделы. Желавшие укрепить за собой земельные излишки должны были за них уплатить, причем не по существующей, а по выкупной, 40-летней давности цене, которая как ни была высока тогда, теперь стала на деле символической. В остальных общинах излишки укреплялись безвозмездно [4].

Согласно 4 статье указа, крестьянин, укрепивший общинную землю, в дальнейшем сохранял за собой право в прежнем объеме пользоваться сенокосными, лесными

и другими угодьями, а также не переделываемыми общинными угодьями, например — выгонами [4].

В указе был изложен порядок закрепления земли в личную собственность 6 статья. Свои требования крестьяне должны были передавать сельскому старосте, а затем они рассматривались на сходе. Сельское общество по приговору, который постановлялся простым большинством голосов, обязано было в течение одного месяца после подачи заявления о выделе вынести свое решение. Указом определялись и порядки разрешения споров, связанных с укреплением земли, обжалования общественных приговоров и постановлений земских начальников, на которых лежала обязанность рассмотрения споров и исполнение заявлений о выделе земли в случае, если общество уклонялось от вынесения приговора (статьи 7—9) [5].

Статья 12 указа устанавливала выделившимся из общины крестьянам право во всякое время требовать, чтобы общество дало ему взамен этих участков другой равноценный участок по возможности к одному месту [4].

К этому акту примыкает Указ от 15 ноября 1906 г. «О праве залога надельных земель». Его принятие этого указа расширяло деятельность Крестьянского поземельного банка по насаждению хуторов и отрубов и выдаче ссуд под залог надельных земель.

Закон 14 июня 1910 г. юридически закреплял политику правительства в отношении общины. Огромное значение в нем придавалось созданию хуторских и отрубных хозяйств, предусматривался новый порядок перехода целых селений и общин к отрубному владению (вопрос о выходе из общины и укрепление земельных наделов решался на сходе простым большинством голосов вместо 2/3 голосов, как было прежде) [6].

Дальнейшей целью реформы было создание отрубов и хуторов. Укрепив за собой надельную чересполосную землю, домохозяин мог потребовать, чтобы ее заменили «соответственным участком, но по возможности к одному месту». Если община не имела такой возможности, она должна была уплатить ему за землю — не выкупную, а существующую рыночную цену земли [7].

Укрепление земли в частную собственность давало крестьянину право требовать от сельского общества выделить ему площадь укрепленной земли к одному месту в виде хутора (с переносом построек) или отруба (без переноса). Подобные заявления с требованиями выдела не заставили себя ждать. На поставленный вопрос — кто выделялся — существует ответ: выделялись главным образом крайние группы. В отношении низших групп крестьянства выгода была ясна: землю, выделенную к одному месту, можно было продать или сдать в аренду значительно дороже, чем укрепленную чересполосной, хотя и значительно дешевле, чем расценивали частновладельческую (помещичью). С высшими группами крестьянства разобратся было сложнее, так как они не были однородны.

Самую многочисленную группу составляли зажиточные крестьяне, имевшие предпринимательское хозяйство, основанное на труде членов семьи и наемных работников.

Кулаки выступали по большей части за укрепление земли в собственность, это открывало им возможность скупки надельной земли для последующей спекуляции или сдачи ее в аренду. Однако они же выступали и противниками выделения из общины на хутора, так как этим сужалось поле их кабатно-ростовщической деятельности.

Далеко не все зажиточные крестьяне были сторонниками выделов из общины, так как для них в этом случае затруднялось пользование общим выгоном, пастбищем, толокой, пастьбой по общим жнивьям и зеленым. Определенную выгоду для зажиточных крестьян представлял выдел на отруба: проживание в деревне обеспечивало им пользование общими угодьями. Основную массу выделяющихся составляли беднота и средние крестьяне, что далеко не отвечало планам реформаторов.

Разрушая общину, правительство рассчитывало создать хуторские и отрубные хозяйства и придавало этому процессу особое значение. Создавать такие хозяйства было решено двумя способами: разверстанием на хутора и отруба земель, перешедших в распоряжение Крестьянского поземельного банка, и проводить землеустроительные работы на надельных землях путем отвода лучшей общинной земли под хуторские и отрубные участки. Таким образом, основой деятельности землеустроительных комиссий являлось насаждение хуторов и отрубов на надельных, банковских и казенных землях. Большими препятствиями в процессе быстрого перехода к хуторским хозяйствам был низкий культурный уровень крестьян, их косность и привязанность веками сложившемуся укладу, а также плохая организация агрономической помощи [8].

Процент выхода крестьян из общины был значительно выше в уездах, где развитие капитализма получило широкое развитие, где проходили железные дороги, водный путь и располагались рынки сбыта. В уездах с низким уровнем капитализма разрушение общины шло медленно. По мнению симбирских земцев, их агрономические мероприятия способствовали более быстрому переходу крестьян к хуторским и отрубным хозяйствам.

Одним из последствий Столыпинской аграрной реформы явилась продажа укрепленных наделов крестьянами, вышедшими из общины по указу 9 ноября 1906 г. Процесс мобилизации земель находился в прямой связи с укреплением крестьянами надельной земли.

На процесс создания хуторов оказывали большое влияние социальные и психологические факторы. Переезжая на хутор, крестьянин как бы лишался поддержки односельчан и оставался со своими проблемами один на один, когда можно было надеяться только на себя и свой труд. В то же время перешедшие на хутора отмечали, что они стали относиться к деньгам бережнее, которые теперь не тратились на спиртное, а вкладывались в хозяйство; произошло снижение количества драк и воровства, появилось сводное время; хуторяне чаще стали посещать церковь. Усиление их религиозного чувства объясняется стремлением народа к общению, которого

как раз и был лишен хуторянин, не видевший в течение всей рабочей недели никого, кроме своей семьи. Поход в церковь предоставлял возможность поговорить с соседями, поделиться с ними радостями и горестями.

Таким образом переход на хутора имел и достоинства, и недостатки. Каждый крестьянин решал сам, уйти ли ему на хутор или остаться в деревне. Для большинства выделенных из общины отрубная форма землевладения оказалась более привлекательной, чем переход на хутор.

Аграрная реформа, проводимая российским правительством в 1906–1916 гг., не была искусственно привнесенным в русскую деревню кабинетным мероприятием, поскольку имела свои объективные предпосылки. В начале XX в. у крестьянина уже был некоторый опыт управления своей землей (индивидуальное использование, аренда, покупка земли). Среди сельских жителей сложилась группа людей, имеющих начальный капитал для формирования или расширения своего земледельческого хозяйства в условиях индивидуальной частной собственности на землю, готовых активно включиться в капиталистическое использование земли.

Реформа во многом выступила в роли катализатора ускорения развития в среде крестьянства буржуазных отношений. Жизнь русской деревни в этот период протекала под знаменем быстрорастущего капитализма. Возросла товарность крестьянских хозяйств, их связи с внутренним рынком.

Необходимо также отметить, что в период реформы формирование крестьянской капиталистической собственности в русской деревне шло интенсивнее, чем в многонациональной. Аренда внеадельных земель в районах проживания русских крестьян получила более широкое распространение. В основном свое землепользование, как в русской, так и многонациональной деревни, увеличили зажиточные крестьяне. Столыпинская земельная реформа окончательно не устранила все феодальные перегородки в землевладении и землепользовании многонационального крестьянства России. Однако ее проведение способствовало разрушению общинного землеустройства и переходу к капиталистическим формам хозяйствования, созданию крепких крестьянских хозяйств на территории страны.

Литература:

1. Анфимов, А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. №6. с. 49.
2. Герасименко, Г. А. Аграрная реформа Столыпина: замыслы и результаты // Народный депутат. 1992. №12. с. 144.
3. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3. Т. 26. Отд. 1. №28528. СПб., 1909. с. 969.
4. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005. с. 83.
5. Видяйкин, С. В., Котляров С. Б. К вопросу о переселенческой политике в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. Т. 12. №2. с. 64–69.
6. Александровский, Ю. В. Закон 14 июля 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911. с. 376.
7. Котляров, С. Б. Правовые особенности столыпинских аграрных преобразований начала XX века // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. №6. с. 36–39.
8. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Избирательное право в конституциях стран СНГ

Потапова Елена Анатольевна, старший преподаватель
Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск)

Еще в середине 90-х и 2000-х годов в странах СНГ проведена полномасштабная политическая реформа, направленная на развитие демократических начал в формировании и деятельности институтов государственной власти и местного самоуправления. Органической составляющей этой реформы является реформа избирательной системы, обеспечивающая демократическое воспроизводство и ротацию власти по итогам периодически проводимых выборов [1,3]. Поэтому первостепенное значение в процессе трансформации институтов публичной власти приобретает исследование действующего избирательного права и законодательства.

Распад СССР и утверждение государственного суверенитета в бывших союзных республиках не могли не сказаться на содержании их конституционного законодательства.

Специфика конституций стран СНГ проявляется, во-первых, в темпах и объеме конституционных преобразований; во-вторых, в построении институтов власти; в-третьих, в закреплении разнообразных форм государственного устройства.

Каждое государство Содружества использовало в ходе конституционных преобразований свой собственный конституционный опыт, опыт конституционных реформ в России. Конституции стран СНГ принимались как путем референдума (РФ, Казахстан, Республика Беларусь), так и парламентским путем (Туркменистан, Узбекистан, Украина).

Институту выборов, как в советский период, так и в современный, всегда придавалось исключительно важное политическое значение. Обратившись к истории можно сделать вывод, что для избирательного права советского периода характерны следующие особенности: Конституциями бывших республик были детально регламентированы не только принципы избирательной системы, но и порядок проведения выборов. Эффективность выборов была достаточно высока, однако в то же время избирательная кампания проходила, как правило, формально, а итоги выборов зачастую были заранее предрешены.

В Конституции России и Республики Казахстан заложены демократические принципы построения избирательной систем, но прямого закрепления принципов избирательной системы в Основном законе нет, т. е. в кон-

ституционной практике РФ и РК не упоминаются даже самые основополагающие принципы, что выборы проводятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Они оказались «утраченными» вместе с традиционной главой «Избирательная система» [3,14], несмотря на то, что Конституция РСФСР 1918 года включала в себя раздел, посвященный вопросам организации выборов «Активное и пассивное избирательное право», кроме того, имели место главы «О производстве выборов», «О проверке и отмене выборов и об отзыве депутатов»; в Конституции РСФСР (Основном Законе) 1925 года раздел «О выборах в Советы» включал в себя три подраздела: «Об активном и пассивном праве», «О производстве выборов», «О проверке и отмене выборов и об отзыве депутатов», Конституция (Основной закон) РСФСР 1937 года уже традиционно имела главу «Избирательная система»; Конституция СССР 1977 г., Конституция РСФСР 1978 года, конституции союзных республик, включая РСФСР, также содержали главы, посвященные избирательной системе.

Примечательно, что в проекте Конституции Российской Федерации, который был вынесен на обсуждение Конституционного совещания, принципы избирательного права формулировались в ст. 7 следующим образом: «Высшим выражением непосредственной власти народа Российской Федерации являются выборы гражданами своих представителей в органы власти и общенародный референдум, проводимые свободным, всеобщим равным, прямым, тайным голосованием» [3,14]. Но в окончательный вариант Конституции РФ этот текст внесен не был, так как участники Конституционного совещания не пришли к согласию. Вследствие этого, в настоящее время принципы действующей в РФ избирательной системы определены в основном, в текущем законодательстве, при этом необходимо отметить, что современная наука избирательного права расширила перечень принципов избирательного права. [2,112].

Законодатель отчасти восполнил этот пробел нормами Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», благодаря чему удалось приблизиться к международным избирательным стандартам, процедурам и технологиям, отвечающим подлинно справедливым и свободным выборам.

В настоящее время в конституциях некоторых стран СНГ нормы о выборах детально регламентированы и содержатся в специальных главах или разделах. К таковым относятся, например, Конституции Украины (раздел 3. Выборы. Референдум, ст. 69–74) [4], Республики Узбекистан (гл. 23. Избирательная система, ст. 117) [5], и Республики Беларусь (гл. 1, Избирательная система, ст. 68–72, гл. 2, Референдум (народное голосование, ст. 73–78.) [6]. В остальных конституциях стран СНГ нормы о выборах содержатся лишь в общем виде.

В отдельных странах СНГ действуют так называемые органические законы, которые принимаются по прямому предписанию конституции (на основе ее бланкетных норм) (Грузия, Молдова), а в Таджикистане, Казахстане закон о выборах имеет статус конституционного. Содержание специальных законов о выборах стран СНГ имеет много общего, что обусловлено их структурой, задачами и назначением. Вместе с тем имеются и существенные различия в этих законах. Они касаются в первую очередь содержания и объема, решаемых в них вопросах. Во многом эти различия обусловлены соответствующими конституциями, возможностью регулирования отдельных видов выборов.

В некоторых странах в настоящее время действует избирательный кодекс (Азербайджан, Беларусь, Молдова), содержащий в систематизированном виде все основные нормы избирательного права и детально регулирующий избирательный процесс.

Избирательное право и система организации выборов играют определяющую роль в формировании органов го-

сударственной власти и органов местного самоуправления. Конституции государств участников СНГ содержат основополагающие положения, касающиеся организации и проведения выборов, имеющие высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории страны.

В конституциях стран СНГ закреплено значительное число институтов непосредственной демократии (выборы, референдум, народная правотворческая инициатива).

Избирательные права в конституциях государств — участников СНГ могут быть сформулированы по — разному, но, как правило, они сводятся к степени детализации изложения того или иного правомочия. В основном, в конституциях стран СНГ содержатся общие нормы избирательного права, имеющие имплицитный характер, а также эксплицитные нормы о способах избрания соответствующих выборных органов (парламента, президента и др.), а все остальное регулируется другими конституционными законами иными правовыми нормами, то есть Конституциями и избирательным законодательством стран СНГ, но, в связи с отсутствием во многих странах в конституциях разделов или глав об избирательной системе недостаточно четко гарантируется защита демократических принципов и норм избирательного права, несмотря на то, что основные политические права и свободы закреплены в Основных законах в соответствии со стандартами демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ, Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах.

Литература:

1. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации./Учебник для ВУЗов/Под ред. Вешнякова А. А. // М.: Норма, 2003. — 816 с.
2. Современное Российское избирательное право: понятие, принципы, источники./Учебник для ВУЗов/Князев С. Д. // Владивосток: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2010 г. — 735 с.
3. Конституционное совещание./Стенограммы. Материалы. Документы./Том 1./М., 1997. с. 314.
4. Конституция Украины от 28 июня 1996 года. Конституции государств Европы в 3 томах. Т. 3/Под общей ред. Л. А. Окунькова. — М.: Изд. НОРМА, 2001. — 736 с.
5. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 года с изменениями и дополнениями от 28 декабря 1993 года./Конституции государств Европы в 3 томах. Т. 3/Под общей ред. Л. А. Окунькова. — М.: Изд. НОРМА, 2001. — 736 с.
6. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 года с изменениями и дополнениями от 24.11.1996 года и 17.10.2004 года. Конституции государств Европы в 3 томах. Т. 1/Под общей ред. Л. А. Окунькова. — М.: Изд. НОРМА, 2001. — 736 с.

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Государственный контроль в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в Российской Федерации (с изложением комплексной программы административно-правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции)

Грецкая Анна Сергеевна, главный государственный налоговый инспектор правового отдела Межрайонная ИФНС России №12 по Краснодарскому краю

Алкогольный производственный комплекс сегодня действует в условиях нестабильной внешней среды, которую можно условно подразделить на среду регионального уровня и среду национального уровня. Каждый из уровней среды может быть представлен как экономическими агентами, непосредственно влияющими на функционирование алкогольного производственного комплекса, так и экономическими агентами, оказывающими косвенное влияние на его развитие, т. е. производить контроль над производством и оборотом на двух уровнях власти.

Согласно № 171-ФЗ от 22 ноября 1995 года «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [6]: Государственный контроль (надзор) в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции включает в себя:

1) лицензионный контроль за производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

2) государственный контроль (надзор) за соблюдением обязательных требований к этиловому спирту, алкогольной и спиртосодержащей продукции, установленных действующим законодательством Российской Федерации и международными договорами.

Под государственным контролем (надзором) за соблюдением обязательных требований к этиловому спирту, алкогольной и спиртосодержащей продукции следует понимать деятельность уполномоченного федерального органа исполнительной власти, которая направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции организациями, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями посредством организации и проведения их проверок, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению,

предупреждению выявленных нарушений и (или) устранению их последствий, и деятельность указанного уполномоченного федерального органа государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении организациями, индивидуальными предпринимателями своей деятельности.

Государственный контроль (надзор) за соблюдением обязательных требований к этиловому спирту, алкогольной и спиртосодержащей продукции осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Важной характеристикой механизма административно-правового регулирования алкогольного рынка выступает система вертикального распределения полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

К отношениям, связанным с осуществлением государственного контроля (надзора), организацией и проведением проверок организаций, индивидуальных предпринимателей, применяются положения Федерального закона от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» и Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Предметом проверки является соблюдение организацией, индивидуальным предпринимателем в процессе осуществления деятельности в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции обязательных требований.

Органы государственной власти на уровне Российской Федерации, наделены более широкими полномочиями

по сравнению с органами власти субъектов: регулирование цен, импорта и экспорта алкогольной продукции, проведение контрольных мероприятий, маркировка алкогольной продукции, установление ставок акцизов и видов подакцизной продукции, государственных стандартов, лицензирование (за исключением лицензирования розничной продажи), утверждение технических условий в области производства и оборота алкогольной продукции и др.

Органы государственной власти субъектов обладают значительно меньшими полномочиями в алкогольной сфере. К их числу можно отнести, выдачу лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, государственный контроль за соблюдением организациями законодательства, регулирующего производство и оборот алкогольной продукции, внесение предложений по разработке и реализации, совместных программ производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Органы местного самоуправления осуществляют контроль в пределах своей компетенции осуществляют контроль за соблюдением законодательства в области розничной продажи алкогольной продукции и её качеством.

В сфере государственного регулирования, производства и оборота алкогольной продукции исполнительно-распорядительную деятельность осуществляет система федеральных органов исполнительной власти.

В целом, к полномочиям органов государственной власти РФ в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции относятся:

- регулирование цен на этиловый спирт, алкогольную и спиртосодержащую продукцию; регулирование экспорта, импорта этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; организация и проведение государственного контроля за производством, оборотом, качеством и безопасностью этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, соблюдением законодательства в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и условий, предусмотренных лицензиями; введение обязательной маркировки акцизными марками алкогольной продукции, производимой и реализуемой на территории РФ [5, с. 15];

- установление видов подакцизной продукции и ставок акцизов на этиловый спирт, алкогольную и спиртосодержащую продукцию;

- установление национальных стандартов и утверждение технических регламентов в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

- определение видов деятельности, подлежащих лицензированию, порядка выдачи лицензий на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также выдачи лицензий на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

- формирование и ведение государственного реестра лицензий на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; организация и осуществление государственного учета и отчетности в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

- установление порядка представления деклараций об объеме производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также порядка представления в установленный срок в государственный орган исполнительной власти, осуществляющий межотраслевую координацию и функциональное регулирование в сфере государственной статистики, сведений об объеме розничной продажи алкогольной продукции;

- определение комплекса мер по защите здоровья и прав потребителей этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в том числе установление единого порядка аккредитации организаций, имеющих лицензии на закупку, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции; установление порядка сертификации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

- установление порядка сертификации основного технологического оборудования для производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также утверждение перечня видов такого оборудования; разработка и принятие государственных целевых программ в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также принятие мер, направленных на устранение недобросовестной конкуренции, обеспечение охраны окружающей среды; установление максимального содержания этилового спирта в спиртосодержащей продукции; введение единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее — единая государственная автоматизированная информационная система) для осуществления государственного контроля за объемом производства и оборота указанной продукции;

- определение порядка лицензирования и выдача лицензий на розничную продажу алкогольной продукции, ведение государственной регистрации выданных лицензий, лицензий, действие которых приостановлено, и отозванных лицензий;

- введение декларирования розничной продажи алкогольной продукции и установление порядка представления деклараций о розничной продаже алкогольной продукции; осуществление государственного контроля за соблюдением организациями законодательства, регулирующего производство и оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также условий, предусмотренных лицензиями на розничную продажу алкогольной продукции; внесение предложений о разработке и реализации совместных программ производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции; другие во-

просы, связанные с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, отнесенные к ведению РФ [5, с. 16].

Согласно статье 10 Конституции Российской Федерации государственная власть делится на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

В соответствии со статьей 11 Конституции: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». Также: «Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти». «Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий» [2].

Лишь государство обладает единством законодательных, управленческих и контрольных функций, это единственная организация, обладающая правом на законное насилие [7, с. 60]. На основе принципа разделения государственной власти построена ее организация в демократическом обществе, при ней осуществляются гибкий взаимоконтроль и взаимодействие высших органов государства как частей единой власти через систему сдержек и противовесов. Таким образом, можно сказать, что контроль за государством должен начинаться с контроля внутри государства, т. е. с эффективной системы сдержек и противовесов в системе разделения государственной власти.

По смыслу Федерального закона N 171-ФЗ, существенными моментами государственного регулирования производства и оборота алкогольной продукции выступают установление правил предпринимательской деятельности на алкогольном рынке, осуществление контроля за соблюдением указанных правил, принятие мер правового воздействия в отношении участников алкогольного бизнеса, допускающих нарушения, а также защита прав предпринимательских структур в судебном и внесудебном порядке.

Указанным Законом также определяется круг вопросов в области предпринимательской деятельности участников алкогольного рынка, регулирование которых может осуществляться только с помощью федеральных законов.

Так, в соответствии со статьей 4 Федерального закона N 171-ФЗ государственная монополия на производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации может вводиться федеральным законом.

Согласно пункту 2 статьи 26 Федерального закона N 171-ФЗ ограничения, касающиеся производства и оборота алкогольной продукции, могут устанавливаться только федеральным законом.

В соответствии со статьей 105 Конституции Российской Федерации принятие федеральных законов осуществляется Государственной Думой. Во исполнение положений Федерального закона N 171-ФЗ Правительство Российской Федерации и иные органы исполнительной власти уполномочены принимать подзаконные нормативные акты по вопросам, отнесенным к их компетенции.

Правительство Российской Федерации определяет:

- 1) требования к автоматическим средствам измерения, учета и передачи информации в ЕГАИС;
- 2) использование пищевого и непищевого сырья для производства этилового спирта;
- 3) уведомления о закупке этилового спирта (п. 5 ст. 9 комментируемого Закона);
- 4) порядок государственного контроля над денатурацией этилового спирта и спиртосодержащей непищевой продукции;
- 5) формы справок;
- 6) средства укупорки потребительской тары;
- 7) государственные органы, имеющие право продавать федеральные специальные марки;
- 8) форму отчета об использовании ранее выданных специальных и акцизных марок;
- 9) требования, предъявляемые к форме специальной и акцизной марок;
- 10) правила производства, продажи и использования акцизных и специальных марок;
- 11) алкогольную продукцию, упаковка которой не позволяет осуществить маркировку марками;
- 12) порядок регулирования импорта и контроля качества импортной алкогольной продукции;
- 13) технические регламенты и национальные стандарты;
- 14) порядок учета производства и оборота алкоголя (формы деклараций);
- 15) положения об экспертных комиссиях.

Контрольные полномочия в сфере производства и оборота алкогольной продукции на сегодняшний день осуществляет значительное количество государственных органов, что вполне объяснимо и оправдано, поскольку создание единого органа контроля по всем направлениям (финансовому, техническому, социально-экономическому и др.) невозможно, так как требует на современном этапе повышения эффективности контролирующей системы, в том числе посредством надлежащего правового регулирования и регламентирования деятельности органов контроля всех видов и форм.

Государственный контроль за производством и оборотом алкогольной продукции осуществляется специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в пределах их компетенции.

Ввиду значительного количества органов государства, соприкасающихся с процессом производства и оборота

алкогольной продукции, полномочия контрольно-надзорных субъектов, которые непосредственно контролируют производство и оборот алкогольной продукции и, вместе с тем, обладают юрисдикционными полномочиями следует квалифицировать по целевому назначению на две группы.

Первая группа включает органы, осуществляющие общую политику страны, межотраслевую координацию, государственный контроль и регулирование в области производства и оборота алкогольной продукции. К данной группе относятся — Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России), Министерство финансов Российской Федерации, Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Федеральная налоговая служба (ФНС).

К числу принадлежащих второй группе органов государственного контроля, обеспечивающих соблюдение законодательства в сфере производства и оборота алкогольной продукции следует на наш взгляд отнести следующие органы: Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка; Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, органы стандартизации, метрологии и сертификации; антимонопольные органы; суды; Федеральная таможенная служба; Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Вопросы, возникающие на стыке компетентности нескольких государственных органов: эффективное решение таких проблем представляется возможным лишь в процессе взаимодействия государственных органов, а также выработке совместной стратегии государственного регулирования, совместного механизма выявления правонарушений.

Несмотря на такую острую необходимость эффективного взаимодействия, зачастую не происходит из-за отсутствия тщательно разработанных форм эффективного взаимодействия.

По мнению автора, в данном случае такими формами взаимодействия могут стать:

— заключение соглашений и договоров между государственными органами и органами местного самоуправления;

— создание консультативных, координационных, совещательных и иных рабочих органов и групп, как временных так и постоянно действующих;

— создание паритетных комиссий на случаи возникновения споров и конфликтов между органами государственной власти, местного самоуправления и их должностными лицами.

Автором, предлагается комплексная программа административно-правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, в которой представлены основные, по его мнению, направления для работы над проблемными аспектами в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Комплексная программа административно-правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции

Комплексная программа административно-правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции представляет собой систему взаимосвязанных мер, которые направлены на совершенствование рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции, его эффективное и качественное регулирование, усиление борьбы с контрафактной алкогольной продукцией и самогонованием, с помощью прямых и косвенных методов, применение которых в совокупности должно привести к улучшению ситуации, как с незаконным оборотом алкогольной продукции, так и ее чрезмерным потреблением.

I. Основные положения

Актуальность создания данной программы обусловлена тем, что российское государство одним из приоритетных направлений своей деятельности ставит создание благоприятных условий для своих граждан и в связи с этим разработка комплекса мер регулирования оборота алкогольной продукции, является насущной необходимостью.

Реальными потребителями алкоголя в России сегодня является не менее 67% населения. Особое опасение вызывает тот факт, что более 10% в структуре потребления алкоголя занимают спиртосодержащие жидкости «двойного назначения» (парфюмерно-косметическая продукция, товары бытовой химии и другие) [3, с. 9].

«Алкоголь — главный фактор катастрофической убыли населения России. В современной России злоупотребление алкоголем приводит к преждевременной смерти около полумиллиона человек ежегодно. Каждая четвертая смерть в России прямо или косвенно связана с алкоголем — около 30% смертности среди мужчин и 15% среди женщин. Алкогольная смертность включает не только случайные отравления алкоголем, но и 2/3 смертей от несчастных случаев и насилия, 1/4 смертей от сердечно-сосудистых заболеваний и многое другое» [1, с. 5].

II. Законодательное регулирование

Направлениями законодательного регулирования, являются:

— совершенствование (внесение необходимых изменений в нормативно-правовые акты) существующей законодательной базы в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции;

— обеспечение исполнимости законодательных и подзаконных актов;

— создание условий для эффективного взаимодействия всех исполнительных органов власти с целью обеспечения возможности комплексно решения проблемных аспектов, в рассматриваемой сфере.

В рамках программы предлагается внести следующие законодательные изменения:

1. Ввести государственную монополию на оборот алкогольной продукции, т. к. данная мера поможет решить

проблему с контрафактной алкогольной продукцией и увеличит поступления в государственный бюджет;

2. Законодательно разработать и ввести в действие нормы, относительно создания государственных, специализированных магазинов для реализации алкогольной продукции с работой в временном промежутке с 11:00 до 22:00, за исключением выходных дней, в которые предлагается запретить продажу алкогольной продукции

3. Ввести понятие малозначительности административного правонарушения, определить его критерии, согласно, существующей судебной практики Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, которое необходимо включить в статью 2.9 КоАП РФ: *Малозначительность в административном правонарушении* — это действие (бездействие) в котором отсутствует угроза жизни и здоровью человека и не нанесен существенный вред охраняемым общественным отношениям.

Предлагается установить, следующие критерии малозначительности для состава по статье 14.16 КоАП РФ:

- отсутствие угрозы жизни и здоровью человека;
- отсутствие существенного вреда охраняемым общественным отношениям;
- добровольный отказ от совершения правонарушения;
- наличие действий направленных на предотвращение последствий от совершенного правонарушения.

4. С целью повышения эффективности применения Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», необходимо все существующие нормы, относительно оказания услуг общественного питания собрать в одном Федеральном законе «Об оказании услуг общественного питания», где будет четко прописано понятие общественного питания, а также установлены более жесткие требования относительно переоборудования торговых точек бары, кафе и закусочные.

5. Внести изменения в пункт 5 статьи 16 Федерального закона (в ст. 3 Краевого закона, соответственно по аналогии с Федеральным законом), а также дополнить указанный пункта следующим абзацем: «реализация алкогольной продукции в магазинах с оборудованной в них точкой общественного питания допускается в случае, если площадь магазина не менее 100 кв. метров, а также при наличии обслуживающего персонала (повара, официанты, бармены и др.) и охраны».

6. Установить административную ответственность за самогонварение, как за изготовление, так и за реализацию. Данные изменения предлагается ввести в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в виде отдельного состава с назначением штрафа в диапазоне с 5 до 10 тыс. руб. Для обеспечения реализации данной нормы предлагается также увеличить штат участковых уполномоченных с целью контроля соблюдения данной нормы.

7. С целью выявления недобросовестных участников оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции нормативно закрепить необходимость при регистрации организаций с ОКВЭД: 51.34 (Оптовая торговля алкогольными и другими напитками), 51.34.2 (Оптовая торговля алкогольными напитками, включая пиво), 51.34.21 (Оптовая торговля алкогольными напитками, кроме пива) [4] — проводить проверку налоговыми органами таких организаций по следующим критериям:

- наличие лицензии на ведение соответствующего вида деятельности;
- наличие складских помещений;
- транспортных средств;
- достаточное количество персонала для осуществления выбранного вида деятельности;
- соответствие лиц, указанных в учредительных документах при регистрации — лицам, осуществляющим деятельность в организации;
- адрес регистрации, указанный в учредительных документах соответствует реальному местоположению организации.

8. Разработать и принять федеральный закон «О социальном контроле», где будет дано понятие социальному контролю, а также выделены его основные формы.

9. Разработать и принять федеральный закон «О профилактике алкоголизма в Российской Федерации».

10. Обратит внимание и разработать меры по устранению существенного недостатка сложившейся практике при разрешения дел о назначении наказания в виде административного приостановления деятельности, когда происходит слепое следование судами выводам надзорных органов, изложенных в протоколе об административном правонарушении и иных прилагаемых к нему материалах

11. Обратит внимание и разработать меры относительно того, что операторы дьюти-фри заранее и преднамеренно ставят в положение невозможности получения лицензии, т.к. складские помещения данных торговых точек беспощадной торговли располагаются на режимных объектах — Аэропортах, Морских Вокзалах, Международных Автомобильных Пунктах Пропуска, большинство из которых в силу действующих правовых норм РФ (антитеррористических ограничений, противопожарных ограничений, отдельных положений ФЗ о Государственной Границе РФ и др.) не допускают исполнения обязанности получения лицензии на закупку, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции

III. Экономическое регулирование

К направлениям экономического регулирования следует отнести:

- необходимость обозначения сферы оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, как полностью регулируемой государством;
- признание необходимости более тщательного анализа и исследования, при определении размера ставки акциза на алкогольную продукцию;

— рассмотрение возможности применения фиксированной акцизной ставки;

— уделение значительного внимания экономическому благосостоянию и занятости населения, как одному из важных факторов влияющих на оборот нелегальной алкогольной продукции, а также повышенный спрос на алкогольную продукцию в целом;

— государственная поддержка и развитие отрасли алкогольной промышленности, а также сферы ее оборота.

Обратить внимание и принять соответствующие меры по следующим направлениям:

1. На сегодняшний день, несмотря на большую значимость решения социальных вопросов, государственное регулирование в сфере производства и оборота спиртосодержащей и алкогольной продукции носит преимущественно фискальный характер. Деятельность осуществляется в двух направлениях: ведение тщательного контроля за деятельностью (лицензирование) и увеличение бюджетных поступлений (посредством налоговых платежей);

2. При всём положительном влиянии акцизной системы регулирования на алкогольную промышленность она не решает проблему суррогатного алкоголя, подделок акциз и пьянства в стране в целом.

3. Необходимость урегулировать ценовую политику на алкогольную и спиртосодержащую продукцию путем установления фиксированной ставки акциз с расчётом доступности алкогольной и спиртосодержащей продукции населению.

IV. Медицинское регулирование

К медицинскому направлению регулирования, рассматриваемой сферы, следует отнести:

— доступную профилактику и лечения для всех категорий населения;

— обеспечение возможности лечения больных алкоголизмом без учета их согласия, либо с согласия их родственников;

— создание бесплатных муниципальных центров по профилактике и лечению алкогольной зависимости, в каждом муниципальном образовании, где бы оказывалась квалифицированная помощь врача-нарколога, психиатра и клинического психолога. Данная мера помогла бы на ранних стадиях комплексно решать проблему зависимости;

— законодательное закрепление принудительного лечения от алкогольной зависимости.

V. Социальное и политическое регулирование.

Гражданское общество

К мерам социального и политического регулирования можно отнести:

— формирование в обществе нетерпимости к злоупотреблению алкоголем и отказа от употребления суррогатного алкоголя;

— повышение социального уровня населения, возможность активной социальной мобильности граждан.

— развитие и совершенствование антиалкогольной политики в государстве.

Гражданское общество, как сектор независимый от государства, также должен быть включен в работу по регулированию сферы оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

VI. Образовательное регулирование

К образовательному направлению регулирования следует отнести:

— воспитание здорового подрастающего поколения посредством различных просветительских программ;

— доступность информации об алкогольной продукции, как её вреде, так и пользе, при условии соблюдения культуры питания.

Обратить внимание на необходимость включения обучения культуре питания алкогольных напитков, как специального курса в антиалкогольное воспитание. Очень важно, чтобы данный курс содержал информацию не только как употреблять алкогольные напитки, но и как правильно подходить к их выбору. Населению необходимо разъяснять, что, выбирая для употребления суррогатную алкогольную продукцию, они наносят вред своему здоровью и более того рискуют потерять жизнь.

VII. Заключительные положения

Изложенные в данной программе меры, применимые в совокупности должны способствовать эффективному административно-правовому регулированию оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции. Определение эффективности данной программы возможно посредством исследования каждого из направлений и рассмотрения динамики ситуации в рассматриваемой сфере в целом.

Литература:

1. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. Доклад Общественной Палаты Российской Федерации. — М., 2009. с. 5.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ). // Собрание законодательства РФ, 26.01.2009, N 4, ст. 445.
3. Королев, Д. А. Правовое регулирование отношений по взиманию государственной пошлины при осуществлении нотариальной деятельности: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2011. — с. 9
4. Постановление Государственный комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 6 ноября 2001 г. № 454-ст «О принятии и введении в действие ОКВЭД» (в ред. изменений № 2/2011 ОКВЭД, утв. Приказом Росстандарта от 17.06.2011 № 134-ст, № 3/2011 ОКВЭД, утв. Приказом Росстандарта от 14.12.2011 № 1517-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Пысин, А. В. Особенности административно-правового регулирования оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (алкогольной продукции) // Современное право. — 2007. — № 12 (1). — с. 15.
6. Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. — 1995. — N 48. — Ст. 4553.
7. Четвернин, В. А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. — М.: Институт права и государства РАН. — 2003. — с. 60.

Квалификация административных правонарушений, предусмотренных статьёй 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Казачинина Светлана Сергеевна, Сотрудник УМВД России по Сахалинской области
Южно-Сахалинский филиал Современной гуманитарной академии

С развитием в России рыночной экономики возникла необходимость реформирования правовой базы тех общественных отношений, которые связаны с охраной прав на результаты интеллектуальной, творческой деятельности, поскольку прежнее законодательство характеризовалось низким уровнем охраны прав, как непосредственных создателей таких результатов, так и лиц, их использующих. Новые законодательные акты, ориентированные на современные социально-экономические потребности, приняты. В последнее время происходил процесс активного совершенствования соответствующего законодательства. Однако этот процесс нельзя считать завершённым.

Система защиты авторских и смежных прав, созданная в России, в целом обычно характеризуется как отвечающая мировым стандартам, требованиям международно-правовых актов. Вместе с тем Российская Федерация по-прежнему остается среди государств с одним из самых высоких уровней оборота контрафактной продукции. Не последнюю роль в этом играют отдельные недостатки правового регулирования защиты авторских и смежных прав.

Производство и тиражирование материальных объектов авторского права давно сформировалось в крупную отрасль индустрии с целым рядом подотраслей. Последние сосредоточены на выпуске книг и кинофильмов, экземпляров программного обеспечения и компьютерных игр, аудио- и видеозаписей. С каждым годом число объектов интеллектуальной деятельности человека возрастает, соответственно увеличивается и число правоотношений по поводу этих объектов, как внутри государства, так и в международном масштабе [1, с. 10].

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, контрафактность, административное правонарушение, административная ответственность, объект авторского права, объект административного правонарушения, субъект административного правонарушения, КоАП РФ.

Российская Федерация наряду со многими цивилизованными странами имеет на данный момент необходимые правовые, организационные и экономические средства по предупреждению, пресечению и выявлению правонарушений, связанных с нарушением авторских и смежных прав. Вместе с тем, правоприменительная практика в рассматриваемой сфере не всегда однообразна и в отдельных случаях имеет конкретные проблемы как правового, так и организационного характера.

Российское законодательство предусматривает различные виды ответственности за нарушения прав на результаты творческой деятельности. Это гражданская, уголовная и административная ответственность. Введение новых редакций Гражданского, Уголовного и Административного кодексов обновило в них нормы, касающиеся защиты интеллектуальной собственности.

Вступивший в силу с 1 июля 2002 г. новый Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), также предусматривает ответственность за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности предусматривается ст. 7.12 [4]. В качестве основных причин и условий, способствующих совершению правонарушений в рассматриваемой сфере можно назвать:

— развитие различных внемагазинных форм торговли, в том числе рынков, которые остаются одной из самых неблагоприятных сфер торговли, и где в настоящее время реализуется основная масса контрафактных и фальсифицированных товаров;

— недостаточная профессиональная подготовка большинства предпринимателей и непосредственных продавцов, незнание ими нормативных документов, регла-

ментирующих порядок продажи тех или иных товаров, а также законодательства, регулирующего отношения между продавцом, поставщиком и потребителем товара;

— наличие многочисленных посредников между изготовителем и конечным продавцом товара, что, зачастую, не позволяет выявить поставщика и оперативно пресечь его деятельность по распространению контрафактной продукции;

— ограниченные финансовые возможности населения, которое отдает предпочтение, прежде всего, ценовой характеристике товара, а затем его качеству и торговой марке [1, с. 5].

Административным правонарушением признаются: ввоз, продажа, сдача в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода. Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства при условии, что они:

— во-первых, являются результатом творческой деятельности;

— во-вторых, существуют в какой-либо объективной форме: письменной; устной; звуко- или видеозаписи; изображения; объемно-пространственной и в других формах.

Это означает что произведение, облеченное в какую-либо подобную указанную выше форму, является объектом авторского права, никакая регистрация, оформление авторских прав не требуется [3, с. 102].

Выделяется несколько основных способов регистрации авторских прав. Во-первых, регистрация в специализированных аккредитованных организациях, например в Российском авторском обществе; во-вторых, заверение права авторства у нотариуса; в третьих, регистрация на различных сайтах в сети Интернет; в четвертых, направление в свой собственный адрес по почте письма с экземпляром произведения и не распечатывание его до возникновения спора; в пятых, сохранение всех исходных материалов, например фотографий, в формате RAW.

Наиболее надежным является регистрация права авторства в РАО, данный способ является и одним из наиболее доступных [3, с. 102]. В ст. 1259 ГК РФ [5] приводится примерный перечень объектов авторских прав.

Объектами авторского права не являются: официальные документы; государственные символы и знаки; произведения народного творчества; сообщения о событиях и фактах, имеющие информационный характер (п. 6 ст. 1259 ГК РФ).

К объектам смежных прав относятся: фонограммы; исполнения; передачи организаций эфирного и кабельного вещания; базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов; произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние, в части охраны прав публикаторов таких произведений.

Выделяется два типа авторских прав: личные неимущественные и имущественные.

К личным неимущественным авторским правам относятся: право признаваться автором произведения; право использовать или разрешать использовать произведение под подлинным именем автора, псевдонимом либо без обозначения имени, то есть анонимно; право обнародовать или разрешать обнародовать произведение в любой форме, включая право на отзыв; право на защиту произведения. Данные права являются неотчуждаемыми и принадлежат автору бессрочно, даже в уступке всех своих исключительных имущественных прав на произведение. В случае их нарушения при смерти автора и всех его потомков они будут защищаться государством.

К исключительным имущественным авторским правам относятся: право на воспроизведение произведения; право на распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его оригинала или экземпляров; публичный показ произведения; импорт оригинала или экземпляров произведения в целях распространения; прокат оригинала или экземпляра произведения; публичное исполнение произведения; сообщение в эфир или по кабелю для всеобщего сведения; перевод или другая переработка произведения; практическая реализация архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта; доведение произведения до всеобщего сведения, например, размещение в сети Интернет [3, с. 103].

Объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, составляют:

— ввоз, продажа, сдача в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными в соответствии с законодательством Российской Федерации об авторском праве и смежных правах;

— либо указание на экземплярах произведений или фонограмм ложной информации об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав;

— а равно иное нарушение авторских и смежных прав.

На примере нелегального воспроизведения фонограмм приведу основные способы совершения рассматриваемого правонарушения:

1) фальсификация (подделка под идентичность), что подразумевает полное повторение оригинала. При этом пиратские копии и их упаковка внешне практически не отличается от оригинала (воспроизводятся также товарные знаки, голографические наклейки, прочие символы оригинального товара);

2) монтаж, то есть комбинация различных фонограмм в несвойственной оригиналу последовательности, но с сохранением оригинальных названий;

3) компиляция, то есть компоновка фрагментов оригинальных фонограмм без сохранения оригинальных названий;

4) бутлеггерство, то есть нелегальная запись исполнения музыкального произведения (например, запись концерта без разрешения фирмы звукозаписи с помощью тайно пронесенной звукозаписывающей аппаратуры).

Следует отметить, что экземпляры произведений и фонограмм, изготовленные с нарушением существенных условий договора о передаче исключительных прав, являются контрафактными. В частности, если воспроизведение превышает тираж, предусмотренный в договоре, то превышение тиража следует рассматривать как нарушение авторского права и смежных прав [3, с. 104].

Действия лица по распространению контрафактных экземпляров произведения образуют самостоятельное нарушение исключительных прав. При этом сам по себе факт приобретения этих экземпляров у третьих лиц не свидетельствует об отсутствии вины лица, их перепродающего.

Субъектом административного правонарушения может быть физическое (гражданин либо должностное лицо) или юридическое лицо. К административной ответственности за нарушение авторского права могут быть привлечены как индивидуальные предприниматели, так и продавцы контрафактных изделий, а также сотрудники организаций, производящих или распространяющих данную продукцию, или организаций, иным образом незаконно использующих объекты исключительных прав, достигшие к моменту совершения административного правонарушения возраста 16 лет.

Субъективная сторона административного правонарушения, совершенного физическим лицом, характеризуется умыслом. Кроме того, для привлечения лица к ответственности по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ необходимо доказать цель совершенного им нарушения — извлечение дохода. Если нарушитель не преследовал цели получить доход от незаконного использования объектов авторского права или смежных прав — нет нарушения. Бесплатная раздача контрафактных компакт-дисков, книг и другие нарушения авторских и смежных прав, которые осуществлялись не в целях извлечения дохода, не могут квалифицироваться как административные правонарушения и, соответственно, влекут только гражданско-правовую ответственность.

О возможных правонарушениях, связанных с производством и оборотом контрафактной продукции, чаще всего свидетельствуют следующие внешние признаки: 1) отсутствие полной информации о товарах у индивидуального предпринимателя (работника торгового предприятия); 2) реализация товара без сертификата соответствия, сертификационных знаков и знаков соответствия государственным стандартам; 3) наличие в продаже немаркированных товаров и продукции, которые подлежат обязательной маркировке марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок; 4) реализация продукции по ценам ниже ее себестоимости и пр. [1, с. 32].

Несмотря на тот факт, что зачастую на практике основными доказательствами по делам данной категории являются экспертные заключения и справки об исследовании, считаю необходимым, обратить внимание правоприменителей на использование иных доказательств, установленных ст. 26.2 КоАП РФ [4].

В ряде случаев, когда товар имеет явные признаки контрафактности, либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства или правообладателях, проведение исследования и экспертизы вообще нецелесообразно.

В соответствии с ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 7.12 КоАП РФ уполномочены составлять должностные лица ОВД (полиции).

Конкретный перечень должностных лиц системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях по указанным статьям КоАП РФ, определяется Приказом МВД РФ от 5 мая 2012 г. №403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию».

В соответствии с действующим законодательством, дела о нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности подведомственны только судам. По общему правилу эти дела относятся к компетенции мировых судей, а в случае, когда производство по делу осуществлялось в форме административного расследования, дела должны были рассматривать судьи районных судов.

В отношении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.12 КоАП РФ, проблема разграничения подведомственности отсутствует, так как такие дела законом отнесены к компетенции общих судов, должны рассматриваться мировыми судьями и только в случае проведения административного расследования подсудны судьям районных судов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что все большее значение приобретают правовые отношения, связанные с созданием и использованием произведений, охраняемых авторским правом. Люди всегда что-нибудь изобретали, и, безусловно, авторское право будет изменяться, но самое главное это осознание, что его надо охранять, тем более в настоящее время.

Авторское право — составная часть гражданского права, и также именуется как «право интеллектуальной собственности». Право на защиту предоставляется авторам, обладателям смежных прав, а также их наследникам и иным правопреемникам. Это совокупность мер правоохранительного характера для восстановления их нарушенных и оспариваемых прав. Нарушение установленных законодательством положений об авторском праве и смежных правах влечет ответственность, в данном случае административную, предусмотренной ст. 7.12 КоАП РФ.

Литература:

1. Кургузкина, Е. Б., Белоглазов В. В., Игнатов Е. А., Маслов А. В., Харьковский Е. Л. Выявление и предупреждение экономических преступлений, связанных с производством и оборотом контрафактной продукции: учебное пособие. / М.: Всероссийский научно-исследовательский институт, 2008. — 5, 10, 32 с.
2. Дронова, О. Б. Проблемы борьбы с нарушениями авторских и смежных прав на аудиовизуальную продукцию. / Судебная экспертиза, 2006. № 4. — 57–59 с.
3. Хатаева, М. А. Анализ судебной практики привлечения к административной ответственности за нарушение авторских прав. / Журнал российского права. 2009. № 3. 101–106 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 03 февраля 2014 г.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: ред. от 28 декабря 2013 г.

К вопросу о квалификации административных правонарушений, совершаемых физическими лицами в области таможенного дела

Лебедева Маргарита Андреевна, аспирант
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

В настоящее время одним из наиболее важных стратегических направлений совершенствования деятельности таможенных органов Российской Федерации заключается в выявлении и пресечении экономических преступлений и правонарушений в таможенной сфере. Неоспорим тот факт, что развитие таможенного законодательства в части привлечения к административной ответственности за нарушения таможенных правил способствует реальной интеграции России в Европейское сообщество.

Либерализация внешнеэкономической деятельности привела к значительному росту ее участников. Глубокие социально-экономические и политические изменения, происходящие в нашей стране, неизбежно влекут за собой необходимость пересмотра и совершенствования ее правовой системы, приведение в соответствие с теми задачами, которые ставит перед собой общество и государство на данном этапе развития.

Государство устанавливает определенные правила поведения в таможенной, внешнеторговой, валютной и финансово-кредитной сферах, предусматривает запреты на совершение деяний, нарушающих установленные правила. Однако рост объема соответствующей судебной практики свидетельствует о том, что нарушения установленных правил не являются редкостью.

В современных условиях возрастает роль и значение российской таможенной службы не только как органа исполнительной власти, регулирующего важные вопросы внешнеэкономической деятельности государства, но также как правоохранительного и контролирующего органа. Увеличивается число административных правонарушений в таможенной сфере, изменяется содержание и характер девиантного поведения в этой области обще-

ственных отношений. Поэтому в правоприменительной деятельности органов административной юрисдикции особую актуальность приобретают вопросы квалификации нарушений таможенных правил, проблемы законности привлечения лиц к административной и иным видам ответственности.

Помимо этого следует также отметить, что нарушения таможенных правил, административное производство по которым осуществляют таможенные органы, характеризуются повышенной общественной опасностью, так как затрагивают экономические интересы государства и тем самым оказывают негативное влияние на состояние его экономической безопасности. В связи с этим первоочередной задачей, направленной на повышение эффективности функционирования таможенной системы Российской Федерации, является совершенствование механизма выявления и пресечения нарушений таможенных правил, а также привлечения виновных лиц к ответственности за их совершение.

На данный момент проблема ответственности в таможенном праве — широкая и многоаспектная, охватывающая в свою очередь значимый ряд проблем и актуальных вопросов, имеющих тесную связь с уголовным, административным, гражданским, налоговым правом, валютным законодательством и контролем. Соответственно, правонарушения в области таможенного дела влекут за собой различные виды ответственности: уголовную, административную, дисциплинарную, материальную (имущественную).

В настоящее время формирование административного и таможенного законодательства носит характер незавершенности из-за сложности и нестабильности, что, несо-

мненно, приводит к значительным проблемам при привлечении к ответственности за административные правонарушения в области таможенного дела. Первоочередным моментом при привлечении к административной ответственности является правильная правовая оценка противоправного деяния, законная квалификация того или иного правонарушения, не нарушающая конституционных прав физических и юридических лиц, что на практике не всегда выполнимо.

Данная ситуация сложилась из-за того, что таможенное законодательство представляет собой один из обширных блоков российского законодательства, в который входят: УК РФ; КоАП РФ; ТК РФ; ТК ТС; Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Федеральный закон РФ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Закон РФ «О таможенном тарифе» и другие законы, а также подзаконные правовые акты: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, многочисленные нормативные акты ФТС РФ, которые нередко входят в противоречие с другими нормами российского законодательства. Более того, зачастую к правовым основам таможенного дела относится обширный перечень приказов, писем и указаний ФТС России, которые часто отменяются, вместо них издаются новые, требующие определенных временных затрат для их доведения до подконтрольных должностных лиц таможенных органов, что приводит к неоднозначному толкованию норм материального и процессуального права в служебной деятельности.

Таможенные органы Российской Федерации в настоящее время являются субъектами административной юрисдикции, наравне со многими другими федеральными органами исполнительной власти, то есть органами, наделенными полномочиями определять противоправность деяния, квалифицировать признаки правонарушения и применять административные санкции к нарушителю, а также рассматривать споры, возникающие между государственными органами, юридическими и физическими лицами.

В соответствии со ст. ст. 12, 19 Закона о таможенном регулировании [4], одним из основных видов юрисдикционных производств, входящих в компетенцию таможенных органов, является производство по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела и привлечение лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, однако с учетом специфики производства дел по административным правонарушениям в области таможенного дела, отдельные вопросы производства регулируются положениями Закона о таможенном регулировании.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) является основным федеральным законодательным актом, устанавливающим ад-

министративную ответственность, и занимает особое место в системе законодательства об административных правонарушениях, т.к., во-первых, является единым актом, кодифицирующим законодательство Российской Федерации в данной области; во-вторых, регламентирует общие вопросы административной ответственности; в-третьих, определяет конкретные виды административных проступков и устанавливает виды административных наказаний за совершение данных проступков и, в-четвертых, является единственным сборником материальных и процессуальных норм об административных правонарушениях на территории Российской Федерации.

При решении вопроса об административной ответственности за совершение правонарушений в области таможенного дела таможенные органы руководствуются общими положениями норм КоАП РФ, положения Таможенного кодекса Российской Федерации не применяются. Нарушения таможенных правил являются разновидностью административных правонарушений и наиболее распространенным видом противоправного посягательства на общественные отношения, урегулированные нормами таможенного права.

Таможенное право включает в себя как и законодательные запреты, нарушение которых влечет за собой уголовную или иную ответственность, так и большое количество общеобязательных таможенных правил, которые обязаны соблюдать и выполнять физические и юридические лица — граждане РФ, иностранцы и лица без гражданства, предприятия, учреждения и организации. Сферу таможенного дела могут затрагивать как правонарушения, предусмотренные гл. 16 КоАП РФ, так и деликты в области финансов, налогов и сборов, а также предпринимательской деятельности; посягающие на институты государственной власти и установленный порядок управления, на общественный порядок и общественную безопасность.

Таким образом следует отметить, что таможенно-правовая ответственность, как предметная разновидность института административной ответственности, представляет собой совокупность относительно обособленных правовых норм, которые регулируют общественные отношения и возникают в результате совершения административных правонарушений в области таможенного дела.

Нарушения таможенных правил имеют такую же юридическую структуру, как и любое административное правонарушение. Состав нарушения таможенных правил — это установленная правовой нормой совокупность признаков, при наличии которых деяние (действие, бездействие) можно рассматривать как административное правонарушение и включает в себя следующие элементы: объект нарушения таможенных правил, объективная сторона правонарушения, субъект нарушения таможенных правил и субъективная сторона правонарушения.

За нарушения таможенного законодательства российским законодательством установлена не только административная ответственность, но и другие виды юридической ответственности. Например, в соответствии

с таможенным законодательством РФ за просрочку уплаты таможенных платежей участника внешнеэкономической деятельности могут нести финансово-правовую ответственность. А за неправомерные решения, действия (бездействия) должностные лица таможенных органов несут дисциплинарную, административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [4] в зависимости от совершенного ими должностного проступка.

Административная ответственность за нарушения таможенных правил, предусмотренная КоАП РФ, наступает лишь в тех случаях, если эти нарушения по своему характеру не влекут за собой уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством: некоторые из составов административных правонарушений (например, ст. 16.1, 16.2 КоАП РФ) не влекут за собой применение административных наказаний, т. к. в совершенном правонарушении имеются признаки уголовной ответственности (194 УК РФ), которые обладают повышенной степенью общественной опасности.

Среди нарушений таможенных правил существуют и такие деяния, ответственность за которые очень тесно граничат с преступлениями: грубые правонарушения, посягающие на установленные таможенным законодательством основные положения таможенного регулирования и наносящие реальный ущерб экономическим интересам и безопасности государства (например, незаконное перемещение товаров и транспортных средств (ст. 16.1 КоАП РФ), недекларирование либо недостоверное декларирование товаров и транспортных средств (ст. 16.2 КоАП РФ) и другие деяния).

Особенностью квалификации административного правонарушения в области таможенного дела является, в большинстве случаев, необходимость наряду с установлением объекта, устанавливая и его *предмет*, которым могут выступать: товары и (или) транспортные средства, иностранная валюта и валюта Российской Федерации, средства таможенной идентификации, таможенная декларация и таможенные документы, что в конечном итоге необходимо для правильного назначения административного наказания.

Предмет административного правонарушения следует отличать от объекта нарушения таможенных правил, так как предмет является признаком объекта и представляет собой вещь материального мира, посредством воздействия на которую и совершается правонарушение.

Предмет административного правонарушения — это предмет материального мира, по поводу которого или в связи с которым осуществлено административное правонарушение [8].

Рассмотрим группу административных правонарушений, при совершении которых, наряду с объектом правонарушения, присутствует также и предмет административного правонарушения. Это, в частности, относится к ст. 16.1, 16.4, 16.11, 16.12, 16.21 КоАП РФ, в которых предметом административного правонарушения высту-

пают соответственно: товары и (или) транспортные средства, в отношении перемещения которых нарушены таможенные правила (ст. 16.1); иностранная валюта и валюта Российской Федерации (ст. 16.4); средства таможенной идентификации — идентификационные знаки, цифровая, буквенная и иная маркировка, штампы, печати, пломбы и пр. (ст. 16.11); таможенная декларация и таможенные документы (ст. 16.12); товары и транспортные средства, незаконно перемещенные через таможенную границу Российской Федерации (ст. 16.21).

Важное значение в системе общественных отношений для точного определения квалификации совершенного деяния имеет выделение предмета правонарушения либо преступления, который находит свое выражение в конкретной материальной или физической форме материального мира, на которые непосредственно воздействует преступник либо правонарушитель.

Основным разграничительным признаком нарушения таможенных правил и смежных с ними преступлений — это непосредственно размер ущерба (в денежном выражении), причиненного правонарушителем, который установлен правовыми нормами уголовного законодательства.

Тем важнее и актуальнее является необходимость правильной квалификации нарушений таможенных правил, которая обеспечивает соблюдение законности при привлечении субъекта к ответственности, выражает достоверную социальную и правовую оценку совершенного деяния, гарантируя при этом обеспечение и соблюдение прав и законных интересов физического лица, способствует индивидуализации ответственности и справедливости назначаемых физическому лицу наказаний.

Квалификация административных правонарушений в области таможенного дела является важнейшей стадией деятельности по применению норм законодательства об административных правонарушениях. Правильная квалификация — это необходимое условие законности правоприменительной деятельности таможенных органов. Как показывает практика, ошибки в квалификации порождают ряд негативных последствий. Правильная квалификация нарушения таможенных правил обеспечивает соблюдение законности при привлечении субъекта к ответственности, выражает достоверную социальную и правовую оценку совершенного деяния, гарантируя при этом обеспечение и соблюдение прав и законных интересов физических и юридических лиц, способствует индивидуализации ответственности и справедливости назначаемых наказаний. Неправильная квалификация нарушения таможенных правил может повлечь назначение меры наказания, неадекватной содеянному, необоснованное применение иных ограничительных мер.

В современных условиях возрастает роль и значение российской таможенной службы не только как органа исполнительной власти, регулирующей важные вопросы внешнеэкономической деятельности государства, но также как правоохранительного и контролирующего органа. Увеличивается число административных право-

нарушений в таможенной сфере, изменяется содержание и характер девиантного поведения в этой области общественных отношений. Поэтому в правоприменительной деятельности органов административной юрисдикции

особую актуальность приобретают вопросы квалификации нарушений таможенных правил, проблемы законности привлечения лиц к административной и иным видам ответственности.

Литература:

1. Таможенный кодекс таможенного союза/Под ред. Г. Ю. Касьяновой. — М.: АБАК, 2013. — 256 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с изм. и доп. на 15 сентября 2011 г. — М.: Эксмо, 2011. — 400 с. — (Российское законодательство).
3. Таможенный кодекс Российской Федерации. — М.: Экзамен, 2010. — 232 с.
4. Федеральный закон от 27.11.2010 №311-ФЗ (ред. от 11.07.2011) «О таможенном регулировании в Российской Федерации».
5. Методические рекомендации по квалификации административных правонарушений в области таможенного дела (нарушений таможенных правил) // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. — 2006. — №5.
6. Бахрах, Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2007. — 816 с.
7. Зубач, А. В. Таможенное право: учебник для бакалавров/А. В. Зубач [и др.]; под общ. ред. А. В. Зубача. — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 479 с.
8. Мустафина, С. А. Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушения таможенных правил): вопросы квалификации и назначения наказаний: диссертация...кандидата юридических наук: 12.00.14/С. А. Мустафина. — М., 2011. — с. 56.
9. Тимошенко, И. В. Административная ответственность за правонарушения в области таможенного дела/И. В. Тимошенко. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 344 с.
10. Хомяков, Л. Л. Административная ответственность за правонарушения в области таможенного дела: учебное пособие/Л. Л. Хомяков, М. Ю. Карпеченков, Е. И. Сидоров. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2009. 132 с.
11. Хомяков, Л. Л. Административное производство по делам о нарушении таможенных правил: курс лекций/Л. Л. Хомяков, М. Ю. Карпеченков, Е. И. Сидоров. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2011. 194 с.
12. Чермянинов, Д. В. Таможенное право: учебник для вузов/Д. В. Чермянинов; отв. ред. Д. Н. Бахрах. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012. — 390 с.

8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Проблемы доказывания нарушений антимонопольного законодательства, предусмотренных статьёй 16 Закона о защите конкуренции РФ

Нельговский Игорь Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор;

Ботанцов Данила Владимирович, студент

Российская академия правосудия (г. Санкт-Петербург)

Современная рыночная экономика представляет собой сложный механизм, состоящий из огромного количества разнообразных структур, осуществляющих своё взаимодействие на фоне разветвленной системы правовых норм бизнеса. Этот механизм объединяется понятием рынка, с которым также теснейшим образом связывают и термин конкуренции. [1]

Следует особо отметить значение конкуренции в предпринимательской деятельности и экономике вообще. Она способствует установлению равновесной цены товаров, уравниванию спроса и предложения, поддерживает естественно нормальные условия производства и реализации товаров и услуг, являясь при этом, пожалуй, главнейшим стимулом научно-технического прогресса и повышения эффективности производства. Таким образом, неудивительно, что государством был принят особый нормативный акт, защищающий свободную конкуренцию в РФ, ведь только при отсутствии монополий на рынке товаров и услуг возможно существование настоящей рыночной экономики со свободным ценообразованием и прогрессирующими методами производства. [3]

Однако практика рассмотрения дел, связанных с нарушениями антимонопольного законодательства, сталкивается с трудностями в доказывании наличия подобных нарушений. Дело в том, что зачастую не так просто доказать реальное ограничение конкуренции вследствие соглашения между федеральными органами исполнительной власти или иными органами государственной власти РФ друг с другом или с хозяйствующими субъектами, способными оказывать существенное влияние на рынок.

Статья 16 ФЗ «О защите конкуренции» содержит запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, местного самоуправления и иных органов, осуществляющих функции данных органов. Иными словами, запрещается вести любые согласованные действия государственных учреждений в отношении друг друга или каких-либо хозяйствующих субъектов, если таковые соглашения могут привести к ограничению или недопущению конкуренции. Далее в статье раскрываются конкретные виды возможного ограничения, например,

раздела товарного рынка или ограничению к нему доступа.

Для того, чтобы выявить нарушения антимонопольного законодательства в отношении данной нормы, следует изучить акт государственного органа и решить вопрос о возможности нанесения ущерба конкуренции данным актом. Антимонопольная служба России периодически издаёт различные рекомендации, в которых сообщаются указания касательно ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции». Например, рекомендация ФАС РФ по существенным условиям соглашений, заключаемых органами власти с производителями продовольственных товаров, в которой содержится ряд указаний на наиболее приемлемые условия заключения соглашений между исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и хозяйствующими субъектами о снижении и поддержании цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, основываясь на одноимённом постановлении Правительства. В этом документе содержится ряд положений, которые должны содержаться в соглашениях. Так, данные акты должны включать обязательные условия обеспечения конкуренции и не должны содержать положений, приводящих к различным негативным для рынка последствиям: необоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар, а также положений, создающих для хозяйствующих субъектов возможность устранения конкуренции.

Однако правонарушения в этой области антимонопольного права нередки, и случаи частого нарушения антимонопольного законодательства встречались не только сегодня, но и на этапе становления современной правовой системы России. Так, в 1999 году наибольшее количество возбужденных дел связано с нарушением порядка подачи ходатайств и уведомлений при создании, реорганизации, ликвидации коммерческих организаций, а нарушения, обусловленные актами и действиями федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, направленными на ограничение конкуренции по массовости занимали второе место. Немалым было и количество нарушений, связанных с монополисти-

ческой деятельностью хозяйствующих субъектов. [5]

В настоящее время статистика несколько иная. Так, каждый год УФАС по Санкт-Петербургу рассматривается ряд дел, в которых так или иначе выявляются нарушения ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», и в последние годы подобные нарушения участились. Например, в 2009 году УФАС по Санкт-Петербургу не было возбуждено ни одного дела по признакам нарушения статьи 16, в 2010 — восемь, а в 2011 — 6. Как объясняет сам антимонопольный орган в своём ежегодном отчёте, вероятными причинами увеличения количества возбужденных дел могут являться следующие причины:

— большое количество рассмотренных процедур размещения заказа, а также заявлений о согласованных действиях хозяйствующих субъектов при участии в торгах;

— заключение соглашений органами власти между собой или с хозяйствующими субъектами, направленных на регулирование функционирования товарных рынков;

— стремление органов власти к экономии бюджетных средств и выбор способа размещения заказа на оказание услуг по обязательным видам страхования путем проведения открытого аукциона, что приводит к необоснованному уменьшению стоимости услуги;

— стремление страховых компаний к заключению договоров страхования. [6]

Конечно, самих обращений в антимонопольный орган было больше, но многие из нарушений были устранены после вмешательства антимонопольных органов. [7] Например, в 2011 году 7 нарушений было устранено по предложению антимонопольного органа. Следует также сказать о выявленном в 2011 году в ходе проверки нарушения в действиях Администрации Кировского района Санкт-Петербурга и ОАО «Агентство по приватизации жилищного фонда Кировского района Санкт-Петербурга» ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», которое выражалось в заключении соглашения «О сотрудничестве Администрации Кировского района Санкт-Петербурга и ОАО «Агентство по приватизации жилищного фонда Кировского района Санкт-Петербурга». Некоторое время спустя органы антимонопольной службы обнаружили также и в других (7 из 20) районах Санкт-Петербурга факт заключения аналогичных соглашений. Однако после того как УФАС по Санкт-Петербургу направило в районные администрации письма с требованиями о расторжении заключенных с районными Агентствами по приватизации жилищного фонда соглашений о сотрудничестве, организации выполнили предложения антимонопольной службы и представили в УФАС по Санкт-Петербургу доказательства расторжения соглашений. [8]

Однако нарушения ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции» далеко не всегда очевидны, они могут быть очень трудно доказуемы и отчасти носить некоторый вероятностный характер. Например, особого внимания заслуживает дело № К03–206/12, которое рассматривалось осенью 2012 года УФАС по Санкт-Петербургу. Дело было возбуждено УФАС по Санкт-Петербургу по собственной

инициативе. Имели наличие явные признаки нарушения рядом крупнейших городских транспортных компаний ч. 1 ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции». Данные нарушения выражались в осуществлении согласованных действий, которые привели к повышению в апреле 2012 г. цен (тарифов) на перевозку пассажиров и багажа на маршрутах регулярных перевозок с посадкой и высадкой пассажиров в любом незапрещенном правилами дорожного движения месте.

Суть дела заключалась в том, что организации начали одновременно и неоправданно повышать цены на проезд. При этом Комитет по транспорту администрации Санкт-Петербурга знал о повышении цен организациями-перевозчиками ранее их официального уведомления, что можно расценивать как свидетельство об устной договоренности Комитета с организациями-перевозчиками о повышении цен, т. е. о том, что такое повышение цен носило спланированный характер. При этом повышение цен (тарифов) осуществлено до утверждения соответствующих цен (тарифов) Правительством Санкт-Петербурга. [9] В целом перечисленные в материалах дела обстоятельства свидетельствуют о координации Комитетом по транспорту действий организаций-перевозчиков по установлению цен (тарифов) на коммерческих маршрутах и о соглашении (согласованных действиях) между Комитетом по транспорту и организациями-перевозчиками, результатом которых явилось фактическое установление (повышение) в апреле 2012 года цен (тарифов) на перевозку пассажиров и багажа на коммерческих маршрутах, что является нарушением статьи 16 Закона о защите конкуренции

Далее Комиссия УФАС по Санкт-Петербургу признаёт нарушения различных положений антимонопольного законодательства РФ, обосновывая своё решение на убеждённости в наличии устного соглашения между различными хозяйствующими субъектами — конкурентами, так как только это может объяснить одномоментность, единообразность и синхронность действий всех 15 организаций-перевозчиков. Здесь, в доказательственной базе этого решения, и проявляется самое важное обстоятельство данного дела, а именно то, что в качестве определяющего доказательства служит недоказанное устное соглашение. С другой стороны, в п. 18 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» говорится о наличии не только письменных, но и устных соглашений различных субъектов, ведущих к ограничению конкуренции. Но если доказать письменное соглашение не представляется слишком сложной задачей, то доказывание устной договорённости является более сложной проблемой. На практике с этой проблемой антимонопольным органам приходится сталкиваться постоянно. Например, ФАС РФ в октябре 2013 года рассматривала крупное дело о нарушении ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», где местные органы власти предоставили преимущественные условия осуществления деятельности на рынке оказания услуг по управлению многоквартирными домами в городе Муром только одной компании — ООО «ОДК», в обход остальных предпринимателей.

Решение комиссии по делу также основывалось на предположении наличия определённого соглашения компании с органами исполнительной власти. [10]

Вероятно, в подобных ситуациях неизбежно придётся выводить наличие устного соглашения на основании различных косвенных доказательств, в частности, основываясь на том, что координированность действий различных органов исполнительной власти и иных хозяйствующих субъектов носит настолько согласованный характер, что мы не можем говорить о совпадении или иных причинах такого поведения хозяйствующих субъектов.

Говоря о трудностях доказывания нарушений ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», следует рассмотреть также Положение об антимонопольной службе в РФ. [11] Этот нормативно-правовой акт устанавливает и раскрывает всю широту полномочий Федеральной антимонопольной службы в России, и исходя из них, мы сможем судить о том, насколько компетентны данные органы в поисках доказательств и проведении определённой работы по сбору информации о незаконной деятельности хозяйствующих субъектов. Пункт 5.3.1.8 Положения устанавливает за ФАС РФ обязанность осуществлять контроль за соответствием антимонопольному законодательству соглашений между хозяйствующими субъектами, которые могут быть признаны допустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством. Однако среди иных полномочий нет ни слова о возможности проведения каких-то самостоятельных оперативно-розыскных действий. Правда, п. 5.3.6 Положения закрепляет право антимоно-

польного органа получать от коммерческих и иных организаций и федеральных органов исполнительной власти необходимые документы и информацию, объяснения в письменной или устной форме, обращаться в установленном законодательством Российской Федерации порядке в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, с просьбой о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Однако данные запросы будут носить отнюдь не императивный характер. То есть сам по себе антимонопольный орган в своих попытках провести расследование и выявить наличие незаконного соглашения будет ограничен в своих возможностях.

К сожалению, приходится констатировать, что большая часть принимаемых решений обжалуется в арбитражные суды, так как аргументы антимонопольных органов в доказательстве наличия соглашений весьма неубедительны. Сказывается отсутствие определённой самостоятельности и некоторая ограниченность ФАС РФ в своих действиях, что следует отнести к недостаткам законодательства в части предоставления полномочий антимонопольным органам. На деятельность ФАС РФ отрицательно влияет большое количество факторов, которые подчас способствуют усложнению процедуры доказывания нарушений. Однако изменение некоторых положений в законе могло бы существенно повысить уровень работы ФАС РФ и устранить некоторые пробелы, в том числе отсутствие возможности у антимонопольных органов проводить самостоятельные действия по поиску доказательств о наличии незаконных устных соглашений.

Литература:

1. Павлов, Е.А., Эриашвили Н.Д., Эриашвили М.И., Предпринимательское право. Правовая защита бизнеса в России. Учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. с. 31
2. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ// «Собрание законодательства Российской Федерации», выпуск №31 от 31 июля 2006 г. (Части I—II)
3. Тотьев, В.Н. Конкурентное право и правовое регулирование конкуренции. М.: Издательство РДЛ, 2005. с. 74
4. Практика применения антимонопольного законодательства, И. Южанов. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/6963> (дата обращения: 19.10.2013)
5. Практика применения антимонопольного законодательства, И. Южанов. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/6963> (дата обращения: 19.10.2013)
6. Отчет о деятельности Санкт-Петербургского УФАС России в 2009 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://spb.fas.gov.ru/report/5233> (дата обращения: 30.10.2013)
7. Пояснительная записка к отчету о работе Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу за 2011 год. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://spb.fas.gov.ru/report/6035> (дата обращения: 20.10.2013)
8. Отчет о деятельности Санкт-Петербургского УФАС России в 2011 г. [Электронный ресурс] — <http://spb.fas.gov.ru/report/6035> (дата обращения: 24.10.2013)
9. Решение по делу K03—206/12 о нарушении антимонопольного законодательства. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://spb.fas.gov.ru/solution/5676> (дата обращения: 21.10.2013)
10. Управляющим компаниям — равные условия. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/fas-news/fas-news_34785.html (дата обращения: 30.10.2013)
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. N 331//«Собрание законов Российской Федерации», выпуск №31 от 2 августа 2004 г.

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Основы компенсации морального вреда

Данилов Иван Андреевич, студент
Челябинский институт экономики и права имени М.В. Ладوشина

Статья посвящена основам компенсации морального вреда и раскрывает ее суть сегодня. В статье особое внимание уделено особенностям, в соответствии с которыми возмещается моральный вред. Проведен детальный анализ разных ситуаций и заострено внимание на основных ключевых моментах возникновения института компенсации морального вреда. На основе практического опыта автор наглядно показывает, как и в каких плоскостях могут развиваться случаи, связанные с компенсацией морального вреда. Автор прослеживает и исторический аспект становления данного понятия.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, законодательство, Гражданский кодекс, нарушения, правоотношения.

При условиях жизни в социуме права человека и гражданина могут быть нарушены, и в результате таких нарушений личность потерпевшего получает физические и нравственные страдания. Защита гражданских прав индивидуума обеспечивается институтом компенсации морального вреда, являющимся частью Гражданского кодекса. Данное понятие существует недавно, однако история его развития насчитывает несколько веков.

Различные виды компенсации морального вреда достаточно давно практикуются в России. Сборник правовых норм Русская правда X–XI вв. — наиболее значимый исторический источник, подтверждающий существование норм, которые предусматривали ответственность за оскорбление человека, ещё в Древнерусском государстве. Во многих случаях требовалось выплатить определенную сумму при оскорблении человека. В судебниках князей Иоанна III и Иоанна IV можно найти множество постановлений о присуждении денежных средств в пользу оскорбленного. [1, с. 34] Их размер зависел от социального статуса и пола истца. В уложении второго московского царя Алексея Михайловича, датированном 1649 г., регламентировался порядок присуждения материальной компенсации за моральный вред людям, имевшим разное звание. [1, с. 34] Права личности в XIX веке защищались при Петре I посредством законов, предусматривавших ответственность за оскорбление чести, а также при Екатерине II в манифесте о поединках. Эти правовые документы затем стали составляющей частью Свода законов Российской Империи, где в X томе был прописан закон, регулировавший процедуру возмещения вреда до времен Октябрьской революции. [1, с. 35]

Вышеупомянутый закон не содержал определенных норм возмещения морального вреда, но в нем также конкретно не утверждалось, что компенсировать можно

только материальный ущерб. Это вызывало споры среди дореволюционных специалистов по правоведению. Множество юристов рассматривали личную обиду, как теоретически допустимое основание для денежной компенсации, но в то же время считали такие иски недопустимыми с правовой точки зрения. [2, с. 74] К примеру, известный российский юрист Г. Ф. Шершневич утверждал, что недопустимо считать личное оскорбление достаточным основанием для имущественной компенсации, ведь оно причиняет лишь нравственный, но не материальный вред. Согласно мнению, которое тогда высказывал Г. Ф. Шершневич, ни один «порядочный человек» не станет пользоваться нормами возмещения неимущественного ущерба, чтобы получить мнимую компенсацию ценой собственного достоинства. [3, с. 402]

Специалист по гражданскому праву А. М. Эрделевский считал, что требование о наказании в виде выплаты определенной денежной суммы за нанесенные обиды навсегда закрыло бы дворянину путь в приличное общество. [2, с. 74] Из этого следует, что в конце XIX-начале XX века материальная компенсация всегда влекла за собой потерю репутации. Социолог и философ Л. И. Петражицкий считал факт компенсации морального вреда антикультурным явлением общества и всячески выступал против материального возмещения за нанесение нравственного вреда. [4, с. 62] Согласно словам правоведа, предоставление свободы судьям в решении этого вопроса неминуемо привело бы к обыкновенному произволу. [5, с. 11]

Однако в 1905 г. было составлено Гражданское уложение, авторы которого были приверженцами компенсации морального вреда. Телесные повреждения, обезображивание, нанесение обиды и лишение свободы они считали достаточным поводом для денежного возмещения.

В законодательстве СССР не рассматривался вопрос о компенсации морального вреда. Вплоть до 1990 г. официально не обсуждалась проблема оскорбления личности и нанесения нематериального ущерба, а также его возмещения. Подобное отношение к данному институту обуславливалось тем, что социалистическая идеология не признавала принцип компенсации морального вреда, так как он был чужд правосознанию людей того времени. Идеологи эпохи коммунизма утверждали о невозможности измерить человеческое достоинство в денежной форме. 12 июня 1990 г. был принят Закон «О печати и других средствах массовой информации». Его текст гласил о праве на компенсацию морального вреда, впоследствии закрепленном в Гражданском кодексе Российской Федерации. Главной целью возмещения морального вреда является заглаживание причиненной обиды, которая характеризуется унижением чувств, созданием негативных эмоций, а также душевными переживаниями пострадавшего. Отрицательные ощущения, вызванные другим человеком, могут возникнуть в результате нарушения прав — нематериальных и материальных.

Существующие нормы, которые предусматривают возможность защиты прав человека посредством возмещения нематериального вреда, можно распределить на две группы:

- нормы, в которых прямо сказано о том, что каждый человек имеет право на компенсацию за нанесенные оскорбления и обиды;
- нормы, в которых прямо не сказано о вышеупомянутом праве, однако факт причинения моральных страданий делает компенсацию возможной.

Как гласит статья 151 ГК РФ, под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, полученные в результате действий, нарушающих личные нематериальные права либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага.

Если в целом рассматривать институт компенсации морального вреда в соответствии с российским гражданским правом, важно подчеркнуть, что здесь имеется одна любопытная законотворческая особенность. Суть ее в том, что при конструировании норм анализируемого института можно заметить преимущественное использование оценочных понятий. Сюда можно отнести такие понятия, как, например: 1) нравственные страдания (ст. 151 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 1101 ГК РФ); 2) физические страдания (ст. 151 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 1101 ГК РФ); 3) степень причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий (ст. 151 ГК РФ); 4) характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий; 5) индивидуальные особенности потерпевшего (ст. 151 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 1101 ГК РФ); 6) фактические обстоятельства причинения морального вреда (абз. 2 п. 2 ст. 1101 ГК РФ); 7) требование разумности и справедливости (п. 2 ст. 6, п. 2 ст. 1101 ГК РФ); 8) иные заслуживающие внимания обстоятельства (ст. 151 ГК РФ).

Определение морального вреда в качестве страданий фактически говорит о том, что действия его причинителя в обязательном порядке должны отражаться в сознании потерпевшего и вызвать определенную психическую реакцию. Это обычно различные переживания в виде нравственных страданий — например, страх, унижение, стыд или иное страдание, неблагоприятное в психологическом аспекте.

О содержании морального вреда говорится и в Пленуме Верховного Суда РФ в Постановлении от двадцатого декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» — там указывается, что моральный вред — это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), которые посягают на нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона.

В вышеуказанном постановлении раскрывается понятие нравственных страданий путем их перечислений. То есть, согласно ему, нравственные страдания — это различные переживания, связанные, допустим, в связи со смертью родственников, потерей работы или раскрытием какой-либо тайны.

Что касается норм, которые относятся к первой группе, то них говорится в пункте «к» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса. Согласно ему, одно из обстоятельств, позволяющих смягчить наказание, — добровольное возмещение причиненного вреда правонарушителем. Из этого следует, что подсудимый должен дать оценку собственным действиям, и, соответственно, компенсировать моральный ущерб. Стоит отметить, что в данном случае возникают проблемы, связанные со спецификой оценки нематериального вреда. Имущественный ущерб подлежит точной оценке, страдания же не имеют какого-либо стоимостного эквивалента. Согласно статье 1101 (пункт 2) Гражданского кодекса, размер компенсации определяется судом в зависимости от характера физического и морального ущерба, а также степени вины подсудимого в тех случаях, когда вина служит основанием для возмещения нематериального вреда. Законодателем здесь указаны некоторые качественные критерии, которые суд всегда должен учитывать при определении размера компенсации. В частности, это такие детали, как характер и степень нравственных и физических страданий. Судом изучается также и степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием ответственности за причинение вреда. Рассматриваются судом и фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Что и говорить про индивидуальные особенности потерпевшего, которые здесь тоже имеют большое значение.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

Основываясь на Гражданском кодексе, в некоторых случаях необходимо учитывать и другие нормативно-правовые акты. Одна из особенностей возмещения нематериального вреда — сам способ компенсации. Если в Гражданском кодексе это возможно только путем передачи денежных средств потерпевшему, то согласно нормам Уголовного кодекса допускается компенсация в виде каких-либо материальных благ, а также других действий, которые направлены на сглаживание физических и моральных мучений. В этом случае суд учитывает сами действия, предпринятые в отношении урегулирования спора, а не фактическое возмещение нанесенного вреда. Уголовным правом предусмотрена возможность компенсации нематериального ущерба только в случае совершения преступления, объект которого — неимущественные права пострадавшего. К примеру, истец не имеет права требовать возмещения морального ущерба по тем нормам Уголовного кодекса, в которых предусмотрено только нарушение права собственности (часть 1 статьи 158).

В уголовном праве на возможность возмещения нематериального ущерба должны распространяться только нормы, прописанные в Гражданском кодексе, поскольку в Уголовном кодексе не содержится законов, которые обеспечивали бы компенсацию морального вреда. Например, в ранее упомянутом пункте «к» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации способ и размер возмещения морального ущерба определяется самим преступником. Такое правило является спорным, ведь оно нарушает принципы компенсации неимущественного вреда, поскольку обвиняемый не может учесть фактические эмоциональные переживания и страдания истца, причиной которых является он сам. Правонарушитель компенсирует нанесенный ущерб лишь на основании собственных убеждений.

Перейдем непосредственно к трудовым отношениям. Среди норм, в которых прямо указано на возможность возмещения нематериального вреда, есть статьи 3, 21, 22, 237, 394 Трудового кодекса Российской Федерации. Специфика компенсации, согласно данным документам:

1. В абзаце 14 статьи 21 и статье 237 Трудового кодекса установлено, что суд может удовлетворить иск о возмещении нематериального вреда, что был причинен по вине работодателя. Сюда также относятся случаи нарушения материальных прав, например, невыплата заработной платы.

2. Важное условие для компенсации морального ущерба — вина работодателя. К примеру, в Гражданском кодексе описаны случаи, когда возмещения можно требовать вне зависимости от вины правонарушителя; в то же время Трудовым кодексом установлена виновная ответственность за нарушение законов, защищающих права трудящихся. В этом случае сбор доказательств, подтверждающих невиновность в причинении нематериального вреда, возлагается на работодателя.

3. Статья 237 Трудового кодекса гласит, что сумма компенсации может устанавливаться соглашением двух сторон посредством трудового договора.

4. Статья 392 Трудового кодекса устанавливает сроки исковой давности, отличающиеся от аналогичных в гражданском праве:

— три месяца для разрешения индивидуальных трудовых споров;

— один месяц для споров, касающихся увольнения.

Вышеуказанные сроки действительны для случаев нанесения как материального, так и нематериального ущерба.

Следовательно, трудовым законодательством закреплены условия возмещения морального вреда, являющиеся отличными от содержащихся в Гражданском кодексе.

Институт компенсации нематериального ущерба присутствует и в семейном праве. Об этом свидетельствует статья 4 Семейного кодекса Российской Федерации. В ней предусматривается применение гражданского законодательства, так как это не противоречит сути внутрисемейных отношений.

Семейное право характеризуется такими особенностями компенсации морального ущерба:

1. Возможность фактического возмещения нематериального вреда членами семьи. Законодательно это представляется возможным, однако на практике такие споры в суде не решаются. Это связано с тем, что разрешение семейных конфликтов, как правило, регулируется морально-этическими правилами без привлечения государственных органов в качестве третьих лиц. Еще одним аргументом является общее хозяйство — очевидно, что средства, уплаченные в счёт компенсации морального вреда, будут возвращены в семейный бюджет, откуда и были предварительно взяты.

2. Согласно нормам семейного права, имеется возможность требовать компенсации нематериального ущерба по недействительной сделке. Пункт 4 статьи 30 Семейного кодекса Российской Федерации гласит, что в случае признания брака недействительным, один из супругов имеет право требовать возмещения морального вреда. В гражданско-правовом смысле недействительный брак можно классифицировать как недействительную сделку. Так как в Гражданском кодексе не предусмотрено право на возмещение неимущественного вреда по недействительной сделке, это можно сделать в соответствии с нормами семейного права.

Соответственно, институт компенсации морального вреда действителен в случае нарушения личных нематериальных прав, которые основаны на браке и родстве участников судебного спора.

Множество противоречий вызывает проблема возмещения нематериального вреда согласно нормам Жилищного кодекса. Объясняется это тем, что в указанном законодательном акте конкретно не указано на возможность компенсации нематериального ущерба. Но это не повод считать, что истец не имеет права на материальное возмещение причиненного вреда. Потерпевший не может подавать иск о компенсации нанесенного мо-

рального вреда в случае, если были нарушены его имущественные права. При нарушении неимущественных прав, которые находятся под защитой Жилищного кодекса, компенсация вполне допустима. В Гражданском кодексе указано, что нормы данного правового документа не касаются сферы налоговых отношений. Налоговое право также не допускает требований о возмещении морального ущерба, так как Налоговый кодекс не содержит специальных норм, которые бы регулировали процедуру компенсации нематериального вреда. Из этого следует,

что потерпевший не может требовать возмещения неимущественного ущерба, который был причинен в результате налоговых правоотношений.

Каждая отрасль права имеет свои особенности касательно проблем юридической защиты граждан в случаях нанесения неимущественного вреда. Без учета специфики данной сферы права возмещение нематериального ущерба невозможно. Это должно быть принято во внимание, что позволит в полном объеме защитить неимущественные права человека.

Литература:

1. Беляцкий, С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 2005.
2. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда. М., 2000.
3. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.
4. Боер, А. А. Институт возмещения морального вреда в русском дореволюционном праве // Юрист. 2004. №2.
5. Петражицкий, Л. И. О темных сторонах института возмещения нравственного вреда с точки зрения народной этики и эстетики // Вестник права. 1900. №3.
6. Гражданский кодекс РФ. Ч. 1.: Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32.

Право на социальное обслуживание как элемент социально-правового статуса граждан Российской Федерации

Квалдыков Руслан Викторович, студент;
Романов Владимир Александрович, студент;
Сухоруков Дмитрий Вячеславович, студент
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

В статье анализируются преимущества и недостатки социального обслуживания в государственной системе социальных служб в Российской Федерации. Рассматривается право на социальное обслуживание как элемент социального и правового статуса граждан России.

Ключевые слова: право на социальное обслуживание, правовой статус граждан, социальная помощь, социальное обслуживание, система социальных служб.

Государство гарантирует гражданам право на социальное обслуживание в государственной системе социальных служб по основным видам в порядке и на условиях, которые устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Право на получение социальной помощи возникает, если среднедушевой доход семьи (одиноко проживающего гражданина) ниже установленной в регионе величины прожиточного минимума.

Право на социальную помощь имеют:

1) семьи с детьми в возрасте до 16 лет — учащимися общеобразовательных учреждений — до окончания обучения (не старше 18 лет);

2) семьи с детьми — учащимися профтехучилищ, техникумов, вузов до окончания обучения (не старше 23 лет), у которых один из родителей является неработающим инвалидом, или оба неработающими пенсионерами;

3) семьи с неработающими пенсионерами или инвалидами;

4) одиноко проживающие пенсионеры и инвалиды [1, с. 37].

Социальное обслуживание осуществляется на основании обращения гражданина, его опекуна, попечителя, другого законного представителя, органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного объединения.

Важно не забывать, что:

1) Социальная помощь назначается на основании заявления — декларации гражданина на период 6 календарных месяцев. После чего документы оформляются вновь;

2) Заявление-декларация подается в органы социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания;

3) Заявление-декларация оформляется письменно: либо от имени гражданина, либо от имени семьи;

4) Социальное пособие не облагается налогом, не включается в средний заработок для расчета размеров алиментов, пенсий, субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг;

5) Семьи, в которых неработающие граждане трудоспособного возраста не зарегистрированы в службе занятости, права на социальную помощь не имеют.

Каждый гражданин вправе получить в государственной системе социальных служб бесплатную информацию о возможностях, видах, порядке и условиях социального обслуживания.

Постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане имеют равные с гражданами Российской Федерации права на социальное обслуживание, если иное не установлено международным договором Российской Федерации [2].

Материальная помощь предоставляется гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в виде денежных средств, продуктов питания, средств санитарии и гигиены, средств ухода за детьми, одежды, обуви и других предметов первой необходимости, топлива, а также специальных транспортных средств, технических средств реабилитации инвалидов и лиц, нуждающихся в постоянном уходе.

Порядок и основания предоставления материальной помощи гражданам устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Одиноким гражданам и гражданам, частично утратившим способность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, инвалидностью, предоставляется помощь на дому в виде социально-бытовых, социально-медицинских услуг и иной помощи.

Социальное обслуживание на дому осуществляется путем предоставления социальных услуг гражданам, нуждающимся в постоянном или временном нестационарном социальном обслуживании [3].

Социальное обслуживание на дому предоставляется:

1) гражданам пожилого возраста (женщинам старше 55 лет, мужчинам старше 60 лет);

2) инвалидам, нуждающимся в посторонней помощи из-за ограничения способности к самообслуживанию и (или) передвижению в связи с частичной или полной утратой возможности самостоятельного удовлетворения основных жизненных потребностей.

Право на получение социального обслуживания имеют:

1) во внеочередном порядке инвалиды и участники Великой Отечественной войны; инвалиды боевых действий; лица, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда»; реабилитированные лица; лица, признанные пострадавшими от политических репрессий;

2) в первоочередном порядке иные категории ветеранов ВОВ; вдовы погибших (умерших) инвалидов и участников ВОВ, не вступившие в повторный брак; вынужденные переселенцы (беженцы); одинокие нетрудоспособные граждане пожилого возраста и инвалиды.

Социальное обслуживание на дому предоставля-

ется на основании письменного обращения в Центр социального обслуживания (ЦСО). В договоре, заключаемом при принятии на обслуживание между клиентом и ЦСО, оговариваются виды и периодичность предоставления услуг, условия их оплаты. При среднедушевом доходе ниже прожиточного минимума гарантированные социальные услуги предоставляются бесплатно. Дополнительные социальные услуги предоставляются всем категориям платно.

Социальное обслуживание в стационарных учреждениях социального обслуживания осуществляется путем предоставления социальных услуг гражданам, частично или полностью утратившим способность к самообслуживанию и нуждающимся в постоянном постороннем уходе, и обеспечивает создание соответствующих их возрасту и состоянию здоровья условий жизнедеятельности, проведение мероприятий медицинского, психологического, социального характера, питание и уход, а также организацию посильной трудовой деятельности, отдыха и досуга.

Право на получение стационарного обслуживания имеют:

1) лица, достигшие пенсионного возраста (женщины — 55 лет, мужчины — 60 лет);

2) лица, не имеющие трудового стажа, при назначении им социальной пенсии;

3) инвалиды I—II групп инвалидности, частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию, нуждающиеся в постоянном постороннем уходе и наблюдении.

Временный приют в специализированном учреждении социального обслуживания предоставляется детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, безнадзорным несовершеннолетним, детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, гражданам без определенного места жительства и определенных занятий, гражданам, пострадавшим от физического или психического насилия, стихийных бедствий, в результате вооруженных и межэтнических конфликтов, другим клиентам социальной службы, нуждающимся в предоставлении временного приюта [4].

В учреждениях социального обслуживания в дневное время предоставляется социально-бытовое, социально-медицинское и иное обслуживание сохранившим способность к самообслуживанию и активному передвижению гражданам преклонного возраста и инвалидам, а также другим лицам, в том числе несовершеннолетним, находящимся в трудной жизненной ситуации.

В учреждениях социального обслуживания клиентам социальной службы предоставляются консультации по вопросам социально-бытового и социально-медицинского обеспечения жизнедеятельности, психолого-педагогической помощи, социально-правовой защиты.

Социальные службы оказывают помощь в профессиональной, социальной, психологической реабилитации инвалидам, лицам с ограниченными возможностями, несовершеннолетним правонарушителям, другим гражданам,

попавшим в трудную жизненную ситуацию и нуждающимся в реабилитационных услугах.

Социальное обслуживание осуществляется социальными службами бесплатно и за плату.

Бесплатное социальное обслуживание в государственной системе социальных служб осуществляется по основаниям, предусмотренным статьей 16 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Порядок предоставления бесплатного социального обслуживания определяется органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Платные социальные услуги в государственной системе социальных служб оказываются в порядке, установленном органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Условия и порядок оплаты социальных услуг в социальных службах иных форм собственности устанавливаются ими самостоятельно. Размер оплаты не может превышать 75% размера трудовой или социальной пенсии гражданина. При праве на получение двух пенсий расчет по оплате за проживание производится по одной из них. Временное выбытие граждан из стационара по личным основаниям разрешается только с согласия руководителя стационарного учреждения на срок не более одного месяца. Жилые помещения, занимаемые гражданином по договору найма или аренды, сохраняются за ним в течение 6 месяцев после размещения

в пансионат. Если в жилых помещениях остались члены семьи, в течение всего времени пребывания в стационаре. По личному заявлению при наличии объективных причин осуществляется перевод проживающих из одного стационарного учреждения в аналогичное стационарное учреждение.

Бесплатное социальное обслуживание в государственной системе социальных служб в объемах, определенных государственными стандартами социального обслуживания, предоставляется:

1) гражданам, не способным к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, инвалидностью, не имеющим родственников, которые могут обеспечить им помощь и уход, — если среднедушевой доход этих граждан ниже прожиточного минимума, установленного для субъекта Российской Федерации, в котором они проживают;

2) гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации в связи с безработицей, стихийными бедствиями, катастрофами, пострадавшим в результате вооруженных и межэтнических конфликтов;

3) несовершеннолетним детям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, право на социальное обслуживание имеют граждане РФ; иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие в РФ, если иное не установлено международными договорами РФ.

Литература:

1. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения. Учебное пособие. М. 2012.
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации: [25 июля 2002 года № 115-ФЗ] // Российская газета. 2002. Ст. 38.
3. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации: [10 декабря 1995 года № 195-ФЗ] // Российская газета. 1995. Ст. 28.
4. Колоколова, Е. О., Котляров С. Б. Полномочия органов местного самоуправления в реализации государственной жилищной политики Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 6. с. 6–8.

Непрерывность как одно из оснований приобретательной давности

Линева Светлана Валентиновна, аспирант
Волгоградский институт бизнеса

В соответствии с п. 1 ст. 234 ГК РФ приобретательная давность может быть применена в случае владения непрерывно в течение всего срока давностного владения (пять лет — в отношении движимого имущества и пятнадцать лет — в отношении недвижимого имущества). Для возникновения права собственности на вещь после истечения предусмотренного законом срока владения, давностное владение не должно прерываться ни юридически, ни фактически. [1]

Талантливый дореволюционный цивилист Г. Ф. Шершеневич разъясняя непрерывность, как одно из оснований приобретательной давности, подчеркивал, что владение прерывается тем, что владелец оставляет намерение присвоения или тем, что лишается возможности господства над вещью. Оставление намерения выражается в том, что владелец бросает вещь на произвол судьбы или придает своему господству иной характер, например, признает право собственника и начинает производить держание

вещью с согласия последнего. Ученый утверждал, что давностное владение не должно прекращаться ни на один момент в течение всего срока владения (без пробелов). [2] Современный цивилист А. А. Рубанов рассматривает непрерывность владения как необходимость «каждый день в течение всего срока» владеть вещью. [3]

Однако это не означает, что владелец обязан осуществлять ежесекундное, ежедневное физическое господство над вещью. Непрерывность владения означает фактическое обладание вещью с постоянным присутствием без значительных перерывов владения.

Ученый В. М. Хвостов об условиях непрерывности сделал следующий вывод: «Фактическое господство лица над вещью... не предполагает неременного физического воздействия лица на вещь; для его наличности достаточно такого отношения между лицом и вещью, при котором при обычных условиях владелец может рассчитывать на продолжительное и обеспеченное от посягательств третьих лиц и от препятствий со стороны сил природы распоряжение вещью». [4]

Прерывание давностного владения понималось дореволюционными юристами, как случаи отпадения одного из условий непрерывного давностного владения — бесспорности, спокойствия или непрерывности. Иными словами, течение давности прерывалось, когда владение: а) делалось спорным вследствие предъявления иска собственника к владельцу; б) становилось беспокойным вследствие фактической попытки собственника возвратить свое имущество; в) прерывалось на время вследствие захвата владимого имущества другим лицом либо покинутая самим владельцем. [5]

Фактическое владение прерывается лишением владения со стороны управомоченного лица или третьего лица. Фактическое владение может быть нарушено любым лицом, юридическое же — либо самим владельцем либо собственником, но не посторонними лицами. [6]

Однако, норма о приобретательной давности в ГК РФ не содержит перечень оснований прерывания давностного владения. Поэтому в литературе между учеными возникают различные мнения относительно оснований прерывания давностного срока.

Большинство ученых считают, что давностное владение считается прерванным в случае совершения владельцем действий, свидетельствующих о признании им обязанности возвратить вещь собственнику, а также в случае предъявления иска собственника к давностному владельцу о возврате имущества (по аналогии с основаниями прерывания исковой давности в гражданском процессе (ст. 203 ГК РФ)). [7]

Другая часть исследователей возражает против изложенного мнения. Так, например, А. Д. Рудоквас утверждает, что общим (единственным) основанием для прерывания исковой и приобретательной давности является совершение владельцем действий, свидетельствующих о признании им своей обязанности возвратить вещь собственнику. Ученый делает вывод о том, что в современной

России нет никаких оснований распространять нормы о перерыве исковой давности на прерывание приобретательной давности. [8]

По нашему мнению, из-за различной правовой природы приобретательной давности и исковой давности, основания прерывания течения приобретательной и исковой давности различны. Основанием прерывания давностного владения могут быть как фактические, так и юридические действия давностного владельца.

В настоящее время в судебной практике спорным вопросом является возможность прерывания течения давностного срока в случае предъявления иска к давностному владельцу со стороны собственника или иных титульных владельцев.

По нашему убеждению, не будет являться основанием прерывания течения давностного срока — кратковременное лишение фактического давностного владения со стороны лиц, не являющихся собственником или иными титульными владельцами и если в течение небольшого периода после такого нарушения давностный владелец обратится в суд за судебной защитой (п. 4 ст. 234 и ст. 301, 305 ГК РФ).

Прерывание срока давностного владения может иметь место при утрате владимой вещи, ее насильственным отобрании другими лицами (не собственником) и т. п. В этих случаях владелец может предъявить к неправомерно действующим лицам владельческий иск, предусмотренный п. 4 ст. 234 и ст. 301, 305 ГК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ разъяснил, что давностное владение признается непрерывным, если оно не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности. В случае удовлетворения иска давностного владельца об истребовании имущества из чужого незаконного владения имевшая место ранее временная утрата им владения спорным имуществом перерывом давностного владения не считается. Передача давностным владельцем имущества во временное владение другого лица не прерывает давностного владения. Не наступает перерыв давностного владения также в том случае, если новый владелец имущества является сингулярным или универсальным правопреемником предыдущего владельца (п. 3 ст. 234 ГК РФ). [9]

Поэтому основания прерывания приобретательной и исковой давности, не следует смешивать, так как ранее уже отмечалось имеет место различия этих понятий по их правовой природе. Предъявление иска со стороны собственника является бесспорным основанием и поэтому не нарушает непрерывность владения. Вероятное совпадение оснований прерывания исковой и приобретательной давности возможно лишь в случае установления единого и одновременно действующего срока давностного владения и исковой давности.

Проект Концепции развития законодательства о вещном праве предлагает исключить из ст. 234 ГК РФ пункт 4, предусматривающий предшествующее давностному сроку течение срока исковой давности, и ввести од-

новременное течение обоих видов указанных сроков (п. 3.11).

Реализация такого предложения позволит устранить неопределенность правового статуса собственника, давностного владельца и правового режима владеемого имущества в период после истечения трехлетнего срока исковой давности, но до истечения предусмотренного законом срока давностного владения, когда собственник теряет право собственности на свое имущество, а давностный владелец еще не приобретает право собственности на это имущество ввиду неистечения всего срока давностного владения. Еще в 1940 г. Б.Б. Черепахин предлагал уравнивать срок приобретательной давности со сроком исковой давности. [10]

Течение давностного срока может быть приостановлено. Приостановление течения давностного срока — это способ изменения порядка его исчисления, при котором в период действия обстоятельства, являющегося в силу закона основанием для приостановления срока, течение последнего как бы «замирает», т.е. срок какое-то время не течет, но и не прекращается, а возобновляется после отпадения основания приостановления. [11]

Согласно Гражданскому законодательству Российской Федерации течение давностного срока владеемой вещью начинается не с момента фактического завладения вещью, а с момента истечения срока исковой давности: в соответствии с п. 4 ст. 234 ГК РФ давностному владению должен предшествовать срок исковой давности по соответствующему требованию и только после истечения этого срока начинается течение давностного срока. Течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1

ст. 200 ГК РФ). Следовательно, течение срока исковой давности в предусмотренном законом ситуации может начаться со дня фактического овладения чужой вещью (имуществом) как своей собственной. В связи с тем, что истечение срока исковой давности является началом течения давностного срока, предусмотренного законом срока, пропуск срока исковой давности может привести к отсрочке начала течения срока приобретательной давности.

Пленум Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ сделал следующее по обсуждаемому вопросу разъяснение: «В п. 4 ст. 234 ГК РФ предусмотрено специальное основание для начала течения срока приобретательной давности, которое не ограничено условиями п. 1 указанной статьи. Если основанием для отказа в удовлетворении иска собственника об истребовании имущества из чужого незаконного владения является пропуск срока исковой давности, то с момента его истечения начинает течь срок приобретательной давности в отношении спорного имущества». [9]

Давность владения не может начаться, а если началась, — не может продолжаться, пока исковая давность по иску собственника приостановлена. [10, с. 170]

В силу п. 1 и 3 ст. 234 ГК РФ лицо, ссылающееся на давность владения, может присоединить ко времени своего владения все время, в течение которого этим имуществом владел тот, чьим правопреемником это лицо является.

На наш взгляд, давностное владение прекращается полностью в связи с истечением срока давностного владения и отрицательным судебным решением из-за несоблюдения законных условий владения о непрерывности, открытости и добросовестности владения чужим имуществом как своим собственным.

Литература:

1. Масевич, М. Г. Основание приобретения права собственности на бесхозяйные вещи / Проблемы современного гражданского права // Отв. ред. В. И. Литовкин, В. А. Рахмилович. — М., 2000. — с. 181.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). — М.: Спарк, 1995. — с. 189–190.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий / Отв. ред. Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин, В. П. Мозолин. — М.: БЕК, 1996. — с. 387.
4. Хвостов, В. М. Система римского права. Общая часть. Конспект лекций. — М., 1908. — с. 45.
5. Васильковский, Е. В. Учебник гражданского права. — М.: Статут, 2003 (Классика российской цивилистики). — с. 343.
6. Энгельман, И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. — М.: Статут, 2003 (Классика российской цивилистики). — с. 335–336.
7. Гражданское право. Ч. 1: Учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М., 1997. — с. 344; Воронова Ю. В. Приобретательная давность в гражданском праве Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2007. — с. 80.
8. Рудоквас, А. Д. О непрерывном, открытом и добросовестном давностном владении / Цивилистические исследования. Выпуск первый: Сборник научных трудов памяти профессора И. В. Федорова / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. — М.: Статут, 2004. — с. 153, 166.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 (п. 15).
10. Черепахин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. — М.: Статут, 2001. — с. 165–166.
11. Лебедева, К. Ю. Исчисление гражданско-правовых сроков // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Вып. 2 (2005) // под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. — М.: Статут, 2006. — с. 469.

Основания недействительности отдельных видов завещаний в гражданском праве России и Беларуси

Свиридова Елена Александровна, аспирант
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассмотрены отдельные виды завещаний, предусмотренные гражданским законодательством Российской Федерации и Республики Беларусь. Исследованы наиболее распространенные основания признания недействительными совершенных завещаний. Внесены предложения по совершенствованию института наследования в гражданском праве России и Беларуси.

Ключевые слова: завещание, наследники, недействительность завещания.

Действующее гражданское законодательство, как Российской Федерации, так и Республики Беларусь предоставляет приоритет наследованию по завещанию перед наследованием по закону. Данный факт подтверждается тем, что наследование по закону имеет место, когда оно не изменено завещанием, т.е. завещание отсутствует либо определяет судьбу лишь части имущества наследодателя. Гражданам предоставлена возможность путем совершения завещания распорядиться принадлежащим им на праве собственности имуществом на случай смерти, если они не согласны с порядком, установленным нормами наследования по закону. Также свидетельством приоритета наследования по завещанию перед наследованием по закону является направленность ряда норм гражданского законодательства России и Беларуси на побуждение граждан к совершению завещаний, например, посредством установления и гарантированности законом принципа тайны завещания; установления принципа свободы завещания; снижения размера обязательной доли в наследстве, а также ограничения права на нее; возможностью выбора формы совершения завещания и т.д. [7, с. 67–68]

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), предусматривает несколько видов завещаний. Кроме нотариально удостоверенных (ст. 1025 ГК РФ), допускаются завещания, приравняемые к ним (ст. 1127 ГК РФ), завещания, совершенные в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ), а в статье 1126 ГК РФ содержатся нормы, регулирующие совершение закрытого завещания.

Анализируя Гражданский кодекс Беларуси (далее — ГК РБ), приходим к выводу, что он содержит похожие нормы о нотариальной форме завещания (ст. 1045 ГК РБ), о закрытом завещании (ст. 1046 ГК РБ), а также о завещаниях, приравняемых к нотариально удостоверенным (ст. 1047 ГК РБ). Однако в отличие от российских норм наследственного права, белорусскому законодательству не известно понятие «завещание в чрезвычайных обстоятельствах». По поводу обоснованности этого факта могут существовать различные мнения. Но одно точно — отсутствие возможности совершать подобные завещания, несомненно, ведет к снижению количества недействительных завещаний, проблемы возникновения которых рассмотрим далее.

Как в российском, так и в белорусском наследственном праве существует ряд теоретических и практических проблем, связанных с порядком признания завещания недействительным. Именно это и обусловило необходимость в разработке предложений и рекомендаций в целях совершенствования отдельных положений наследования по завещанию. Также возникает потребность в выявлении законных способов предотвращения недействительности завещаний для обеспечения перехода имущества завещателя к наследникам в соответствии с его волеизъявлением.

Российское гражданское законодательство делит недействительные завещания так же, как и недействительные сделки, на оспоримые и ничтожные. К оспоримым относятся те завещания, недействительность которых должна устанавливаться в судебном порядке. Если подобное завещание в суде не оспорено, оно остается действительным и влечет все предусмотренные законодательством правовые последствия. Ничтожное завещание, в отличие от оспоримого, считается недействительным независимо от признания его таковым судом, соответственно заинтересованные лица вправе относиться к подобному завещанию, как к несуществующему. В данном случае роль суда состоит лишь в том, чтобы выявить и подтвердить недействительность завещания. К сожалению, в правоприменительной практике нередко бывает сложно определить вид недействительного завещания, однако тщательное исследование имеющихся доказательств и сопоставление обстоятельств не оставит вопросов при решении данной проблемы [4, с. 92–95].

Гражданское законодательство Беларуси, в отличие от российского, не содержит подобного деления недействительных завещаний на оспоримые и ничтожные, что, вероятно, вносит некоторые сложности в правоприменительный процесс. Ведь факт ничтожности или оспоримости завещания имеет значение лишь для применения судами последствий недействительности завещания. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в случае ничтожности указанные последствия могут применяться самим нотариусом, а в случае признания оспоримого за-

вещания, проблемы возникновения которых рассмотрим далее.

вещания недействительным — нотариусом либо судом на основании судебного решения [3, с. 89—92]. Думается, что имеет смысл внести в п. 1 ст. 1052 ГК РБ дополнения следующего содержания: «Завещание может быть признано недействительным по основаниям, установленным настоящим Кодексом или иными законодательными актами, в силу признания его таковым судом (оспоримое завещание) либо независимо от такого признания (ничтожное завещание)».

Как было отмечено, основным видом завещаний является нотариально удостоверенное завещание, так как на сегодняшний день это наиболее распространенная форма закрепления посмертной воли граждан. Порядок его совершения регламентирован статьями 1125 ГК РФ и 1045 ГК РБ. Анализируя основания признания завещания недействительным, следует обратить внимание на проблему несоблюдения требований указанных статей, общий смысл которых сводится к тому, что законодательство устанавливает ряд требований к форме и порядку совершения завещаний, при несоблюдении которых завещание признается недействительным. Российское законодательство требует от завещателя написания завещания лично либо с его слов нотариусом. При этом при написании завещания лично или его записи нотариусом могут быть использованы технические средства (пишущая машинка, компьютер и т.п.). Норма белорусского наследственного права содержит похожее правило, но с некоторым уточнением: при записи завещания нотариусом со слов завещателя необходимо присутствие свидетеля, и только в этом случае могут применяться технические средства. Таким образом, составляя завещание самостоятельно, завещатель обязан записать его собственноручно. Сразу стоит отметить, что несоблюдение перечисленных правил приведет к недействительности завещания.

Как российское, так и белорусское законодательство в случае записи завещания нотариусом обязывает завещателя до подписания завещания полностью прочитать его. Однако ГК РФ предусматривает присутствие при этом только нотариуса, а ГК РБ требует присутствия еще и свидетеля. Следовательно, если завещание было подписано, но не прочитано завещателем, либо прочитано, но свидетель при этом отсутствовал, или в завещании не указаны его фамилия, имя, отчество (только в белорусском законодательстве), завещание может быть признано недействительным.

Согласно п. 2 ст. 1125 ГК РФ и п. 2 ст. 1045 ГК РБ в случаях, когда завещатель не может лично прочитать завещание в силу физических недостатков, болезни или неграмотности, текст для него оглашается нотариусом (ГК РФ) или свидетелем в присутствии нотариуса (ГК РБ). В завещании делается соответствующая запись с указанием причин, в силу которых завещатель не смог самостоятельно прочитать завещание. Нарушение данного порядка ознакомления завещателем с текстом завещания, а также отсутствие в завещании записи о причинах невоз-

можности прочитать завещание лично — причины признания завещания недействительным.

Завещание должно быть подписано завещателем собственноручно. Однако если в силу болезни, физических недостатков или неграмотности завещатель самостоятельно не может подписать завещание, оно по его просьбе подписывается другим гражданином, а в завещании указываются причины отсутствия личной подписи завещателя (3 ст. 1125 ГК РФ и п. 2 ст. 1044 ГК РБ). Соответственно, если в составленном завещании не указаны причины, по которым завещатель не смог подписать его собственноручно, или не указаны фамилия, имя, отчество и место жительства гражданина, подписавшего завещание по просьбе завещателя, в соответствии с документом, удостоверяющим личность этого гражданина, такое завещание может быть признано недействительным. Всякий раз при возникновении наследственного спора самому внимательному исследованию подлежат причины, по которым завещатель не мог подписать завещание лично, для выяснения вопроса о том, не лишила ли завещателя болезнь, препятствовавшая подписанию завещания, возможности выразить свою волю по распоряжению своим имуществом на случай смерти.

Одним из оснований признания как нотариально удостоверенного, так и иных видов завещаний недействительными является присутствие при составлении, подписании, удостоверении завещаний или при передаче завещания нотариусу свидетелей, которые в силу закона не могут являться таковыми. Подобные лица также не могут подписывать завещание вместо завещателя, т.е. быть рукоприкладчиками. Например, если в нарушение п. 2 ст. 1124 ГК РФ либо п. 3 ст. 1044 ГК РБ свидетелем или рукоприкладчиком был сам нотариус, либо лицо, в пользу которого было составлено завещание или сделан завещательный отказ, а также супруг такого лица, его дети и родители (в ГК РБ еще и внуки, правнуки такого лица, а также иные наследники по завещанию или по закону), либо граждане, не обладающие дееспособностью в полном объеме, либо неграмотные, либо граждане с такими физическими недостатками, которые явно не позволяют им в полной мере осознавать существо происходящего, либо лица, которые не владеют в достаточной степени языком (исключение — принятие закрытого завещания), имеются все основания для признания такого завещания недействительным. Стоит отметить, что гражданское законодательство Беларуси к числу лиц, не имеющих права быть свидетелями или рукоприкладчиками, относит и граждан, имеющих судимость за дачу ложных показаний. Соглашаясь с подобной нормой, хотелось бы ею дополнить российское гражданское право, а именно п. 2 ст. 1124 ГК РФ.

Еще одним из видов завещаний, правом составления которых обладают граждане России и Беларуси, является закрытое завещание. В соответствии со ст. 1126 ГК РФ и ст. 1046 ГК РБ завещатель может совершить завещание без ознакомления с его содержанием нотариусом. Так как закрытое завещание должно быть собственноручно

написано и подписано завещателем, несоблюдение этих требований влечет недействительность такого завещания. Подтвердить или опровергнуть факт написания или подписания текста завещания лично наследодателем можно только в судебном порядке (должна быть назначена подчёрковедческая экспертиза) [4, с. 11].

Закрытое завещание предполагает более строгие требования к процедуре совершения завещания. Например, при составлении закрытого завещания нельзя использовать технические средства (пишущую машинку, компьютер и пр.), также завещатель не вправе обратиться за помощью к рукоприкладчику или переводчику. Несоблюдение этих требований закона влечет недействительность подобных завещаний. Первый этап составления закрытого завещания состоит в его собственноручном написании и подписании завещателем, второй — в помещении текста завещания в конверт до обращения к нотариусу, третий — в передаче документа нотариусу на хранение в присутствии двух свидетелей, которые в присутствии нотариуса ставят на конверте свои подписи. Если завещателем предоставлен конверт с заранее проставленными подписями свидетелей, нотариус отказывает в его приеме [8, с. 55]. Конверт, подписанный свидетелями (в ГК РБ — и завещателем), запечатывается в их присутствии нотариусом в другой конверт, на котором нотариус делает надпись, содержащую сведения о завещателе, о месте и дате принятия закрытого завещания, о фамилии, имени, отчестве и месте жительства каждого свидетеля. Нотариус обязан разъяснить завещателю нормы законодательства об обязательной доле в наследстве, а также сделать об этом соответствующую надпись на втором конверте (только в ГК РФ) и информировать завещателя о том, что несоблюдение правил о собственноручно написанном и подписанном завещании приведет к его недействительности. Несоблюдение хотя бы одного из перечисленных правил влечет недействительность закрытого завещания.

Еще одним видом завещаний, предусмотренных российским законодательством, является завещание, совершенное в чрезвычайных обстоятельствах. Согласно ст. 1129 ГК РФ в случае нахождения гражданина в положении, явно угрожающем его жизни, в силу чего он не имеет возможности составить завещание в иной, предусмотренной законом форме, он может составить его в простой письменной форме. Подобное завещание должно быть собственноручно написано и подписано завещателем в присутствии двух свидетелей. Не смотря на то, что в законе

нет прямого требования о подписании завещания свидетелями, логика требует, чтобы в составленном документе были обозначены фамилии и хотя бы инициалы свидетелей для того, чтобы впоследствии их можно было идентифицировать. Своей подписью на завещании свидетели лишь подтверждают тот факт, что они присутствовали при составлении завещания [3, с. 15].

Однако некоторые проблемы в правоприменительной практике могут возникнуть, например, если свидетели, не записавшие в завещании свои данные, скончались одновременно с наследодателем. В этом случае будет отсутствовать подтверждение того, что, во-первых, имелись чрезвычайные обстоятельства, во-вторых, завещатель в их присутствии собственноручно, без постороннего давления, написал и подписал завещание. На основании изложенного предлагается внести в п. 1 ст. 1129 ГК РФ дополнение следующего содержания: «Свидетели подписывают завещание вместе с завещателем, а также указывают на завещании свои фамилию, имя, отчество и место жительства каждого из них».

Учитывая тот факт, что понятие «чрезвычайные обстоятельства» не нашло своего закрепления в гражданском законодательстве, их наличие или отсутствие в каждом конкретном случае должно устанавливаться судом. Существует ряд оснований признания данного вида завещаний недействительным, например, если хотя бы одно лицо, являющееся свидетелем составления завещания в чрезвычайных обстоятельствах недееспособно, либо неграмотно, либо не владеет в достаточной степени языком, на котором составлено завещание и пр. Также ряд вопросов может возникнуть и к состоянию самого завещателя в момент совершения завещания: обладал ли он полным объемом дееспособности и мог ли в достаточной степени отдавать отчет своим действиям. Данный факт вряд ли смогут подтвердить свидетели в силу отсутствия у них необходимых специальных знаний. Гражданскому кодексу Беларуси не известен данный вид завещаний. С одной стороны, это положительный факт — судебная практика меньше знает дел о признании завещаний недействительными, с другой стороны, отрицательный — право граждан на распоряжение своим имуществом на случай смерти некоторым образом ограничено.

Разумеется, исчерпывающего перечня оснований недействительности завещаний привести невозможно, недействительными могут быть признаны завещания, которые были совершены с нарушением иных норм законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года №218–3//Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1999 г., №7–9, ст. 101.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. №146-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 03.12.2001. №49. Ст. 4552.
3. Абраменков, М. С. Формальная действительность завещания/Наследственное право. — 2013. — №4. — с. 10–16.

4. Долганова, И. В. Критерии разграничения дел о недействительности ничтожного и оспоримого завещаний/Наследственное право — 2013. — №3. — с. 10–13.
5. Кафарова, Е. С. Недействительность завещания в гражданском праве Республики Беларусь/Юридический журнал. — 2009. — №4. — с. 89–92.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий/Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев и др.; под ред. А. П. Сергеева. — Москва: Проспект, 2011. — 392 с.
7. Наследственное право в нотариальной практике: комментарии (ГК РФ, ч. 3, разд. V), метод. рекомендации, образцы док., нормативные акты, судеб. практика: практ. пособие/Т. И. Зайцева, П. В. Крашенинников; Федер. нотар. палата России. Центр нотар. исслед. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 800 с.
8. Шеховцов, А. В. Закрытое завещание/Нотариальный вестник. — 2010. — №3. — с. 54–60.

Социально-экономические детерминанты правонарушений в сфере компьютерных технологий

Талипов Руслан Ринатович, магистрант
Челябинский государственный университет

Проблема информационной безопасности возникла достаточно давно и имеет глубокие исторические корни. До сравнительно недавнего времени методы защиты информации были в исключительной компетенции спецслужб, обеспечивающих безопасность страны. Однако новые технологии измерения, передачи, обработки и хранения информации значительно расширили сферы деятельности людей, нуждающихся в защите информации, привели к развитию и распространению новых методов несанкционированного доступа к информации и, как следствие, к интенсивному развитию нового научного направления — «информационная безопасность». Все это связано, прежде всего, с появлением систем обработки данных на базе компьютеров, а также с бурным развитием систем передачи данных. В информационном обществе резко увеличивается число компьютерных преступлений и их доля в общем числе преступлений. Социологи в качестве одной из актуальных проблем российской социальной действительности выделяют проблему криминального барьера. «Капиллярная криминализация всех сфер жизни общества привела к тому, что практически исчезают предметные области социологических исследований, где нет угрозы столкнуться с криминалом» [5]. Для современной российской преступности характерны опасные тенденции сращивания традиционной преступности с так называемой «беловоротничковой» — экономической, и распространения относительно новых правонарушений в сфере информационных технологий. Эти правонарушения нам представляется возможным определить как все противоправные и социально-вредные формы поведения, которые осуществляются с использованием средств вычислительной техники, средств телекоммуникаций и систем связи.

Как следствие, возросли динамизм совершаемых преступлений, мобильность и техническая оснащенность

преступников. Для подготовки, совершения и сокрытия следов противоправных действий организованные преступные группы и отдельные правонарушители применяют различные средства радиосвязи, космической радионавигации, электронно-вычислительные машины (ЭВМ), технические средства радиомониторинга, а также технические устройства и приспособления, относящиеся к разряду специальных технических средств, право применения которых принадлежит только субъектам оперативно-розыскной деятельности. Появились новые виды преступлений — использование ЭВМ для присвоения собственности, хищение математического и программного обеспечения и программ из автоматизированных систем, шантаж с помощью ЭВМ. Образовалась и новая социальная группа их носителей, которая до сих пор не является предметом детального исследования социологов [8, с. 14].

Эксперты полагают, что хотя в России распространение современных ЭВМ не достигло уровня передовых западных и азиатских стран, по прогнозам аналитиков Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД России в ближайшем будущем увеличится количество криминальных структур, использующих для достижения своих целей последние достижения науки и техники и специализирующихся, в частности, на подделке различных ценных бумаг, компьютерном мошенничестве. Потери могут быть огромными. Имелись покушения на компьютерные хищения на \$ 500000, 70 млрд. руб. и многие другие, произошли хищения на несколько десятков миллионов рублей. Очень большие компьютерные хищения происходят из банков по фиктивным документам. Большинство банковских хищений остаются безнаказанными, поскольку банки обычно не заинтересованы в проведении следствия, опасаясь потери репутации и неизбежного раскрытия банковской тайны [6, с. 68].

Таким образом, с точки зрения юриспруденции, информационные технологии являются не только инструментом практической деятельности эксперта, следователя и других оперативных работников органов внутренних дел, иных специальных государственных служб, но являются объектами правоотношений и предметом изучения отраслевых правовых наук. На современном этапе формирования информационного законодательства перед юристами стоит задача осуществить правовое регулирование новых общественных отношений, складывающихся по поводу таких объектов, как «информационные ресурсы», «информационные системы», «информационные технологии», «компьютерные сети», «правонарушения в сфере компьютерных технологий». Для объективного регулирования необходимо понимание сущности данных информационных объектов, их особенностей и принципов функционирования, всего того, что уже построено и обосновано в теории информатики и правовой информатике. Под компьютерными правонарушениями понимаются предусмотренные законом общественно-опасные деяния с использованием компьютерной техники. С компьютерными преступлениями тесно связана информационная безопасность [7, с. 57].

Можно выделить некоторые детерминанты незаконных действий в сфере информационных технологий. Во-первых, определенного рода провокацию правонарушений в исследуемой сфере вызвал стремительный рост емкости внешних запоминающих устройств и высокая эффективность их использования в системах автоматизированного управления, что привело к созданию баз данных колоссальной емкости и высокой стоимости, одновременно создавая проблемы их защиты как от разнообразных случайностей, так и от несанкционированного доступа: на сегодняшний день компьютерные базы данных, локальные и доступные во внешних сетях, составляют техническую основу органов управления государственной

власти, промышленных предприятий и научно-исследовательских организаций, учреждений кредитно-финансовой сферы, банков [6, с. 79]. К преступному вмешательству в работу компьютера относится: 1) несанкционированный доступ к компьютерной информации в корыстных целях; 2) разработка и распространение «компьютерных вирусов»; 3) халатная небрежность при разработке и эксплуатации программного обеспечения; 4) подделка и фальсификация компьютерной информации; 5) хищение программного обеспечения; 6) несанкционированное копирование, модификация, уничтожение информации [2, 6].

Указанные способы проникновения и нарушения работы компьютерных сетей осуществляются, как правило, в корыстных целях (экономические преступления (мошенничество; хищение программ, услуг, компьютерного времени; экономический шпионаж)); в целях вторжения в сферу личных прав (сбор компрометирующих данных о лицах; разглашение банковской, врачебной и другой частной информации; получение данных о доходах или расходах); нанесения вреда интересам общества и государства (ущерб обороноспособности, фальсификация результатов голосования) [6, с. 81]. Расширение потенциала использования информационных носителей во всех сферах общественной деятельности и частной жизни социума и человека способствует дифференциации, усложнению и экспансии картины правонарушений.

Выявление комплекса факторов, детерминирующих преступления в сфере компьютерных технологий, позволяет объективно и научно-обоснованно определить меры, обеспечивающие предупреждение и всестороннюю защиту информационных систем и процессов. При этом актуальной остается проблема определения экономического, материального ущерба, морального вреда, возникших вследствие правонарушения в сфере компьютерных технологий.

Литература:

1. Рожков, А. В. «Безопасность информационного пространства», ЮУрГУ, Челябинск, 2009. С 10—59
2. Стрельцов, А. А. «Обеспечение информационной безопасности», М.: 2002, с. 181—184
3. Субботин, А. А. Субъект ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. // Советская юстиция. 1992. N 12. с. 25—32.
4. Тебряев, А. А. О понятии источника повышенной опасности. // Юрист. 2009, N 3. с. 13—34.
5. Константиновский, Д. Л. Итоговый аналитический отчет по результатам реализации проектов по социологии вузов-участников инновационного проекта развития образования, конференция «Социально-экономическое образование: состояние и перспективы» по итогам программ НФПК «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах» и «Поддержка академических инициатив в области социально-экономических наук» [Электронный ресурс] // <http://www.pandia.ru/text/77/191/19719.php> (Дата обращения 30.06.2014)
6. Сибирский, В. К. Правовая информатика/М.: Издательство: МИЭМП, 2010. 134 с.
7. Чубукова, С. Г., Элькин В. Д. «Основы правовой информатики» (юридические и математические вопросы информатики): Учебное пособие/Под ред. доктора юридических наук, профессора М. М. Рассолова. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2004.
8. Юренков, О. Г. Социальные детерминанты правонарушений в сфере информационных технологий: социологический анализ: Дис.... канд. социол. наук: 22.00.04: СПб., 2004 183 с. РГБ ОД, 61:05—22/161

Аналогия в гражданском процессе

Чурсина Людмила Юрьевна, помощник судьи
Междуреченский городской суд Кемеровской области

Аналогия (греч. *analogia* — сходство, подобие) — это решение дела, имеющего юридическую значимость на основании: 1) общих начал и принципов права; 2) нормы права, регулирующей сходные по содержанию общественные отношения.

Аналогия закона (и права) направлена на восполнение пробелов в праве. [11]

В данной статье рассматривается принцип осуществления правосудия гражданского процесса в Российской Федерации — аналогии, который был первоначально предусмотрен в ГПК РСФСР [2] в части 5 статьи 1 с 2000 г. (в ред. Федерального закона от 07.08.2000 N 120-ФЗ [3]), затем в нынешнем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [4], закрепленный в пункте 4 статьи 1, гласящей: «В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи (далее также — суд) применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)».

ГПК РФ предусматривает аналогию закона и аналогию права. Принципы осуществления правосудия в Российской Федерации, применяемые с аналогией права раскрываются в Конституции Российской Федерации, Федеральном конституционном законе о судебной системе и в самом ГПК РФ.

Аналогия в гражданском процессе не только является «помощником» судьи для разрешения той или иной ситуации, не освещенной и не охваченной в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, но и закрепляет такой важный принцип судебной власти, как самостоятельность.

При отсутствии нормы, регулирующей те или иные отношений, самой аналогии, судопроизводство может подойти к такой стадии, как невозможности рассмотрения дела, невозможности защиты нарушенных прав граждан, обратившихся в суды, и как следствие, ограничению или нарушению конституционных прав. Ведь, согласно основам гражданского процесса, деятельность суда должна заключаться в даче правовой оценки заявленным требованиям лица, обратившегося за судебной защитой, и в создании необходимых условий для объективного и полного рассмотрения дела, что изложено в Апелляционном определении Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 09.04.2014 по делу N 33–641/2014, согласно которому: «Суд при поступлении заявления от ответчика о признании иска, обязан рассмотреть данное заявление и, в случае если такое признание не противоречит закону

и (или) не нарушает права и законные интересы других лиц, принять его и удовлетворить такой иск» [5].

При применении аналогии суды не подменяют своими действиями законодателя и не создают новых норм, они действуют в рамках действующего закона. Пунктом «о» ст. 71 Конституции РФ [1] предусмотрено, что судопростройство и гражданское процессуальное законодательство отнесено к ведению Российской Федерации, и субъекты РФ, суды не имеют права принимать нормативные акты. В связи с тем, что законодателью невозможно предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть в ходе рассмотрения дел, а также категории дел, возникающие в судах, суды самостоятельно прибегают именно к ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и применяют аналогию на практике.

Ярким примером могут послужить такие ситуации, не предусмотренные процессуальным законодательством, как исправление описки в судебном приказе (ст. 220 [4]); оставление без рассмотрения заявления о выдаче дубликата исполнительного листа (ст. 430 [4]); оставление без движения заявления о вынесении судебного приказа (л. д. 123 [4]); возврат или оставление без движения встречного искового заявления (ст. 138 [4]); возврат апелляционных жалоб, представлений, поданных на судебные постановления, не подлежащих обжалованию в порядке апелляционного производства (ст. 244.10 [4]); выдача исполнительного листа по неисполненному мировому соглашению, утвержденному судом (л. д. 428 [4]).

Ситуации на практике бывают настолько разнообразными, что описать все не представляется возможным. Ведь в некоторых случаях такие ситуации возникают из-за отсутствия правовой осведомленности, неправильного трактования какой-либо нормы права самими гражданами, обратившимися в суд. Но порой суд сам выступает «инициатором» данных ситуаций, допуская описки, арифметические ошибки и т. д.

Самой частой в практике судов является ситуация, связанная с исправлением описок, ошибок в процессуальных актах (определениях, решениях, дополнительных решениях).

К примеру, судом вынесен судебный приказ о взыскании алиментов с гражданина на содержание несовершеннолетнего ребенка. При написании судебного приказа в вводной и описательной частях приказа судом допущена описка: вместо инициалов взыскателя М. М., указаны И. М., а в резолютивной части приказа имя заявительницы ошибочно указано как Ирина вместо Марина.

Для устранения указанной описки суд в соответствии с ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, с учетом ст. 200 ГПК РФ может по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих

в деле, исправить допущенные в судебном приказе суда опiski или явные арифметические ошибки, о чем выносит мотивированное определение.

Вторым примером может послужить оставление заявления без рассмотрения ввиду вторичной неявки в судебное заседание заявителя, обратившегося в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа, вследствие неисполнения ответчиком мирового соглашения, утвержденного определением суда. В связи с тем, что процессуально данные действия суда в ГПК РФ никак не закреплены, суд вынужден вновь обращаться к ч. 4 ст. 1 ГПК РФ и уже с учетом соответствующего пункта ст. 222 ГПК РФ [4] оставить заявление без рассмотрения.

Аналогичное определение суда будет вынесено по заявлению лица, обратившегося в суд с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа ввиду вторичной неявки самого заявителя либо вторичной неявки сторон (заявителя и заинтересованного лица) в судебное заседание.

Судам часто приходится прибегать к данной норме как при принятии заявления к своему производству, так и при уже рассмотренном деле с итоговым постановлением суда. В некоторых случаях суды не ссылаются на норму Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, содержащую принцип аналогии, но, тем не менее, в их процессуальных актах подразумевается именно аналогия.

Если лицо обращается в суд с ходатайством о взыскании заработной платы или о признании приказа о наложении дисциплинарного взыскания незаконным, и лицом, его подавшим, соблюдены требования ст. 131, 132 Гражданского процессуального кодекса РФ [4] и суд учитывает нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не имеет права оставить данное ходатайство без движения и, применяя аналогию права, принимает данное ходатайство к своему производству, возбуждая гражданское дело, т. к. основания в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации для оставления без движения, возврата, ввиду неправильного наименования фактически искового заявления, отсутствуют. В данном случае суды при принятии ходатайства к своему производству и возбуждении гражданского дела не ссылаются на ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, и нарушением процессуального права это не является.

Аналогичная ситуация может быть и с жалобами, поступающими в суд на определения или решения судов, которые не именуются лицами, их подавшими, как частными, так апелляционными. В случае соответствия данных жалоб требованиям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд обязан принять их (частные или апелляционные) и направить их вместе с делами в вышестоящую инстанцию.

Необходимо учитывать, что аналогия применяется только в том случае, если нет прямого регулирования конкретных отношений или конкретных норм, что подтвер-

ждается правовой позицией, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 г. N 23 «О судебном решении», согласно которому решение является законным в том случае, когда оно вынесено при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК Российской Федерации) [6].

Следующим ярким примером применения аналогии судами является такая ситуация: в случае подачи апелляционной жалобы или представления на судебный акт, не подлежащий обжалованию в порядке апелляционного производства, судья на основании части 4 статьи 1, пункта 2 части 1 статьи 135 и статьи 324 ГПК РФ [4] выносит определение о возврате апелляционной жалобы или представления лицам, ее подавшим.

Не менее интересная ситуация возникает при разрешении вопросов об оплате труда адвоката в гражданском процессе. К примеру, вынесение определения об оплате труда адвокату, назначенному судом на основании со ст. 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, кодексом не регламентировано. Для разрешения данной ситуации суды вынуждены применять аналогию с уголовным процессом и, ссылаясь на Постановление Правительства РФ от 22.07.2008 N 555 [7], выносить определение об оплате труда адвоката в гражданском процессе. Данная позиция изложена в Апелляционном определении суда Ненецкого автономного округа от 16.10.2012 по делу N 33–147/2012 г.

В Апелляционном определении Орловского областного суда от 30.10.2013 по делу N 33 [8] имеется похожая ситуация: с учетом вышеприведенных норм федерального законодательства, при разрешении вопроса об оплате услуг адвоката за обязательное представительство интересов ответчика в гражданском процессе, в связи с отсутствием специальных правовых норм необходимо применение по аналогии положений, регламентирующих порядок оплаты труда адвоката по назначению в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с п. 23 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 N 1240 [9], размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению, за один рабочий день составляет не менее 550 рублей и не более 1200 рублей.

Однако в этой же правовой норме указано, что при определении размера вознаграждения адвоката учитывается сложность уголовного дела: подсудность, количество и тяжесть вменяемых преступлений, количество подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), объем материалов дела и другие обстоятельства.

Подводя итоги, следует отметить, что, исходя из принципов единства судебной системы, допустимости применения аналогии закона и аналогии права, судам общей юрисдикции при разрешении споров можно ссылаться в гражданском процессе даже на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики при отсутствии аналогичных разъяснений Верховного Суда РФ, что закреплено в Апел-

ляционном определении Московского областного суда от 15.05.2012 по делу N 33–10758/2012 [10]. Использование аналогии в процессе дает больше возможностей для рассмотрения дела и вынесения правильных решений.

Далеко не все ситуации, возникающие в судах, были рассмотрены в данной статье, их огромное множество, и перечислить все практически невозможно.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.03.2014, N 9, ст. 851.
2. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 25.07.2002, с изм. от 18.07.2003) // Ведомости ВС РСФСР, 1964, N 24, ст. 407. // редакция от 2002 г. Российская газета — 27.07.2002
3. Федеральный закон от [07.08.2000] N [120-ФЗ] (ред. от 14.11.2002) « [О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР]» // [Собрание законодательства РФ, 14.08.2000, N 33, ст. 3346]
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от [14.11.2002] N [138-ФЗ] (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.05.2014) // [Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532].
5. Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 09.04.2014 по делу N 33–641/2014. // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от [19.12.2003] N [23] « [О судебном решении]» // [Российская газета, N 260, 26.12.2003].
7. Постановление Правительства РФ от [22.07.2008] N [555] (с изм. от 01.12.2012) « [Об индексации размера оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, и размера выплат при оказании адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами]» // [Собрание законодательства РФ, 28.07.2008, N 30 (ч. 2), ст. 3641].
8. Апелляционное определение Орловского областного суда от 30.10.2013 по делу N 33 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
9. Постановление Правительства РФ от [01.12.2012] N [1240] (ред. от 14.05.2013) « [О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации]» (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») // [Российская газета, N 283, 07.12.2012].
10. Апелляционное определение Московского областного суда от 15.05.2012 по делу N 33–10758/2012. // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
11. Большой Энциклопедический словарь. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 18.06.2014).

11. ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Правовая охрана промышленных образцов по законодательству государств — членов ЕврАзЭС

Гончар Татьяна Михайловна, магистр юридических наук, старший преподаватель Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь)

Евразийское экономическое сообщество является международной экономической организацией (далее — ЕврАзЭС), созданной для эффективного продвижения ее участниками процесса формирования Таможенного Союза и Единого экономического пространства, а также реализации других целей и задач, связанных с углублением интеграции в экономической и гуманитарной областях. В состав ЕврАзЭС входят Российская Федерация, Республика Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Основополагающим фактором для нормального функционирования общего рынка является унифицированный подход к определению условий правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. На евразийском пространстве было принято Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности 2010 года (далее — Соглашение) [7]. В данном документе в качестве цели провозглашается создание скоординированной системы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности [7].

Обращаясь к нормам Соглашения, которые регулируют сферу патентных прав, можно указать, что в них закрепляется возможность получения патента на промышленный образец по национальной процедуре [7]. Стоит отметить, что данный документ не содержит нормы, в которых были бы прописаны другие ключевые аспекты правовой охраны промышленных образцов. В частности, Соглашение не отражает единого подхода к понятию промышленного образца, не регулирует вопросы приоритета промышленного образца, условия его патентоспособности, правила экспертизы заявки на промышленный образец, и ряд других.

Такая ситуация свидетельствует о том, что Соглашение не решает вопросы унифицированной охраны прав на промышленные образцы и не содержит конкретных мероприятий по гармонизации действующих национальных законодательств в этой сфере.

На территории государств-участников СНГ был принят Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ от 07.04.2010 г. (далее — Модельный кодекс) [2]. Примечательно, что Модельный кодекс затрагивает более широкий перечень вопросов

правовой охраны промышленных образцов по сравнению с Соглашением. В тоже время кодекс не лишен недостатков, поскольку значительных успехов в области гармонизации национального законодательства указанный документ не отражает. Также ряд базовых вопросов в области охраны промышленных образцов остается вне его содержания [2].

Правовую охрану промышленных образцов на территории государств евразийского региона можно получить путем подачи заявки в национальное ведомство интеллектуальной собственности. Но действующее законодательство государств-участников ЕврАзЭС, закрепляющее условия получения патента на промышленный образец, существенным образом отличается.

Во-первых, правовое регулирование охраны промышленных образцов на территории стран ЕврАзЭС сводится к разным уровням. Законодательство ряда государств не выделяет промышленные образцы в особый правовой режим и закрепляет патент в качестве основного условия приобретения права на указанный объект промышленной собственности наряду с изобретением, полезной моделью. Однако отличия характерны для Республики Таджикистан, так как условия правовой охраны промышленных образцов регламентированы отдельным документом — Законом «О промышленных образцах» от 28.02.2004 г. № 16 [4].

Во-вторых, отдельные страны ЕврАзЭС (Казахстан) устанавливают наряду с такими условиями патентоспособности промышленных образцов, как новизна и оригинальность, также и промышленную применимость [6].

В-третьих, на территории государств ЕврАзЭС существует разный порядок подачи заявки на промышленный образец. В некоторых странах (РФ [1], Киргизия [5]) в патентных нормах закреплена необходимость представления перечня существенных признаков.

В-четвертых, страны ЕврАзЭС по-разному пошли в решении вопросов, связанных с правилами проведения экспертизы заявки. Так, например, законодательство Киргизии содержит требования по проведению формальной и предварительной экспертизы, а также экспертизы по существу [5]. На территории других го-

сударств (РФ [1], Казахстан [6], Таджикистан [4]) предусматриваются условия проведения формальной экспертизы и экспертизы по существу. В законодательстве Республики Беларусь [3] отсутствуют нормы, содержащие обязательное требование по проведению экспертизы по существу.

В итоге можно отметить, что в законодательстве ЕврАзЭС отсутствуют нормы унифицированного характера, регламентирующие вопросы правовой охраны промышленных образцов. Действующие соглашения в области интеллектуальной собственности не решают ключевых вопросов в анализируемой сфере. В результате назрела необходимость принятия отдельного документа, устанавливающего специальный правовой режим про-

мышленных образцов, а именно — режим промышленного образца Евразийского Сообщества.

Вполне допустимым представляется подписание Конвенции о промышленных образцах Евразийского Сообщества, в рамках которой решались бы вопросы правовой охраны промышленных образцов. С точки зрения содержания указанная конвенция может включать нормы материального характера, а также процедурные нормы получения патента на промышленный образец. Кроме того, потребуется проведение работы по учреждению специального органа (Ведомства регистрации промышленных образцов Евразийского Сообщества), функции которого будут связаны с предоставлением изделиям правовой охраны в качестве промышленных образцов.

Литература:

1. Административный регламент исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на промышленный образец и их рассмотрения, экспертизы и выдачи в установленном порядке патентов РФ на промышленный образец: Приложение к приказу Минобрнауки России от 29.08.2008 г. // Федеральная служба по интеллектуальной собственности РФ [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.rupto.ru/rupto/portal/7bea6e78-fbd2-11e0-e807-8e000200001f>. — Дата доступа: 20.01.2014.
2. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ: Постановление №34-6 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 07.04.2010 г. // [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=58771>. Дата доступа: 20.01.2014.
3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Республики Беларусь от 16.12.2002 г. №160-З // Национальный центр интеллектуальной собственности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.belgospatent.org>. Дата доступа: 20.01.2014.
4. О промышленных образцах: Закон Республики Таджикистан от 28.02.2004 г. // Национальный патентно-информационный центр Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.tjpat.org>. Дата доступа: 20.01.2014.
5. Патентный Закон Кыргызской Республики от 25.07. 2002 г. // Государственная патентная служба Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.kyrgyzpatent.org>. Дата доступа: 20.01.2014.
6. Патентный Закон Казахстана от 16.07.1999 г. №427 // Национальный институт интеллектуальной собственности Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.kazpatent.kz>. Дата доступа: 20.01.2014.
7. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности: Совершено г. Москва, 9 декабря 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2014.

13. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Проблема суррогатного материнства и его юридического закрепления в Российской Федерации

Зайкина Ксения Анатольевна, студент;

Валиева Альбина Рифовна, кандидат политических наук, доцент

Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

В данной статье рассмотрены проблемы юридического закрепления суррогатного материнства в России и общественное мнение граждан Российской Федерации на данное явление, а также приведены статистические данные о рынке суррогатного материнства в России и США. На основе проведенного исследования автором предлагаются некоторые меры по совершенствованию законодательства в области суррогатного материнства.

Все мы знаем, как велико значение семьи в жизни каждого человека и государства, ведь именно в семье складываются основы мировоззрения индивида, формируются его социальные качества. Идеология приоритета семьи закреплена во многих нормативно-правовых актах, т. к. здоровая семья — залог стабильности и процветания любого общества и государства.

Но в последнее время, проблемы, связанные с репродуктивными правами, приобрели особую остроту. Вопрос о суррогатном материнстве является сложным как с моральной точки зрения, так и с правовой.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 19–20 октября 2013 года провел всероссийский опрос о том, как россияне относятся к суррогатному материнству. Статистические данные опроса представлены на рисунке 1 (статистическая погрешность не пре-

вышает 3,4%)

В данном опросе принимали участие 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России [5].

Таким образом, большинство россиян (76%) допускают возможность использования услуг суррогатной матери. При этом 60% респондентов считают возможным прибегнуть к этой мере лишь в том случае, если нет возможности завести детей самостоятельно, а 16% полагают это нормальным в любой ситуации. Пятая часть жителей России (20%) заявила о недопустимости существования суррогатного материнства

С одной стороны зачатие в пробирке превращает детей в товар, а сама сущность материнства приобретает договорную форму. В данном аспекте суррогатное материнство — это рынок, бизнес, коммерция. Но с другой сто-

Рис. 1. Отношение жителей России к суррогатному материнству

роны запрещать суррогатное материнство бессмысленно, т.к. повторится ситуация с абортми, как в некоторых странах: если нельзя легально — их будут делать подпольно, что в итоге приведет к соответствующим последствиям [3].

С каждым годом суррогатное материнство приобретает все большую популярность в России.

Благотворительный фонд содействия реализации репродуктивных прав человека «Формула Рождения» представил результаты сравнительного исследования российского и американского рынка суррогатного материнства (см. Таблицу 1).

Из приведенной статистики можно сделать вывод о том, что применение суррогатного материнства является **исключительным явлением в общественной жизни обеих стран**: на 1 млн. жителей России в 2011 году приходилось 1,97 ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства, в США этот показатель равен 1,23 [1].

Стоит подчеркнуть, что суррогатное материнство в России применяется чаще, чем в признанном мировом центре лечения бесплодия — США: 1,37% циклов суррогатного материнства от общего количества начатых циклов ЭКО в России против 0,62% в США [1].

Несмотря на такую популярность суррогатного материнства, в российском законодательстве существует множество пробелов по поводу отношений между супругами и суррогатной матерью. В связи с этим, 24 ап-

реля в здании Государственной Думы состоялся «круглый стол», посвященный обсуждению правовых вопросов суррогатного материнства в России. Инициатором этой дискуссии стала Елена Мизулина, глава Комитета Государственной Думы по делам семьи, женщин и детей.

Парламентарий считает, что полностью запретить суррогатное материнство в стране невозможно, но необходимо эту сферу сделать подконтрольной обществу и устранить все законодательные пробелы, которые сейчас приводят к нарушению прав как суррогатной матери, так и родившегося ребенка [2].

Россия относится к числу стран, где суррогатное материнство законодательно разрешено. Тем не менее, в законодательстве существуют некоторые пробелы. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на следующий момент: исходя из законодательства и определения суррогатного материнства [6], родителей, желающих воспользоваться услугами суррогатной матери должно быть двое, либо это должна быть одинокая женщина. Таким образом, если рассматривать гендерный аспект, то одинокий мужчина не может воспользоваться услугами суррогатной матери, хотя как такового запрета в законодательстве нет.

Еще одной немаловажной проблемой является то, что лица, согласившиеся на применение метода искусственного оплодотворения, могут быть записаны родителями в книге записей рождения ребенка только с согласия суррогатной матери (ст 51, п. 4 СК РФ) [4]. Если же по ка-

Таблица 1

Российский и американский рынок суррогатного материнства

ДАнные, 2011 г.*	Россия	США
Численность населения, тыс. чел.	142865	313232
Количество бесплодных жителей репродуктивного возраста, тыс. чел. (расчетное)**	8000	15255
Кол-во проведенных циклов ЭКО	53600	141098
Кол-во проведенных циклов ЭКО на 10 тыс. бесплодных граждан репродуктивного возраста	67	92,5
Кол-во начатых циклов суррогатного материнства	733	868
Количество программ СМ по отношению к общему числу циклов ЭКО, %	1,37	0,62
Кол-во детей, рожденных по программам суррогатного материнства, чел.	282	385
Средняя эффективность программы СМ (ТВНР***), %	38,5	44,4
Кол-во детей, рожденных по программам СМ, на 100 тыс. бесплодных жителей репродуктивного возраста	3,5	2,5
Кол-во детей, рожденных по программам СМ, на 1 млн. жителей	1,97	1,23
* По данным переписи России, Российской Ассоциации Репродукции Человека, БФ «Формула Рождения», Society for Assisted Reproductive Technologies, Fertility of Men and Women Aged 15–44 Years in the United States: National Survey of Family Growth, 2006–2010, Fertility, Family Planning, and Reproductive Health of U.S. Women: Data from the 2002 National Survey of Family Growth, The 2006–2010 National Survey of Family Growth		
** Ввиду различий в сборе статистики в России и США, за репродуктивный возраст в России взят 20–44 года, в США 17–44 года. Эти различия не оказывают существенного влияния на полученные результаты		
*** TakeBabyHomeRate, соотношение начатых циклов ЭКО и количества рожденных детей — основной показатель при оценке эффективности ЭКО		

ким-либо причинам суррогатная мать пожелает оставить ребенка у себя, именно она будет записана в качестве его матери. При этом ни в одном нормативно-правовом акте не упоминается о правах и обязанностях, которые в данной ситуации возникают у мужа суррогатной матери. Уже при оформлении договора о выполнении услуг по вынашиванию ребенка, согласие на применение соответствующих процедур спрашивается лишь у женщины, желающей выступить в роли суррогатной матери. Согласие ее мужа при этом не требуется и нигде не закреплено официально.

Таким образом, если суррогатная мать, состоящая в браке, оставляет ребенка себе и регистрирует его на свое имя, отцом данного ребенка автоматически регистрируется ее муж, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В данном случае налицо нарушение прав мужчины, т.к. он мог быть против того, чтобы его жена выступала суррогатной матерью либо не знать об этом, если супруги проживали раздельно. Следовательно, необходимо законодательно закрепить необходимость согласия мужчины на выполнение его женой услуг по вынашиванию ребенка.

Литература:

1. Информационный портал по проблемам бесплодия, вспомогательным репродуктивным технологиям и ЭКО «Пробирка» [Электронный ресурс]/URL: <http://www.probirka.org/newsflash/5855-surrogatnoe-materinstvo-gossiya-versus-ssha.html>
2. Информационная служба surrogacy.ru [Электронный ресурс] URL: http://www.surrogacy.ru/surrogacy_news126.php
3. Сакевич, В. И. Ежедневник Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]/URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0297/reprod01.php>
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ [Электронный ресурс]: (ред. от 25.11.2013 г.) // СПС «Консультант Плюс».
5. Суррогатные матери — героини или изгои? Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)/Пресс-выпуск №2479/Москва, 19 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]/URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114646>
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон РФ от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ: принят Гос. Думой 1 ноября 2011 г.: одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 г.: (ред. от 28.12.2013) // СПС «Консультант Плюс».

Отказ суррогатной матери от передачи ребенка встречается очень часто. Данную проблему можно разрешить только на законодательном уровне, придав юридическую силу договору о суррогатном материнстве.

Договор, заключаемый между суррогатной матерью и супругами, вызывает больше всего вопросов, так как его нормы не всегда позволяют будущим родителям, заключившим договор, быть полностью уверенными в его надлежащем исполнении. В связи с этим, необходимо внести в Семейный кодекс РФ изменения, касающиеся договора о суррогатном материнстве. В данном договоре необходимо четко оговаривать права и обязанности сторон, а также ответственность за невыполнения сторонами своих обязательств, что не менее важно, т.к. здесь затрагиваются интересы не только сторон договора, но и рожденного ребенка. Таким образом, законодательно будут закреплены рамки, без выполнения которых, заключение данного договора будет невозможным.

Из вышесказанного следует сделать вывод о том, что наличие противоречивых мнений о суррогатном материнстве и актуальности проблем в этой области требует совершенствования законодательства.

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения

Ахматов Иван Игоревич, соискатель
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное правоотношение; объект уголовно-процессуального правоотношения; субъект уголовно-процессуального правоотношения; процессуальный интерес.

Уголовно-процессуальное правоотношение представляет собой самостоятельное средство правового регулирования, тесно связанное с другими средствами (например, с нормой уголовно-процессуального права, актами применения права). Конкретное уголовно-процессуальное правоотношение в механизме правового регулирования уголовного судопроизводства возникает при реализации его субъектами специально-юридических и регулятивно-охранительных норм уголовно-процессуального права и представляет собой результат перехода от статической (описательной) модели правового регулирования в модель динамическую, конкретно-правовую. В последней уголовно-процессуальное правоотношение предстает в виде результата реализации нормы уголовно-процессуального права, формы «жизни» уголовного процесса, двусторонней правовой связи субъектов уголовно-процессуального права, носящей властный характер, функционирующей в системе процессуальных взаимодействий, обусловленной уголовно-правовым отношением и направленной на его установление.

Объект уголовно-процессуальных правоотношений позволяет описывать нормативные модели уголовно-процессуальных правоотношений, выделять их источник — общественные потребности, на удовлетворение которых направлены правовые взаимосвязи. Вместе с тем при анализе процессуальных правоотношений между органами государственной власти, должностными лицами и субъектами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, не имеющими властных полномочий, можно выделить не только общественные потребности, призванные к жизни соответствующие процессуальные связи (общий и непосредственный объект), но и обозначить в них процессуальный интерес невластных участников уголовного судопроизводства.

В науке уголовно-процессуального права категория «процессуальный интерес субъекта уголовно-процессуальных правоотношений» неоднократно подвергалась научному анализу, здесь она в большей или меньшей

степени связывалась с категорией «уголовно-процессуальная функция» участника уголовного судопроизводства.

Так, В.М. Савицкий пишет: «Процессуальный интерес отражает законное стремление участника процесса добиться такого судебного решения, которое удовлетворяло бы его материально-правовые притязания. Процессуальный интерес во многом совпадает с процессуальной функцией, хотя и не тождествен ей» [1, с. 96–97].

О более тесной связи процессуального интереса и процессуальной функции говорит Р.Д. Рахунов: «Каждая процессуальная функция определяется процессуальным интересом» [2, с. 61].

Категория «процессуальный интерес» играет немаловажную роль в законотворческой и процессуальной деятельности. Во-первых, процессуальным интересом в законодательном порядке определяется процессуальный статус носителя функции с принадлежащим ему объемом процессуальных прав и обязанностей [3, с. 83]. Во-вторых, процессуальный интерес выступает в виде ориентира при определении законности или незаконности отстаиваемых сторонами частных интересов, которые могут быть проявлены в различного рода ходатайствах (например, потерпевшего и гражданского истца, выступающих в качестве стороны обвинения, или обвиняемого, его защитника, подозреваемого, гражданского ответчика, являющихся носителями функции защиты) [3, с. 83–84].

В.М. Бозров настолько сближает друг с другом категории «процессуальная функция» и «процессуальный интерес», что употребляет понятие «функциональный интерес», определяя его как совокупность «побудительных сил, влияющих на возникновение и развитие процессуальных функций» [3, с. 85]. Автор подразделяет такой интерес на общеспециальный (указывает на правовое предназначение функций вообще, вне зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела) и предметно-специальный (указывает на правовое предназначение функций в процессе производства по конкретному уголовному делу) [3, с. 88–90]. Так, В.М. Бозров замечает,

что общеспециальный интерес — это функциональный интерес, выступающий благодаря статистическому состоянию своеобразным фоном, на котором происходит развитие предметно-специального интереса. Предметно-специальный интерес связан с осуществлением конкретной функции и в отличие от общеспециального находится в состоянии динамики, поскольку лежит в основе реализации функции в связи с производством по уголовному делу. Например, предметно-специальный интерес функции уголовного преследования сводится к установлению и изобличению конкретного лица, совершившего конкретное преступное деяние, функции защиты — направлен на противоборство с конкретным обвинением, судебной функции — связан с реализацией определенной статьи УК» [3, с. 89].

На наш взгляд, процессуальный интерес есть разновидность правового интереса, представляющего собой совокупность идеологических установок субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, обеспечивающих выполнение им процессуальной функции. Наличие таких идеологических установок у определенного субъекта не только признается обществом и государством. Наряду с этим, возможность субъекта реализовать их (установки) в уголовно-процессуальном отношении обеспечена самим действующим правопорядком. Процессуальный интерес есть атрибут (неотъемлемое свойство) уголовно-процессуального правоотношения, которое само по себе динамично, и при котором он (интерес) не может подвергаться анализу в статике, ибо в природе вещей интереса в статике не существует. В связи с этим неправильно представляется различие В.В. Бозровым функционального интереса в статике и динамике, т. к. при таком ходе рассуждения понятие «интерес» утрачивает свое истинное значение. На самом деле, как правильно утверждает Б.И. Додонов, «интерес есть особая психологическая потребность личности в определенных предметах и видах деятельности как источниках желанных переживаний и средствах достижения желанных целей. Такое определение дает, по крайней мере, возможность четко отграничить интересы от других сходных с ними явлений, объяснить и другие их производные особенности. Главные из них — их активность, экспансивность и способность усиленно стимулировать познавательную деятельность...» [4, с. 158]. Иными словами, процессуальный интерес всегда конкретен, связан с субъектом определенного уголовно-процессуального отношения, обусловлен выполняемой им процессуальной функцией.

В частности, интерес подозреваемого, обвиняемого, рассчитывающего на возможное уменьшение срока или размера наказания за совершенное преступление, в частности, учтен законодателем в Гл. 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме». Нормы последней на основании ходатайства лица (подозреваемого), в отношении которого возбуждено уголовное дело (по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в пункте 1 части третьей статьи 150 УПК РФ), расследуемое в форме

дознания при соблюдении условий, приведенных в п. п. 2, 3 ч. 2 ст. 226. 1 УПК РФ, позволяют суду в порядке, установленном ст. 226. 9 УПК РФ, применить дополнительное основание смягчения наказания подсудимому, при котором назначенное наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. В то же время в Гл. 32.1 УПК РФ учтен процессуальный интерес потерпевшего от преступления, настаивающего на производстве дознания в общем порядке и возражающего против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме с применением особого порядка судебного разбирательства. В соответствии с ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ при поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

В связи с этим важно отметить, что реализация процессуального интереса одного невластного участника уголовного судопроизводства в юридических связях с уполномоченными должностными лицами предполагает возможность осуществления встречного процессуального интереса другого невластного участника уголовного судопроизводства, находящегося в однородных процессуальных отношениях с государственным органом или должностным лицом. Только при соблюдении указанного правила в правоприменительной практике (в том числе, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства) возможно движение на пути к идее равенства невластных субъектов перед законом и правоприменителем, которая является фундаментом состязательности в уголовном судопроизводстве. Единственное исключение из указанного правила приведено в фундаментальном нормоположении ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом указанное конституционное установление выступает правовой основой построения норм уголовно-процессуального законодательства. Например, институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: несогласие потерпевшего относительно рассмотрения судом уголовного дела в особом порядке в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудни-

честве, не является безусловным основанием к рассмотрению данного уголовного дела в общем порядке.

На досудебных стадиях уголовного судопроизводства в процессуальных отношениях с невластными субъектами органы предварительного расследования в полном объеме выполняют функцию уголовного преследования, в которую, наряду с обвинительной деятельностью, включается, в частности, собирание оправдательных доказательств и их оценка в совокупности с имеющимися доказательствами, обеспечение охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем на досудебных стадиях уголовного судопроизводства прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, выполняет функцию обвинения в суде.

Мы полагаем, что подходы, связанные с установлением количественного и качественного равенства процессуальных возможностей должностных лиц и невластных участников уголовного судопроизводства в юридических отношениях (в том числе на досудебных стадиях уголовного процесса), не приводят к решению проблемы применения принципа состязательности в ходе предварительного расследования и не раскрывают механизм реализации процессуального интереса участника уголовно-процессуальных правоотношений во взаимоотношениях с властными субъектами. Неравенство процессуальных возможностей органов государственной власти и должностных лиц в процессуальных отношениях с субъектами, не наделенными властными полномочиями, не означает отсутствие равноправия и состязательности. Между тем, создание властными субъектами равных условий для реализации процессуального интереса невластными участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения на досудебных стадиях уголовного процесса является обязательным элементом состязательности, предопределяющим его развитие в процессуальных отношениях на судебных стадиях уголовного судопроизводства. Условия и порядок реализации процессуального интереса невластного субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, наряду с принадлежащими им правами, должны заблаговременно разъясняться и обеспечиваться государственными органами и должностными лицами, осуществляющими властные полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

Однако содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не убеждает в том, что невластные участники уголовно-процессуальных правоотношений, имея соответствующий юридический интерес в процессуальных отношениях с должностными лицами органов государственной власти, во всех случаях своевременно получают от них разъяснения условий и порядка реализации процессуального интереса.

Одно дело, если фундаментальное правовое положение ст. 11 УПК РФ развивается в нормах действующего УПК РФ, конкретизируются в правоинтерпретационных актах судебных инстанций (например, ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ —

разъяснение дознавателем права подозреваемого ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме до начала первого допроса). Другое дело, когда момент разъяснения прав и обязанностей, порядка реализации правового интереса участников уголовного судопроизводства в конкретной правовой ситуации не указывается ни в процессуальном законе, ни в праворазъяснительных актах высших судебных инстанций. Приведем в качестве примера нормы Главы 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», диспозиции которых вообще не устанавливают промежуток времени, в течение которого властный субъект уголовного процесса обязан разъяснить лицу его права и обязанности, порядок и последствия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (условия реализации правового интереса подозреваемого, обвиняемого). Кроме того, никаких уточнений на этот счет не дает Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» от 28 июня 2012 г. № 16. В таком случае важно не только закреплять в законе конкретные способы реализации процессуального интереса потенциальных участников уголовно-процессуальных правоотношений, не обладающих властными полномочиями, и правила о разъяснении им этих способов в рамках конкретных процессуальных институтов, но и дополнить саму норму-принцип, содержащуюся в ч. 1 ст. 11 УПК РФ.

Мы предлагаем изложить ч. 1 ст. 11 УПК РФ в следующей редакции:

«Статья 11. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

1. Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны заблаговременно разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, другим участникам уголовного судопроизводства их права, условия и порядок осуществления их законных интересов, обязанности и ответственность, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав и законных интересов. Такое разъяснение считается заблаговременным, если после его производства у лица имеется достаточно времени для подготовки к участию в процессуальных действиях».

При этом отступление властных субъектов от критерия заблаговременности должно рассматриваться как незаконное препятствие на пути к осуществлению процессуального интереса невластных субъектов и служить законным основанием (ч. 1 ст. 123 УПК РФ) к обращению последних с жалобой в компетентные юрисдикционные органы (суд, прокурор, руководитель следственного органа) на бездействие соответствующих государственных органов и должностных лиц.

В уголовно-процессуальных правоотношениях с невластными субъектами органы предварительного расследования, прокурор и суд также имеют процессуальный

интерес. Однако в отличие от личного интереса субъектов, не наделенных властными полномочиями, уполномоченные органы государственной власти и должностные лица обязательно реализуют публичный интерес, обусловленный функциями уголовного преследования и разрешения юридического (уголовного) дела. Если для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений наличие процессуального интереса у невластного участника в ряде случаев необязательно (например, возбуждение уголовного дела руководителем следственного органа, следователем, а также с согласия прокурора дознавателем о преступлении при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы на основании ч. 4 ст. 20 УПК РФ), то наличие публичного процессуального интереса у органа предварительного расследования, прокурора и суда в процессуальных связях с невластными участниками во всех случаях необходимо.

На наш взгляд, публичный процессуальный интерес должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры, суда, осуществляющих производство по уголовному делу, обусловлен властным характером уголовно-процессуальных отношений и сводится к законному и обоснованному применению норм уголовного и уголовно-процессуального права, выполнению назначения уголовного судопроизводства. На таком основании нельзя не согласиться с мнением В.М. Бозрова о том, что в основе распорядительного руководства суда лежит интерес права, который сводится к «заботе о правильной реализации норм уголовного закона в отношении подсудимого, причем обязательно в условиях высокой общей и профессиональной культуры судебного разбирательства с соблюдением требований судебной этики и пониманием процессуальных интересов сторон» [3, с. 94]. Мы считаем, что интересы права осуществляют, наряду с судом, также дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор. В обязанности последних входит не только обеспечение реализации личных процессуальных интересов невластных субъектов, но и предупреждение (предотвращение, пресечение) осуществления этими субъектами незаконных интересов. Например, согласно ч. 6 ст. 141 УПК РФ заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя; избрание меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемому в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет при его сокрытии от органов предварительного расследования или от суда, нарушении им ранее избранной меры пресечения — п. п. 3, 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. В частности, реализация незаконного интереса лицом, присут-

ствующим в зале судебного заседания, пресекается судом в рамках охранительных уголовно-процессуальных отношений, возникающих на основании правоположений ст. 258 УПК РФ.

Для исследования уголовно-процессуальных правоотношений на уровне правовой категории и в связи с практикой значимо провести их классификацию по критерию наличия или отсутствия у их невластных участников личного процессуального интереса. В связи с этим возможно выделить уголовно-процессуальные правоотношения активного и пассивного типа. Процессуальные взаимосвязи активного типа предполагают наличие в своем составе как носителей публичных (органы предварительного расследования, прокурор суд), так и обладателей личных процессуальных интересов (например, уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие при рассмотрении судом ходатайства обвиняемого-подсудимого о рассмотрении уголовного дела судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей в порядке подготовки дела к судебному заседанию). Здесь невластные участники инициативны, экспансивны (настойчивы). Они выражают свою позицию по уголовному делу либо просьбу обеспечить осуществление процессуальных прав, заявляя властным субъектам подлежащие разрешению ходатайства и жалобы. Думается, что анализ системы таких процессуальных отношений в действительности отображает уровень развития принципа состязательности в судопроизводстве конкретной страны.

Процессуальные правоотношения пассивного типа предполагают наличие в своем составе субъектов-носителей публичных процессуальных интересов — органов предварительного расследования, прокурора и суда, с одной стороны, и невластных субъектов, не имеющих процессуального интереса, но обладающих иным правовым интересом либо вообще не обладающих юридической заинтересованностью, — с другой. В качестве примера таких уголовно-процессуальных отношений приведем процессуальное взаимодействие следователя и свидетеля в ходе допроса, где последний, не обладая личным процессуальным интересом, исполняет процессуальную обязанность, сообщая властному субъекту сведения о каких-либо обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела. Представляется, что в процессуальных отношениях такого вида с властным субъектом находится, например, эксперт. Не исключен, при этом факт наличия у последнего иного правового (непроцессуального) интереса в рамках соответствующих юридических связей (например, получение вознаграждения за исполнение им своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись ими в порядке служебного задания — на основании п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Реализация процессуального интереса невластного участника осуществляется посредством применения норм права властным субъектом в уголовно-процессуальных

правоотношениях и не может быть осложнена ведомственными препятствиями, коренящимися в среде взаимодействия компетентных органов. Процедура осуществления процессуального интереса невластных участников уголовного судопроизводства через правоприменение должна быть, в большей степени, оперативной и доступной, но в меньшей — опосредованной, ступенчатой, инстанционной.

Серьезные препятствия на пути осуществления активных уголовно-процессуальных правоотношений возникают, когда процессуальный статус участвующего в них невластного субъекта недостаточно определен в уголовно-процессуальном законодательстве. Таким субъектом является, например, заявитель, чье сообщение о преступлении принимается, проверяется и разрешается должностными лицами органов дознания и предварительного следствия в порядке, установленном ст. 144, 145 УПК РФ. Одно из немногих указаний на процессуальный статус данного участника уголовно-процессуальных отношений приведено в ч. 6 ст. 141 УПК РФ: заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 144 УПК РФ, заявителю выдается документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия. Обязанность должностных лиц сообщать о принятом решении по результатам проверки сообщения о преступлении и разъяснять заявителю его право обжаловать данное решение и порядок обжалования установлена ч. 2 ст. 145 УПК РФ. Как верно замечает И. В. Жеребятьев, данное лицо вступает в уголовный процесс со стадии возбуждения уголовного дела, следовательно, является полноправным участником уголовного судопроизводства, и его процессуальный статус должен быть четко определен [5, с. 85–86]. При этом четкость и полнота правового статуса участника уголовного процесса — гарантия защиты его прав, свобод и законных интересов в уголовном процессе. «Уголовно-процессу-

альный закон, таким образом, должен четко оговорить правовой статус каждого, кто в том или ином качестве вовлекается в производство по уголовному делу» [5, с. 86]. Правовые нормы, посвященные процессуальному статусу заявителя, раскрывающие его существенные стороны, как видно, находятся в разных статьях Главы 19 УПК РФ (поводы и основание для возбуждения уголовного дела).

С позиции логики и юридической техники мы считаем неправильным включать элементы содержания правового понятия в различные специально-юридические нормы на уровне процессуального закона, не раскрывая содержание такого понятия прежде в законоположениях общего характера. Другими словами, в качестве общего правила, для полноценной реализации личного процессуального интереса субъекта уголовно-процессуальных отношений важно полно закрепить юридические к тому основания (права и обязанности, ответственность этого субъекта) в отдельной статье (общей норме) УПК РФ, что предлагают, например, в рассматриваемом случае (на стадии возбуждения уголовного дела) А. В. Капранов [6, с. 8], П. Г. Марфицин [7]. В связи с этим процессуальный интерес невластного субъекта может быть в полной мере реализован в правовых отношениях тогда, когда его права и обязанности достаточно определены в нормах уголовно-процессуального права.

Таким образом, процессуальный интерес участника уголовно-процессуальных правоотношений есть неотъемлемое свойство (атрибут) конкретных уголовно-процессуальных связей. Личный процессуальный интерес как идеологическая установка участника уголовно-процессуальных отношений, не наделенного властными полномочиями, обеспечивает выполнение процессуальной функции, признается уголовно-процессуальным порядком и всегда является законным. Потому со стороны государственных органов и должностных, осуществляющих уголовное судопроизводство, должен быть своевременно разъяснен порядок реализации такого интереса. Вместе с тем данный порядок должен быть своевременно обеспечен властными субъектами по ходатайству заинтересованного лица.

Литература:

1. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде. — М.: Наука, 1971.
2. Рахунов, Р. Д. Независимость судей в советском уголовном процессе. Правовые вопросы. — М., 1972.
3. Бозров, В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: моногр. — Екатеринбург, 2012.
4. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность. — М., 1978.
5. Жеребятьев, И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: моногр. — Оренбург, 2004.
6. Капранов, А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-н/Д., 2005.
7. Марфицин, П. Г. Об упорядочении правового положения участников стадии возбуждения уголовного дела // Правовые технологии. — <http://www.lawtech.ru/pub/stat11.htm> (дата обращения 23 июня 2014 г.).

Актуальные вопросы начала и окончания жизни по уголовному законодательству России

Бабичев Арсений Георгиевич, кандидат юридических наук, докторант Казанский (Приволжский) федеральный университет

В докладе анализируются вопросы касающиеся юридических и медицинских аспектов начала и окончания жизни, особенностей посредственного убийства, рассматривается законодательство других стран по исследуемой тематике.

Ключевые слова: убийство, начало жизни, новорожденный ребенок, жизнеспособный плод, момент возникновения права на жизнь, прекращение жизнедеятельности, посредственное убийство, самоубийство, конечный момент жизни.

Под убийством законодатель понимает «умышленное причинение смерти другому человеку» (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

«Причинение смерти» можно истолковать как «прекращение жизнедеятельности организма» [6, с. 735], в данном случае «организма человека». Иными словами, убийство имеет место тогда, когда лишают жизни человека — «живое разумное существо, обладающее даром мышления и речи...» [6, с. 879], представляющего собой «живую целостность природного и социального», «единство физиологического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [12, с. 313].

Уголовный закон защищает и новорожденного ребенка, и глубокого старца, и иного живого человека, еще не ставшего личностью или потерявшего способность осознавать себя как личность, быть субъектом сознательной волевой деятельности (например, невменяемого). Даже в тех случаях, когда результатом посягательства на жизнь человека стала постоянная и стойкая психическая болезнь потерпевшего, то есть когда он перестает в результате этого быть личностью, содеянное виновным должно квалифицироваться лишь как покушение на убийство.

Уголовный закон охраняет, в сущности, не сами по себе общественные отношения или интересы личности, социального субъекта — индивидуального носителя социально-значимых качеств и непосредственного обладателя права на жизнь и свободную деятельность в процессе своей жизни, а саму жизнь. Именно жизнь человека, как нечто данное от рождения и еще не отнятое у него смертью, а не право на жизнь, является в первую очередь основным видовым и непосредственным объектом убийства.

В целом, объектом убийства являются и жизнь человека, и его интересы — общественные отношения, возникающие в связи с его жизнедеятельностью. Жизнь человека — самостоятельная социальная, духовная и биологическая ценность, а не только и не столько его субъективное право [1, с. 46–47].

Поскольку объектом убийства является жизнь человека, постольку потерпевшим от него может быть родив-

шийся живым и начавший самостоятельное существование ребенок или живущий, еще не умерший человек. «В момент учинения деяния, — писал Н.С. Таганцев, — человек, против которого оно направляется, должен находиться в живых; преступного лишения жизни нет, если деяние направлялось, с одной стороны, против умершего, с другой — против не начавшего жить» [10, с. 17]. Заканчивая мысль автора, следует сказать, что в обоих указанных им случаях имеет место «негодное» покушение на убийство. Когда посягательство направлено против находящегося в чреве матери плода до начала родов, деяние рассматривается как аборт, а не убийство. Со смертью прекращается уголовно-правовая охрана жизни человека, ибо обладать благами или субъективными правами можно, только будучи живым (например, лицо стреляло с целью лишить жизни в уже умершего человека). Убийство в таком случае совершить невозможно, но действия лица все же представляют общественную опасность, поскольку последствия деяния не наступают по независящим от него обстоятельствам.

Убийство неразрывно связано с жизнью и смертью человека, ставшего жертвой этого вида преступления. Определение начального и конечного моментов жизни человека имеет особое значение; в целом ряде случаев эти моменты играют решающую роль в вопросах разграничения убийства со смежными преступлениями, оконченого убийства и покушения на его совершение, убийства и правомерного лишения жизни другого человека.

Для решения вопроса об убийстве или о производстве аборта, то есть умерщвлении человека или живородного плода, правильное определение начала жизни человека имеет принципиальное значение.

Говоря о начале жизни человека, мы имеем в виду начало его самостоятельного внеутробного существования.

В отечественной юридической литературе нет единого мнения о начале жизни человека, которое бы соответствовало физиологическим признакам возникновения жизни.

Моментом начала самостоятельной жизни младенца, как правило, считают либо начало дыхания, либо момент отделения пуповины, то есть полного отделения ребенка от утробы матери [13, с. 422; с. 4].

Некоторые авторы началом жизни считают момент появления какой-либо части тела ребенка из утробы матери [5, с. 6].

Распространенной также является точка зрения, согласно которой началом жизни человека признается начало физиологических родов, сам процесс рождения [7, с. 21, с. 493, с. 35, с. 427–428]. Эта позиция ученых нашла свое отражение в ст. 106 УК РФ, где убийством признается не только умышленное лишение жизни новорожденного ребенка сразу после родов или спустя какое-то время, но и такое же умерщвление живородного плода во время родов.

В соответствии с уголовным законодательством Англии и доктриной общего права убийством признается причинение смерти «разумному созданию, имеющему самостоятельное физическое существование». В ст. 584 Собрания Законов Англии при определении понятия убийства, в частности, указывается, что потерпевшим от убийства может быть лишь «живущий человек» или «только что родившийся живой ребенок, начавший свое самостоятельное существование вне утробы матери».

В уголовном законодательстве США, например, в ст. 507.010 УК штата Кентукки, ст. 125.00 УК штата Нью-Йорк, убийство определяется как «поведение, которым причиняется смерть не только какому-либо лицу, то есть живущему человеку, но и народившемуся человеку, которым женщина была беременна более 24 недель».

УК Франции также указывает, что жертвой убийства может быть только «живущий человек», иначе речь может идти лишь о «покушении на убийство» (ст. 221–1).

Согласно ст. 200 УК Японии «плод, находящийся в чреве матери, не признается человеком, а потому умерщвление плода во время родов не может рассматриваться как убийство». Умерщвление плода («живородного ребенка») во время родов рассматривается как покушение на убийство» (ст. ст. 199, 202 и 203).

В Толковом словаре русского языка под «народившимся» или «новорожденным ребенком» понимают «только что или недавно родившегося ребенка (в возрасте до одного месяца)» [11, с. 419–420]. Однако в диспозиции ст. 106 УК РФ говорится об убийстве матерью новорожденного ребенка «во время родов или сразу же после родов...». Получается, что отечественный законодатель признает юридически возможным убийство (как оконченное преступление) даже нарождающегося ребенка («во время родов») [3, с. 22, с. 295]. Этот момент он предписывает оценивать и как «физиологический процесс появления на свет младенца», под которым понимаются «роды», и как результат этого процесса, а умерщвление плода во время (в процессе) родов — как убийство новорожденного ребенка. С логикой у законодателя здесь явно не все в порядке. Человек еще не родился, а лишь нарождался, когда его лишили такой возможности.

Нарождающийся ребенок — это еще не человек живущий, а если нет человека, то некого и лишать жизни.

Гибельное для живородного плода прерывание процесса родов есть недопущение появления новой жизни, а не лишение уже имеющейся жизни человека. Это есть обратная сторона лишения жизни человека — будущего человека на стадии, когда жертва еще оставалась «негодным» объектом для убийства. В таких случаях речь должна идти о «негодном» покушении на убийство (покушение на «негодный» объект или на «негодного» потерпевшего).

Не жизнеспособность нарождающегося ребенка должна быть решающим аргументом в определении момента начала жизни человека, а наличие этого объекта посягательства — человека, уже рожденного и живущего. Убийством можно признать лишь лишение жизни уже живущего человека, с момента рождения как результата, а не процесса, и до конца жизни в результате наступления его смерти.

Воздействие на не родившийся, но уже жизнеспособный плод в целях прерывания беременности, не создает в сознании лица такого представления, что оно лишает жизни другого человека и, следовательно, что оно совершает убийство. Мать, применяя те или иные средства прерывания беременности на восьмом или девятом месяце, и посторонние лица, содействующие этому, не осознают того, что они воздействуют на живого человека. Эти действия никак нельзя отождествлять с такими, при которых воздействуют на уже рожденного ребенка (новорожденного), например, когда мать или посторонние лица зажимают ребенку рот, чтобы задушить его, разбивают ребенку голову или принимают иные меры для умерщвления новорожденного.

Началом жизни человека следует признать не момент приобретения плодом внутриутробной жизнеспособности, а момент его рождения и начало его самостоятельного существования как живого человека от новорожденного до дряхлого старца, на которого смерть еще не наложила свою печать, констатируя гибель его организма.

«Разграничительным признаком, — писал М. М. Грозницкий, должен служить устанавливаемый при помощи медицинской экспертизы факт наличия или отсутствия самостоятельной внутриутробной жизни: именно, если ребенок уже начал дышать, или... вполне уже отделился от утробы матери» [2, с. 4].

В. И. Мокринская права, когда указывает, что вопрос о моменте возникновения права на жизнь «не может быть решен лишь юридически, но должен решаться в свете комплексного анализа данного понятия как с юридический, так и с медицинской, онтологической точек зрения» [4, с. 10–11]. Ключевую роль в определении момента зарождения и конца жизни человека играет медицина.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепил положение, согласно которому «моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов» (ч. 1 ст. 53).

Еще в Инструкции «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода» (утверждена Приказом Минздрава РФ от 4 декабря 1992 г. № 318) [8, с. 6] говорилось: «Живородным является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие как сердцебиение, пульсация или произвольные движения мускулатуры. Каждый продукт такого рождения рассматривается как живорожденный».

Факт рождения нового человеческого существа — новорожденного ребенка свидетельствует о моменте возникновения не права на жизнь, а о новой жизни, как объективной реальности (свершившийся факт), посягательство на которую с целью причинения новому человеку на Земле смерти должно рассматриваться, при наличии других признаков, как убийство. Право на жизнь, охраняющее уже безопасное развитие живородного плода, является юридическим основанием для его защиты и защиты зародившейся жизни будущего человека от криминального аборта и других криминальных посягательств на беременную женщину и находящийся в ней зародыш будущего человека. В этой плоскости, полагаем, и надо видеть границы убийства и криминального аборта или иного посягательства на человеческий эмбрион, развивающийся в утробе матери в живородного ребенка. Право на жизнь является также юридическим основанием для привлечения к уголовной ответственности за покушение на убийство при насильственном умерщвлении живородного плода во время начавшихся родов на этапе непосредственного возникновения нового человека как реального носителя новой человеческой жизни.

Жизнь человека имеет определенную продолжительность. Смерть — естественное завершение жизненного процесса человека. Она же является основанием уголовной ответственности за оконченное убийство. Смерть совпадает с конечным моментом жизни.

Прекращение какого-либо конкретного жизненного процесса (например, дыхания или сердцебиения) еще не означает наступление смерти, ибо дыхание после кратковременной остановки может быть восстановлено искусственным путем. Остановка сердца также не сопровождается незамедлительным прекращением других жизненных процессов в определенных органах и тканях. Когда дыхание и сердцебиение только что прекратились, действительной смерти еще нет, нет и необходимых изменений в центральной нервной системе, а часто лишь нарушаются или прекращаются основные жизненно необходимые функции организма. В результате наступает так называемая «клиническая смерть». Медицинская практика показывает: часто бывает так, что дыхание и сердцебиение восстанавливаются.

Завершение жизни человека есть процесс, в котором, как и при выяснении начала жизни, необходимо установить какой-то условный момент наступления смерти.

В соответствии с ч. 1 ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека)». Допущение законодателем альтернативы в определении момента смерти человека (смерть головного мозга или биологическая смерть) не затрагивает сути юридического вопроса о конечной границе человеческой жизни. Она (альтернатива) продиктована значением различных стадий процесса умирания человека для реаниматологии и трансплантологии, разными условиями умирания человеческого организма и зависящими от них отличиями в порядке установления смерти человека. С юридической точки зрения для признания наступления смерти человека нет необходимости в ожидании трупных изменений, характерных для конечной стадии умирания организма — биологической смерти, достаточно констатации смерти головного мозга. Исходя из этого, «Инструкция по констатации смерти человека на основании смерти мозга» (утверждена Приказом Минздрава России от 20 декабря 2001 года № 460), составленная в соответствии с Законом Российской Федерации от 22 декабря 1992 года «О трансплантации органов и (или) тканей человека» № 4180–1, указывает: «Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Смерть мозга эквивалентна смерти человека».

Современные достижения медицины показывают, что моментом завершения жизни человека является биологическая смерть вследствие того, что в коре головного мозга происходят необратимые процессы (распад белковых тел) и прекращается функционирование центральной нервной системы. Следствием этих процессов становится невозможность восстановления жизнедеятельности организма. В таких случаях констатируется наступление биологической смерти человека, означающей одновременно конец его жизни. Точкой такого отсчета выступает момент фиксации смерти головного мозга, то есть состояние необратимой гибели организма как целого [9, с. 23].

Для признания умышленного причинения смерти человеку убийством закон требует, чтобы потерпевшим в результате этих действий был «другой человек». Это важно прежде всего для отграничения убийства от самоубийства, а также от «посредственного» убийства, когда его непосредственным исполнителем или соисполнителем являлся сам потерпевший (при склонении, принуждении его к самоубийству или ином умышленном содействии самоубийству), либо от доведения до самоубийства.

При убийстве потерпевшим непременно должен быть другой человек, то есть не самоубийца, а при «посредственном» убийстве виновником лишения его жизни должен быть посредственный исполнитель, умышленно спровоцировавший потерпевшего на самоубийство, или оказавший ему в этом непосредственную помощь.

Этот признак убийства указывается в УК многих зарубежных государств. Так, ст. 79 УК Аргентины, не раскрывая понятия убийства, предусматривает ответственность за «убийство другого человека». В ст. 139 УК Республики Беларусь под убийством понимается «...лишение жизни другого человека». Ст. 1 ч. 2 гл. 3 УК Швеции также определяет убийство как «лишение жизни другого человека». Согласно ст. 287 УК Голландии, § 237 УК Дании, ст. 138 УК Испании, ст. 221–1 УК Франции, убийством признается «причинение смерти другому человеку».

В Европейской Конвенции 1950 года «О защите прав человека и основных свобод» устанавливается запрет на умышленное лишение жизни другого человека: «Никто не может быть намеренно лишен жизни, помимо как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом...». Смысл фразы: «никто не может быть...

лишен жизни.»... — означает, что жертву лишает жизни кто-то другой, что это не самоубийство.

Право на жизнь каждого человека реализуется в его индивидуальном бытии, во всех формах его самоутверждения в обществе, в деятельности, связанной с борьбой за существование, за достойную и нравственную жизнь, против смерти ради жизни даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Оно предполагает обязанность государства и общества заботиться о существовании индивида, его физическом и нравственном здоровье, защищать его жизнь от посягательств, обязанность других индивидов и членов общества не оставлять его в опасном для жизни состоянии, не оказывать содействия в его желании покончить с собой, исключает его право на смерть, на свободный выбор между жизнью и смертью, за исключением случаев героического самопожертвования ради интересов человечества, глобальных общественных интересов и т. п.

Литература:

1. Бабичев, А. Г. Убийство: проблемы, теория, практика. — М., 2008. — с. 46–47.
2. Грозницкий, М. М. Преступления против личности. — М., 1927. — с. 4. Близок к этой позиции и Шаргородский (см. его: Наказание, его цели и эффективность. — М., 1973. — с. 59.).
3. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 5. — М., 1971. — с. 22; Уголовное право России. Части Общая и Особенная/Под ред. А. И. Рарога. — М., 2004. — с. 295 и др.
4. Мокринская, В. И. Конституционные начала национального, международного и зарубежного законодательства в области охраны права на жизнь и обеспечения безопасности личности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2006. — с. 10–11.
5. Мокринский, С., Натансон В., Преступления против личности. — Харьков, 1928. — с. 6.
6. Ожегов, С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1997. — с. 735.
7. Пионтковский, А. А. Курс уголовного права. — М., 1971. Т. 5. — с. 21; Бородин С. В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. — М., 1963. — с. 493; Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. — М., 1961. — с. 35; Побегайло Э. Ф. Избранные труды. — СПб., 2008. — с. 427–428 и др.
8. Романовский, Г. Б. Право на жизнь. Архангельск, 2002. — с. 6.).
9. Романовский, Г. Б. Указ. Соч. — с. 23.
10. Таганцев, Н. С. О преступлениях против жизни. Т. 1. — СПб., 1904. — с. 17.
11. Толковый словарь русского языка. — М., 1997. — с. 419–420.
12. Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — с. 313.
13. Шаргородский, М. Д. Избранные труды. — СПб., 2004. — 2004. — с. 422; Гроздинский М. М. Преступления против личности: М., 1924. — с. 4.

Уголовное преследование как самостоятельный этап уголовного процесса

Бекматова Дилнавоз Шахабидиновна, самостоятельный соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

Уголовное преследование с одной стороны является обязанностью уполномоченных государственных органов, определенных уголовно-процессуальным законодательством, которыми являются органы дознания, следствия и прокуратура. Необходимо отметить, что с другой стороны, уголовное преследование оценивается как в ка-

честве права на осуществление деятельности, направленной на определение совершения общественно опасного действия пострадавшим и частным обвинителем и разоблачение совершившего его лица.

Уголовное преследование состоит из нескольких процессуальных этапов и имеет свойственный ему порядок

начинания и завершения. В частности, в статьях 15 и 321 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан перечислены лица, имеющие полномочия начать уголовное преследование, к ним относятся дознаватель, следователь и прокурор. Необходимо отметить, что прежде также и суд относился к уполномоченным органам для начинания уголовного преследования.

По этому поводу, Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов в «Концепции по дальнейшему углублению демократических реформ в республике и развитию гражданского общества», отметил, что «Как известно, возбуждение уголовного дела является задачей прежде всего органов дознания и предварительного следствия, других силовых органов, осуществляющих уголовное преследование. При этом от суда требуется объективно оценить законность и обоснованность предъявленного лицу обвинения. В то же время возбуждение судом уголовного дела, то есть совершение им процессуального действия, которое, по сути, является началом уголовного преследования со всеми вытекающими отсюда последствиями, переводит суд в категорию участников этого преследования, что не соответствует его высокому предназначению — осуществлять правосудие» [1].

В целях реализации данной законодательной инициативе был принят Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим реформированием судебно-правовой системы» № ЗРУ-335 от 18.09.2012 г., предусматривающих ряд изменений в законодательстве и в том числе, суд был выведен из перечня субъектов уголовного преследования. Важное значение имеет освобождение суда от обязательства по начинанию уголовного преследования, т.к. выполнение судом обязательства по выполнению уголовного преследования приводит к нарушению принципа разбирательства, и поэтому суд был освобожден от выполнения не свойственных ему обязательств.

В юридической литературе касательно времени начала уголовного преследования сформированы различные взгляды. Здесь в качестве времени начала уголовного преследования определены следующие критерии: выполнение каких-либо действий по определению лица совершившего преступление; возбуждение уголовного дела; принятие соответствующих процессуальных документов.

Таким образом, появление причины для возбуждения уголовного дела не означает возникновение уголовного преследования уполномоченными органами и лицами, т.к. еще не доказано наличие действия, имеющего признаки преступления, кроме того, нет еще лица, имеющего определенный процессуальный статус, который должен быть уголовно преследован.

Таким образом, целью этапа возбуждения уголовного дела является определение наличия необходимых обстоятельств для ведения уголовного преследования, и в данной ситуации все действия уполномоченных органов, направлены на определение наличия или отсут-

ствия признаков преступления [2, с. 121]. И эти действия не направлены на разоблачение лица, совершившего преступление. И применение их по отношению к уголовному преследованию проявляется в определении возможности и необходимости обеспечения его выполнения.

Уголовное преследование, являясь последствием, проявляющимся в результате совершения уголовно наказуемого действия, включает в себя следующих элементов: 1) обязательства дознавателя, следователя, прокурора по определению и разоблачению виновного в результате всесторонней, полной и объективной проверки обстоятельств дел, основанные на уголовно-процессуальные законодательные нормы и факты по совершению деяние (действия, бездействия), охватывающих признаки преступления; 2) выдвижение обвинения в установленном законодательством порядке за совершение общественно опасного действия, запрещенного уголовным законодательством под угрозой наказания; 3) утверждение прокурором обвинительного заключения; 4) поддержка государственного обвинения в суде.

Уголовное преследование связано с ограничением конституционных прав, а также с применением процессуальных принудительных мер, оно предусматривает существование конкретного лица, признанного в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также имеющего соответствующие уголовно-процессуальные права для защиты собственных интересов.

Деятельность по уголовному преследованию направлена на повышение степени разоблачения лица, совершившего преступление. Законодатель связывает данный процесс с наличием статуса подозреваемого или обвиняемого, попавшего под уголовное преследование, и если подозрение выполняется только в рамках предварительного расследования, то обвинение выполняется и в предварительном расследовании и судебным разбирательстве.

Исполнение уголовного преследования на этапах подозрения и обвинения направлено на разоблачение лица в совершении преступления, которое выражается в следующем: 1) на этапе подозрения — в доказательстве того, что лицо имеет отношение к совершенному преступлению; 2) на этапе обвинения — в доказательстве, что лицо виновно в совершении данного преступления.

Возникновение уголовного преследования связано с фактом совершения действия, имеющего признаки преступления. Таким образом, уголовное преследование представляет собой, во-первых, деятельность должностных лиц государственных органов, уполномоченных на ведение уголовного преследования по разоблачению лица совершившего преступление с применением методов и средств, предусмотренных в законодательстве, и, во-вторых, отрицательные последствия для преступников, возникающие в результате противозаконных действий лица, совершившего преступление.

Реализация института уголовного преследования осуществляется только после возникновения уголовно-процессуальных правовых отношений, и требует неукосни-

тельного соблюдения его субъектами (лицо, виновное в совершении преступления, а также дознаватель, следователь и прокурор) их права и обязанности. По этой причине, о начале уголовного преследования можно говорить только с момента возбуждения уголовного дела, т.к. начиная с этого времени должностные лица осуществляют все следственные и другие процессуальные действия, предусмотренные законодательством, а также применяют принудительные меры.

Однако в таких случаях, как в ходе предварительного следствия установлено, что невозможно определить лицо, совершившего преступления, либо же в предварительном следствии установлены обстоятельства, исключающие преступность деяния, или стало очевидно, что лицо, совершившее противозаконное действие не подлежит уголовной ответственности, уголовное преследование не проводится до конца.

Документ, подтверждающий достаточность обоснований и законность для начала ведения уголовного дела в уголовном процессе служить причиной для возбуждения уголовного преследования, а также является необходимым условием для возбуждения уголовного дела. С официальной точки зрения, дело не может вестись до начала возбуждения уголовного преследования, и напротив, если возбуждено уголовное преследование, то дело должно быть начато.

В действительности, уголовное преследование состоит из материализации правовых средств, обеспечивающих данный процесс. Он не выполняется беспорядочно, самовольно, а наоборот, осуществляется в строго определенном порядке, с соблюдением обязательных принципов и правил. Таким образом, к механизму проведения уголовного преследования относятся правовые нормы, акты применения права (решения, действия), правовые отношения, а также порядки и процедуры их выполнения и другие факторы.

Следовательно, уголовное преследование не ограничивается областью уголовного процесса, оно выходит за его пределы и проходит с применением норм из других сфер права, и связано с деятельностью учреждений по исполнению наказания, других организаций, и даже граждан.

В юридической литературе между учеными процессуалистами сформировались различные мнения касательно времени начала уголовного преследования, которые можно сгруппировать на несколько направлений.

Первая группа авторов считает, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. В частности, М.Г. Ковалева применяет термин «возбуждение уголовного преследования» как синоним понятию возбуждение уголовного дела [3, с. 17]. Также по мнению З.З. Зинатуллиной, Т.З. Зинатуллиной и Л.И. Малаховой, «...уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Оно имеет место на всех процессах ведения дела, всех этапах уголовного процесса. Такое положение складывается до появления обоснований для признания конкретного лица

виновным в совершении преступления, а также до необходимости применения какого-либо вида наказания» [4, 5]. В.И. Рохлин также считает, что уголовное преследование начинается с возбуждения уголовного дела [6, с. 215]. Вместе с тем, в Модельном УПК стран СНГ, принятом 17 февраля 1996 года, нашли свое отражение взгляды представителей первой группы касательно уголовного преследования [7].

Представители **второй группы** обосновывают, что уголовное преследование начинается с момента появления в уголовном деле фигуры обвиняемого. В частности, А.П. Рыжаков считает, что уголовное преследование начинается и ведется по отношению к определенному лицу, обвиняемому в совершении преступления. А уголовное дело возбуждается по отношению к факту, уголовному действию. Здесь, лицо, которое должно быть привлечено в уголовной ответственности за совершение уголовного действия может быть и не известным [8, с. 66].

Сторонники **третьей группы** считают, что уголовное преследование начинается с момента появления в деле подозреваемого, обвиняемого. Поэтому, М.П. Кан писал, «процессуальным временем появления функции уголовного преследования считается время выдачи решения о привлечении к делу лица в качестве обвиняемого» [9, с. 57]. Здесь автор утверждает, что речь идет только для уголовного преследования в форме обвинения. Автор также описывает три формы уголовного преследования: 1) обвинения; 2) подозрения; 3) процесс делопроизводства по применению принудительных мер медицинского характера. По мнению автора, в случае если уголовное преследование ведется при подозрении, документами для возбуждения уголовного преследования являются протокол о задержании, и решение о принятии мер предосторожности до вынесения приговора. Время для начала уголовного преследования с применением принудительных мер медицинского характера связано с назначением судебно-психиатрической экспертизы [10, с. 10].

Как справедливо отмечает А.Л. Аристархов, при осуществлении функции уголовного преследования, каждое подозрение должно быть проверено тщательно [10, с. 61]. А.Б. Соловьёв и Н.А. Якубович считают, что напротив, функции уголовного преследования осуществляются при возбуждении уголовного дела по отношению к определенному лицу, его задержании, применении мер предосторожности, привлечении к уголовной ответственности, а также при проведении действий, ограничивающих конституционные права подозреваемого и обвиняемого [11, с. 33]. По мнению А.Г. Халиулина, «...оно может быть начато до объявления уголовного преследования, т.е. с момента, когда лицо находится уже в качестве подозреваемого» [12, с. 23].

В УПК, истечение сроки давности привлечения лица к ответственности указано в качестве основания для прекращения уголовного дела без решения вопроса о виновности. Этим время для начала уголовного преследования приравнивается ко времени совершения общественно

опасного деяния (т. к. сроки привлечения к уголовной ответственности начинаются не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента совершения преступления). В связи с тем, что уголовное преследование является процессуальной деятельностью, то оно осуществляется с момента возбуждения уголовного дела.

Таким образом, уголовное преследование и уголовное дело считаются разными понятиями. Возбуждение уголовного дела свидетельствует о начале «уголовно-социальных отношений» [13, с. 5], т. е. следователь должен будет принять все предусмотренные законодательством меры, а также выполнить все необходимые следственные и другие процессуальные меры для полной, всесторонней и объективной проверки. Из-за того что, уголовное дело как правило, возбуждается при сборе достаточной информации, указывающей на признаки преступления, в большинстве случаев, дознаватель, следователь и прокурор предполагает совершение преступления, а также существование совершившего его лица.

Все действия следователя направлены на конкретную цель — определения лица совершившего преступления, разоблачение его вины, и вместе с этим, обеспечение защиты законных прав и интересов пострадавшего. В целом, частично различается и деятельность следователя по делам, когда лицо, совершившее преступление уже задержано, а также по делам, когда лицо, совершившее преступление еще не задержано. В частности,

во-первых, первое уголовное дело возбуждено по отношению к определенному лицу, а второе — по отношению к обстоятельству совершения общественно опасного деяния; во-вторых, с точки зрения времени для начала уголовного преследования, если уголовное преследование по первому уголовному делу начато одновременно, то по второму делу такое не наблюдается.

Уголовное преследование при расследовании уголовных дел можно разделить на различные формы и этапы. Итак, уголовное преследование в форме определения преступления и совершившего его лица; уголовное преследование подозреваемого; уголовное преследование обвиняемого; уголовное преследование лица, по отношению к которому применяются принудительные меры медицинского характера; уголовное преследование лица, имеющего должностной или дипломатический иммунитет; уголовное преследование иностранного гражданина.

Таким образом, можно прийти к заключению, что уголовное преследование может осуществляться только по отношению к определенному лицу, и оно непосредственно связано с ограничением его прав и, как правило, сопровождается с применением принудительных мер. Более того, указанные меры могут применяться не только по отношению к лицу, привлеченному в качестве обвиняемого в уголовном деле, но и к подозреваемому в целях обеспечения уголовно-правового принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление.

Литература:

1. Каримов, И. А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране // www.press-service.uz
2. Татоян, А. А. Расследование дела в системе уголовно-процессуальных функций. — Ереван, 2007. — с. 121.
3. Ковалева, М. Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2005. — с. 17.
4. Зинатуллин, З. З., Зинатуллин Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. — Ижевск: Детектив-информ, 1997. — с. 211.
5. Малахова, Л. И. Функция уголовного преследования как вид процессуальной деятельности // Российский следователь. — Москва, 2003. — № 7. — с. 53.
6. Прокурорский надзор Российской Федерации: Учебник/Под ред. В. И. Рохлина. — СПб.: Сентябрь, 2000. — с. 215.
7. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. — 1996. — № 10. Приложение.
8. Рыжаков, А. П. Задержание: основание и порядок производства. — Ростов на Дону: Феникс, 2006. — с. 66.
9. Кан, М. П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Ташкент, 1988. — с. 57.
10. Аристархов, А. Л. Подозрение как составная часть функции уголовного преследования // Российский следователь. — Москва, 2007. — № 21. — с. 10.
11. Соловьев, А. Б., Якубович Н. А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования // Современные проблемы уголовного права, процесса, криминалистики. — Кемерово, 1996. — с. 33.
12. Халиулин, А. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. — с. 23.
13. Уголовный процесс: Особенная часть/Под общ. ред. проф. З. Ф. Иногомжонова. — Ташкент: ТГЮИ, 2008. — с. 5.

Особенности обстоятельств, подлежащих установлению при организации расследования разбойных нападений на автодорогах

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент;
Куманьева Оксана Николаевна, старший преподаватель
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Статья раскрывает особенности обстоятельств подлежащих установлению при организации расследования разбойных нападений на автодорогах. Дана оценка научного обоснования и приведена следственно-судебная практика по делам о разбоях на автодорогах.

Ключевые слова: разбой; разбойное нападение; нападение на автодорогах; криминалистическая характеристика; установление обстоятельств.

Изучение следственно-судебной практики по делам о разбоях показало, что среди наиболее типичных проблем следует назвать следственные ошибки, связанные с неисследованием всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые не всегда могут быть устранены в судебном заседании. Это, в свою очередь, становится причиной негативного отношения участников уголовного процесса к органам предварительного расследования. Данное обстоятельство подтверждает актуальность исследования, направленного на совершенствование имеющихся криминалистических рекомендаций, которые позволяют определить предмет доказывания по делам данной категории.

Ученые, занимающиеся методикой расследования разбоев, к вопросу определения предмета доказывания подходят по-разному. Одни — лишь касаются этого аспекта проблемы, другие — систематизируют предмет доказывания по данной категории дел, третьи — рассматривают обстоятельства, подлежащие доказыванию, в виде вопросов, которые следует выяснить при допросе того или иного участника уголовного процесса [1. с. 106].

Первая группа авторов в своих исследованиях либо ограничивается указанием на значение обстоятельств с целью установления истины по делу, либо рассматривает их через призму криминалистической характеристики этого вида преступлений.

В диссертации М.А. Берестнева вопрос об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, непосредственно не рассматривался, но прослеживается взаимосвязь между обстоятельствами и криминалистической характеристикой нападений организованных преступных групп на автодорогах вне населенных пунктов с целью завладения личным имуществом. Так, автор приводит подробную характеристику действия преступников по подготовке к преступлению данного вида.

К ним относятся: изучение участка автодороги; сбор сведений о предмете посягательства; создание условий для нахождения интересующего преступников имущества в месте планируемого нападения в определенное время; поиск интересующей преступников жертвы, сбор информации о ней; выбор мест, где могут удерживаться потерпевшие, и другие [2. с. 16].

С.Г. Закиров, не выделяя определение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, как самостоятельную задачу диссертационного исследования, анализирует те обстоятельства, которые необходимо выяснить при изучении приостановленных дел о разбоях, например:

— все ли очевидцы данного преступления допрошены и есть ли возможность установить дополнительных свидетелей;

— какие недостатки и ошибки допущены при производстве первоначальных следственных действий;

— какие версии были выдвинуты, какова полнота их проверки;

— каковы результаты помощи общественности и т.п. [3. с. 16].

Так, Н.Г. Шурухнов при расследовании рассматриваемой категории преступлений предлагает установить следующие обстоятельства:

— имел ли место факт разбоя; если да, то где и когда совершено преступление;

— каков способ совершения преступления;

— каков круг лиц, располагающих интересующей следователя информацией о разбое и виновных в его совершении;

— кто совершил разбой; если это группа лиц, то кто входил в ее состав, и в чем конкретно выразилось участие каждого; как характеризуются обвиняемые по месту жительства и работы (учебы);

— кто стал жертвой нападения (материальное положение, наличие виктимного поведения); какие последствия для жизни и здоровья потерпевшего повлекло преступление;

— что похищено в результате совершения преступления, кому принадлежит похищенное имущество; где оно находилось; каковы каналы его сбыта;

— какие меры следует принять для возмещения потерпевшему материального ущерба;

— каковы причины и условия совершения преступления; какие меры следует принять для их устранения [4. с. 592–593].

В.И. Комиссаров дополняет данный перечень:

— каким образом преступник проник в жилое или нежилое помещение и как покинул его;

— если в ходе преступления применялось оружие (огнестрельное, холодное, химическое, газовое), то кому оно принадлежит, где, когда и у кого оно было приобретено или изъято [5. с. 498–499].

Приведенные перечень и классификации обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о разбоях, несомненно, способствуют осуществлению эффективного противодействия данному виду преступлений, однако не исключают ошибок, допускаемых на практике.

Анализ уголовных дел показывает, что следователи при расследовании разбоев в большинстве своем правильно и в полном объеме выясняют обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию. Однако встречаются случаи, когда обстоятельства, установление которых влияет на правильную квалификацию деяния, выпадают из поля внимания следователей и остаются либо недоказанными, либо выясненными не в полной мере. Это приводит к изменению квалификации деяния при рассмотрении уголовных дел в суде. Для примера: гр. Г. и гр. с. обвинялись в том, что, действуя в группе, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, выразившегося в нанесении удара по голове и множественных ударов по различным частям тела гр. Д., похитили имущество, то есть совершили разбой. При расследовании указанных деяний следователь ограничился диагнозом, поставленным потерпевшему лечащим врачом, а суд ограничился заключением эксперта, в котором диагноз «закрытая черепно-мозговая травма легкой степени, сотрясение головного мозга» экспертной оценке не подвергался. Это привело к ошибкам в квалификации деяния: вместо ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой) — ч. 2 ст. 161 УК РФ (грабёж) [6].

Примеры из практики наглядно демонстрируют, что следователи нуждаются в научно-обоснованных рекомендациях по установлению обстоятельств, обеспечивающих всестороннее, полное и объективное расследование разбоев, особенно тех из них, которые имеют значение для правильной квалификации деяния.

Целесообразно предложить уточненный предмет доказывания по делам о разбоях, включающий в себя следующую систему обстоятельств, подлежащих доказыванию:

— общие: наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);

— виновность обвиняемого в совершении преступления;

— обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого), в том числе закономерно связанные с ними специальные обстоятельства, влияющие на квалификацию деяния (применялось ли в отношении потерпевшего насилие, в какой форме (психическое или физическое), и не повлекло ли оно причинения ему тяжких телесных повреждений);

— связано ли насилие с завладением имуществом либо с понуждением потерпевшего к возврату долга или при-

менялось с иной целью (например, из хулиганских побуждений);

— являлось ли насилие опасным для жизни и здоровья;

— имела ли место угроза насилием, и какова оценка потерпевшим реальности ее исполнения;

— предполагалась ли передача требуемого имущества либо исполнение угрозы насилием немедленно или в будущем;

— находился ли потерпевший в момент завладения имуществом в состоянии сознания, а если нет, то воспринимал ли виновный такое состояние как сознательное;

— имело ли место преодоление преграды (путем взлома дверей, отпирания замка, разбития оконного стекла и т. д.) для проникновения в жилище;

— происходило ли проникновение в жилище против воли лиц, проживающих в нем;

— в случае если преступник (преступники) проник в жилище путем свободного доступа, то не сформировался ли у него (у них) умысел на похищение до момента проникновения; был ли умысел на завладение имуществом в крупном или особо крупном размере;

— имел ли место предварительный сговор лиц, совершивших разбой, не составляли ли они преступную группу, какова степень ее организованности;

— предшествовали ли разбою другие хищения либо совершение виновным преступлений, предусмотренных ст. 158, ст. 163, не снята ли (не погашена ли) судимость, а также каковы причины и условия, способствующие совершению преступления.

При этом для возбуждения уголовного дела необходимо установить следующие обстоятельства:

— имело ли место завладение чужим имуществом;

— применялось ли в отношении потерпевшего насилие, если применялось, то в какой форме (психическое или физическое) и не связано ли оно с причинением ему легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья, и более тяжелых повреждений;

— если потерпевшему были причинены легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья, то применялся ли при этом способ, опасный для жизни и здоровья (вызвало ли насилие потерю сознания, тошноту, рвоту, которые свидетельствуют о сотрясении мозга либо асфиксии, и т. п.);

— была ли угроза насилием, какова оценка потерпевшим реальности ее исполнения.

Предложенная классификация предмета доказывания имеет целевую направленность на сокращение количества следственных и судебных ошибок, допускаемых при квалификации деяния. Изучение следственно-судебной практики по делам о разбойных нападениях на автодорогах показывает множество примеров эффективной работы следователей и сотрудников оперативных аппаратов по раскрытию и расследованию таких разбоев. При этом преимущественно они раскрываются по так называемым горячим следам, когда преступники не успевают скрыть следы преступления. В то же время встречаются случаи непрофес-

сиональной работы в расследовании таких преступлений, установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлении лиц причастных к совершению преступления. Основной причиной таких ошибок и проблем ста-

новится отсутствие научно-методических рекомендаций по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений в зависимости от возникающих следственных ситуаций на различных этапах расследования.

Литература:

1. Дроздов, А. В. Предмет доказывания по делам о разбоях // Вестник криминалистики. 2011. 1 (15). с. 100—106.
2. Берестнев, М. А. Методика расследования разбойных нападений на автодорогах вне населенных пунктов, совершаемые организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
3. Закиров, С. Г. Организация деятельности следователя по раскрытию приостановленных уголовных дел о грабежах и разбоях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.
4. Шурухнов, Н. Г. Криминалистика. М., 2008.
5. Комиссаров, В. И. Методика расследования грабежей и разбойных нападений / В. И. Комиссаров // Криминалистика: учеб. М., 2008.
6. Уголовное дело № 1/786 // Архив суда Ленинского района г. Саранска. 2007 г.

Основания отказа государственного обвинителя от обвинения и их применение на практике

Кудряшов Роман Валерьевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Отказ от обвинения — это основанная на полном, всестороннем исследовании материалов уголовного дела позиция государственного обвинителя об отсутствии события преступления, состава преступления, непричастности подсудимого к совершению преступления либо нарушении порядка возбуждения уголовного дела и привлечения лица в качестве обвиняемого, установленного УПК РФ. Все это выражается в рамках судебного заседания в форме заявления о полном либо частичном прекращении уголовного дела (преследования), и влечет предусмотренные в законодательстве последствия.

У современных ученых, занимающихся изучением данной проблемы, существуют различные мнения насчет того, что считается основаниями для отказа от обвинения. Однако, несмотря на разнообразие точек зрения по данному вопросу, прежде всего, следует придерживаться законодательно закрепленных оснований отказа государственного обвинителя от обвинения.

Так, норма ч. 7 ст. 246 УПК РФ относительно самих оснований отказа от обвинения отсылает нас к другим статьям УПК. К ним относятся:

- отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- непричастность обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);
- прекращение уголовного преследования по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, в том числе:

- истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

- смерть обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

- отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

- отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. п. 1, 3—5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации РФ, Государственной Думы РФ, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. п. 1 и 3—5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [1].

В рамках исследования данной проблемы, было изучено 50 решений судов Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области о прекращении уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения за период с 2010 по 2014 год.

Анализ судебной практики показал, что такие основания, как истечение сроков давности и смерть обвиняемого не использовались в качестве таковых ни разу.

Истечение сроков давности не должно быть основанием для отказа от обвинения, поскольку сущность обвинения не зависит от самих сроков давности, и потому, речь должна идти о прекращении уголовного дела (преследования) вовсе. Здесь не может быть утверждения о том, что подсудимые невиновны. В этом случае срок давности не позволяет продолжать производство по делу, в соответствии с этим государ-

ственным обвинителем должно быть заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела (преследования). Здесь важно отметить разницу между ходатайством государственного обвинителя о прекращении уголовного дела (преследования) и отказом государственного обвинителя от обвинения. В первом случае, если подсудимый будет возражать против прекращения уголовного дела, то оно не допускается. В случае же с отказом от обвинения, мнения других участников судопроизводства не могут повлиять на решение государственного обвинителя об отказе от обвинения.

Следует сказать также, что при прекращении уголовного дела (преследования) по данному основанию подсудимый не приобретает законного права на реабилитацию (ч. 4 ст. 133 УПК РФ). Когда речь идет об отказе от обвинения, подсудимый, напротив, приобретает право на реабилитацию (п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ).

В случае смерти обвиняемого (подсудимого) — ситуация схожа с ситуацией по вышеуказанному основанию, поскольку в таком случае требуется не отказ от обвинения, а ходатайство о прекращении уголовного дела. Ведь в случае смерти обвиняемого (подсудимого), по сути, разбирательство лишается субъекта преступления.

Последние два пункта в списке оснований отказа от обвинения связаны с неустраняемыми процессуальными нарушениями и соответствующий отказ от обвинения в названных ситуациях необходим, поскольку возбуждение уголовного дела в отсутствие требуемых законом условий не может иметь места.

В связи с этим, необходимо изложить ч. 7 ст. 246 УПК в следующей редакции:

«7. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5, 6 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 настоящего Кодекса».

Перейдем к рассмотрению оснований, которые по результатам исследования практики использовались наиболее часто.

В случае, когда доказательства по делу указывают на то, что отсутствует событие преступления, или имеются недостаточные основания полагать, что оно имело место быть, требуется отказ от обвинения на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Среди изученных решений судов лишь 6% были связаны с отказом прокурора от обвинения в связи с отсутствием события преступления.

Так, согласно постановлению о прекращении уголовного преследования Ленинградского областного суда от 17 января 2012 года, вердиктом присяжных была установлена недоказанность факта передачи денег М., а также

факта дачи указаний со стороны Н. в адрес К. о передаче денежных средств М. В связи с этим, государственным обвинителем на основании, установленных вердиктом присяжных заседателей, обстоятельств, заявлен отказ от обвинения по ч. 4 ст. 35, ч. 2 ст. 291 УК РФ на основании п. 1 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с отсутствием события преступления [2].

Нередко по результатам исследования в суде доказательств становится очевидным, что их в совокупности недостаточно для того, чтобы утверждать о наличии в действиях подсудимого состава преступления. В данном случае это имеет значение в отношении всех признаков состава преступления и должно влечь за собой прекращение уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Необходимо отметить, что данное основание является наиболее встречаемым и употребляемым среди всех оснований, которые указаны в п. 7 ст. 246 УПК РФ. Так, 74% отказов от обвинений из рассмотренных решений суда о прекращении уголовных дел в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения были заявлены именно на основании отсутствия в деянии состава преступления.

В рамках работы общественным помощником в Пресненской межрайонной Прокуратуре г. Москвы было изучено постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 27 января 2014 года по обвинению К. в применении насилия, не опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. В ходе судебного заседания государственным обвинителем был заявлен отказ от обвинения, ввиду того, что представленные стороной обвинения доказательства не подтверждают предъявленное подсудимой обвинение. У подсудимой К. на момент прихода в помещение нотариальной конторы сотрудников СК РФ и полиции имелось обоснованное предположение о неправомерности их действий по изъятию реестров нотариальных действий, содержащих тайну, охраняемую Конституцией РФ и законом, при этом умысел на применение насилия с целью воспрепятствовать законным действиям представителей власти, в ее действиях отсутствовал.

Еще одним ярким примером применения данного основания отказа от обвинения является постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 21 января 2013 года. Во время судебного заседания о рассмотрении дела по обвинению В. в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности стало известно, что кассационным определением Судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 18 декабря 2012 года решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 10 сентября 2009 года о взыскании с В. кредиторской задолженности, отменено [3].

Решение Судебной коллегии носило преюдициальный характер, и, соответственно, опираясь на него, государственный обвинитель верно отказался от обвинения в связи с отсутствием в действиях В. состава преступления.

Проведенный анализ отказов от обвинения в связи с отсутствием в деянии состава преступления, позволяет

сделать вывод, что имеют место серьезные проблемы, как в органах предварительного следствия и дознания, так и среди сотрудников прокуратур. И если частные случаи, когда преступное деяние декриминализировалось в законодательстве, нельзя вменить в вину сотрудникам органов предварительного следствия, дознания и прокуратур, то остальные случаи выглядят абсолютно недопустимыми.

Ошибки в квалификации преступления, некачественное проведение следственных мероприятий, некачественный анализ доказательственной базы — все это нередко приводит и к тому, что виновные люди, которые совершили противоправное деяние не получают заслуженного наказания. С другой стороны, людям, которые не совершали ничего противоправного — наносится непоправимый ущерб здоровью, репутации и жизни вовсе. Можно оправдать ошибки со стороны сотрудников органов предварительного следствия и дознания, ввиду их обширной загруженности работой, однако, в таком случае вызывают большие вопросы решения помощников прокуроров, которые занимаются проверкой поступивших в Прокуратуру обвинительных заключений, актов и постановлений, по сути своей, являясь фильтром перед отправкой дела в суд. Безусловно, правильно вводить жесткие санкции к должностным лицам, допустившим ошибки, повлекшие за собой впоследствии отказ от обвинения в судебном заседании, опираясь на ст. 41.7 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» о дисциплинарной ответственности [4].

Наконец, может сложиться ситуация, при которой доказательств будут указывать на то, что событие преступления было, однако, лицо, являющееся подсудимым, непричастно никоим образом к его совершению. В такой ситуации государственный обвинитель должен серьезно оценить обстоятельства дела, он должен выяснить, исчерпаны или нет возможности получения новых доказательств по делу. И только после того, как он придет к выводу, что нет оснований для достоверного вывода о виновности лица, а средства для получения новых дока-

зательств отсутствуют, он должен заявить отказ от обвинения, основываясь на п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Среди рассмотренных решений суда 20% отказов от обвинения были заявлены государственным обвинителем именно по основанию непричастности лица к совершению преступления.

Солнцевским районным судом Московской области 25.06.2013 было издано постановление о прекращении уголовного преследования в связи отказом государственного обвинителя от обвинения. В судебном заседании государственный обвинитель от обвинения в отношении В. отказалась, указав, что потерпевший ФИО13, В. не опознал, а других достаточных объективных данных о причастности В. к преступлению не имеется, в связи с чем вина подсудимого В. по данному обвинению не нашла своего подтверждения [5].

Аналогичное решение было принято Колпинским районным судом г. Санкт-Петербурга, согласно которому в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель отказался от обвинения, предъявленного подсудимому Ф. по ст. 228 ч. 2 УК РФ (по факту совершения преступления 18.05.2011), на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть за непричастностью Ф. к совершению данного преступления. По мнению государственного обвинителя, исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства не являются достаточными для установления вины Ф. в совершении данного преступления [6].

Подводя итог, нужно сказать, что институт отказа от обвинения является остропроблемным. На практике прокуроры-обвинители стараются прибегать к данному институту только в крайних ситуациях, несмотря на то, что многое может указывать на незаконность или необоснованность обвинения. Трудно сказать о причинах такого поведения, они могут быть, как психологическими — боязнь признать ошибку, которая может повлечь ответственность и получение соответствующих санкций, так и должностными, связанными с некими негласными приказами «сверху».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014)// «Собрание законодательства РФ». 24.12.2001. N 52 (ч. I). ст. 4921.
2. Постановление Ленинградского областного суда от 17 января 2012 года по делу №2-3\2011 [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/28084257/28342775/>, свободный
3. Постановление 1-1/2013 (1-265/2012) Черемушкинского районного суда г. Москвы от 21 января 2013 года [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-cheremushkinskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-427948762/>, свободный.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 02.04.2014) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.
5. Постановление 1-28/2013 (6951) Солнцевского районного суда г. Москвы от 25 июня 2013 года [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-solncevskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-400614832/>, свободный.
6. Постановление Колпинского районного суда г. Санкт-Петербург от 25 июня 2013 года по делу №1-542/2011 [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/49714939/56523318/>, свободный.

Бланкетные диспозиции: отдельные проблемные вопросы теории и практики

Кузнецов Павел Олегович, аспирант
Саратовская государственная юридическая академия

В уголовном праве под диспозицией принято понимать часть статьи Особенной части Уголовного кодекса, содержащую определение предусмотренного ею преступного деяния [5, с. 117].

Диспозиции статей уголовного законодательства в зависимости от избранного способа изложения делятся на описательные, ссылочные, бланкетные и простые.

В настоящий момент единого определения бланкетной диспозиции в науке уголовного права не разработано. А. В. Наумов под бланкетной диспозицией понимает такую диспозицию, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет признаки преступного деяния, а отсылает к другим законам или иным нормативным актам другой отрасли права (административного, гражданского и т. д.) [5, с. 118]. Давая определение бланкетной диспозиции, бланкетной норме, авторы аналогичным образом выделяют существенные черты данного термина. Нельзя не отметить, что некоторые авторы выделяют не только бланкетные диспозиции, но и диспозиции с бланкетными признаками [3, с. 78; 6, с. 9].

Под бланкетной нормой уголовного законодательства И. А. Михайлова понимает «норму уголовного закона, в которой один или несколько ее структурных элементов содержат признаки (признак), неяснимые без обращения к законам или другим нормативным правовым актам иных отраслей права» [4, с. 9]. Следует отметить обоснованность использования автором термина другие нормативные правовые акты, так как уголовный закон может отсылать не только к законам, но и подзаконным нормативно-правовым актам, в том числе и локальным.

Л. Р. Клебанов подчеркивает, что «бланкетность в уголовном праве проявляется в необходимости ссылки на нормы иной отраслевой принадлежности, в которых устанавливаются или конкретизируются признаки преступления» [3, с. 78–79].

Уголовное право в России осуществляет охрану закреплённых другими отраслями права общественных отношений. В связи с этим в уголовном праве нередко возникает необходимость использования отдельных положений иных отраслей права для толкования и применения отдельных (бланкетных) статей.

«В теории уголовного права бланкетной называется диспозиция, указывающая на ту отрасль права (за исключением уголовного), которая содержит нормы, за нарушение которых полагается уголовное наказание» [8, с. 73]. Полагаем, что данное определение не полно отражает сущность бланкетной диспозиции, потому что Уголовный кодекс не указывает, а отсылает к иным нормативно-правовым актам. Так как указание на отрасль права подразумевает под собой направление правоприменителя

к конкретной отрасли права, а может даже к нормативно-правовому акту. В бланкетной норме не всегда точно можно определить отрасль права, подлежащую применению, если, конечно, речь не идет о конкретном правонарушении.

Н. С. Боровиков отмечает, что «бланкетная норма не является самостоятельным регулятором общественных отношений и может выполнить свою роль социального регулятора только совместно с другой нормой» [2, с. 118].

Н. С. Боровиков выделяет основные отличия уголовно-правовой бланкетной нормы от иных бланкетных норм. К ним он относит:

- закрепление нормы в тексте Уголовного кодекса;
- «данная норма может содержать отсылку к нормативному правовому акту, содержащему правила, которые могут носить уголовно-правовой характер, так и не быть таковыми (например, правила дорожного движения);
- за нарушение таких норм предусмотрена уголовная ответственность;
- данная норма в большинстве случаев связана с нарушениями тех или иных правил, на которые она ссылается» [2, с. 118].

Но не со всеми особенностями, выделенными Н. С. Боровиковым, можно согласиться. Так, вызывает некоторые сомнения такая отличительная черта, как отнесение нормы к правовому акту, содержащему правила уголовно-правового или, наоборот, не уголовно-правового характера. В данном случае следует говорить, что Уголовный кодекс отсылает во всех случаях к нормативно-правовым актам не уголовно-правового характера, к актам, которые регулируют другие отношения, другие отрасли права, но при их применении могут быть, по нашему мнению, расценены, как источники уголовного права.

Заключительная особенность, рассматриваемая Н. С. Боровиковым, — нарушение правил, характерна не только для уголовного права, но и для административных правоотношений.

Н. С. Боровиков полагает, что бланкетной уголовно-правовой нормой является норма, «которая рассматривается как содержащаяся в уголовном законе правовая норма, дающая прямую или скрытую (косвенную) отсылку к определенным комплексным правилам локального характера, уяснение смысла и эффективная реализация которой без обращения к данным правилам невозможны» [1, с. 7]. Полагаем, что данное определение нельзя считать оптимальным, так как оно не лишено отдельных недостатков. Так, нельзя говорить о том, что в бланкетной уголовно-правовой норме есть отсылка только к правилам локального характера. Это существенно ограничивает рамки данного определения, потому что бланкетные нормы могут отсылать не только к подзаконным норма-

тивными правовыми актам, но и законам. И в данном случае более корректно говорить не о реализации бланкетной нормы права, а о ее применении.

Существование бланкетных норм в современном уголовном законодательстве обусловлено объективными причинами:

1) «функциональной связью охранительных уголовно-правовых норм с регулятивными нормами иных отраслей законодательства» [4, с. 9];

2) экономичностью законодательной техники. Бланкетные нормы невозможно сделать простыми или описательными, так как в большинстве своем их раскрывает множество других нормативно-правовых актов, которые учесть абсолютно все в уголовном законе не представляется возможным. Это бы повлекло увеличение Уголовного кодекса в объеме. К тому же все отрасли подвержены изменениям, в них появляются новые нормативно-правовые акты. А существование бланкетных норм обеспечивает эффективность уголовно-правовых норм, которые могут учитывать постоянные изменения в иных отраслях права, устанавливающие правила, за нарушение которых предусмотрена уголовная ответственность;

3) отсутствие бланкетных норм в Уголовном кодексе приведет к «необходимости дублирования в тексте уголовного закона норм других отраслей права» [4, с. 9];

4) все отрасли российского права, несмотря на свою самостоятельность, являются взаимосвязанными и нередко в одной отрасли права содержатся ссылки на другую.

В нормативных актах, к которым отсылают бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм могут содержаться как завершенное, так и незавершенное описание определенных компонентов состава преступления [7, с. 99]. Правила должного поведения закрепляются в них либо путем запрета совершать те или иные действия, либо путем закрепления должного поведения в той или иной ситуации. Такие акты издаются для регламентации конкретных правоотношений. Следует отметить, что такие правоотношения имеют важное значение для государства. Это подтверждает их уголовно-правовая охрана. Нормативно-правовые акты, к которым отсылает уголовное законодательство, носят самостоятельный характер и не зависят от Уголовного кодекса.

Наибольшие проблемы возникают при квалификации бланкетных норм. При ее осуществлении необходимо, прежде всего, не только установить фактические обстоятельства дела, но и уяснить содержание конкретной нормы, предусматривающей уголовную ответственность. При этом необходимо изучить не только норму Уголовного кодекса, но и иных отраслей права, подлежащих применению. Сотрудники правоохранительных органов очень часто сталкиваются со значительными затруднениями при применении бланкетных норм, так как здесь необходимо толкование и знание не только уголовного закона, но и нормативных правовых актов иных отраслей права. В связи с этим на практике допускаются ошибки, состоящие в неправильном применении норм иных отраслей права.

Следует согласиться с И. А. Михайловой в том, что определенную сложность при квалификации преступлений, предусмотренных бланкетными нормами, могут представлять и вопросы толкования этих норм, а также отсутствие единообразной устоявшейся судебно-следственной практики их применения [4, с. 4–5]. А в случаях, когда бланкетные нормы отсылают к иным отраслям законодательства, то и недостаточная осведомленность и опыт в этих отраслях. Но это не окончательный перечень проблем, которые возникают при квалификации бланкетных норм.

Сложности в квалификации преступлений, закрепленных бланкетными нормами, обусловлены следующим: 1) необходимость обращения к нормам иных отраслей права. Нередко поиск норм, подлежащих применению, в иных отраслях права занимает достаточно большое количество времени. Это может быть вызвано различными причинами, например, при квалификации деяния по ст. 216 УК РФ — в связи с отсутствием единого нормативно-правового акта, предусматривающего правила безопасного ведения горных, строительных и иных работ.

Важно отметить, что для правильной квалификации деяния необходимо не просто найти подлежащий применению нормативно-правовой акт, его статью, но и правильно их применить, а соответственно перед этим дать верное им толкование. Как подчеркивает И. А. Михайлова в правоприменительной практике большинство ошибок допускается именно при квалификации преступлений по статьям Уголовного кодекса РФ, содержащим бланкетные нормы, и в связи с их неправильным толкованием. И. А. Михайлова замечает, что бланкетные и бланкетно-оценочные нормы являются в правоприменительной практике трудно применимыми [4, с. 11].

Для квалификации деяния, конечно, необходимо установить не только акт, но и конкретную норму, подлежащую применению.

В данном случае уместна оговорка, что 1) акты, обладающие наименьшей юридической силой, могут применяться в том случае, если они не противоречат нормативным правовым актам большей юридической силы; 2) действующее законодательство не отличается стабильностью, в связи с этим правоприменитель должен быть особенно осторожен в выборе нормы права, подлежащей применению; 3) как правило, при расследовании отдельных категорий уголовных дел могут быть применены в каждом конкретном случае различные нормы, что создает проблемы разработки методических рекомендаций и препятствует принятию Постановления Пленума Верховного суда, которые смогли предусмотреть большинство ситуаций, близких к практике; 4) трудности применения норм иных отраслей права, возникающие у правоприменителей, работающих в основном с уголовно-правовыми нормами, их недостаточная осведомленность и опыт применения этих норм.

Но, тем не менее, об отмене бланкетных норм, исключении их из действующего Уголовного кодекса Российской Федерации не приходится вести речь. В данном случае необходимо повышать квалификацию сотрудников право-

охранительных органов, обобщать следственную и судебную практику по отдельным составам преступлений и делать ее доступной в средствах массовой информации,

разрабатывать методические рекомендации и создавать официальные разъяснения путем издания Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Литература:

1. Боровиков, Н. С. Бланкетные нормы в уголовном праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.
2. Боровиков, Н. С. Отсылочные и бланкетные уголовно-правовые нормы в системе связей между нормативными правовыми актами // Черные дыры. 2008. №4. с. 117–118.
3. Клебанов, Л. Р. Бланкетность уголовно-правовых норм и защита культурных ценностей // Журнал Российского права. 2009. №9. с. 78–88.
4. Михайлова, И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
5. Наумов, А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 2 т-х. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 2004. 496 с.
6. Пикуров, Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. 48 с.
7. Соколов, В. В. Принцип «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» и бланкетные диспозиции уголовного закона // Советское государство и право. 1980. 12 дек. с. 96–99.
8. Тарбагаев, А., Тарбагаева Е. Особенность применения бланкетных норм при квалификации преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ // Уголовное право. 2010. №2. с. 73–76.

Тенденции гуманизации уголовного судопроизводства в условиях современных судебно-правовых реформ в Республике Узбекистан

Маткаримов Кудрат Каландарович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник-соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

После обретения независимости в целях формирования демократического правового государства в Узбекистане реализована совершенно новая концепция строительства судебной системы, проведена масштабная работа по укреплению независимости и самостоятельности судебной власти, повышению его роли в обеспечении законности и прав и свобод граждан, как составной части процессов демократизации и либерализации судебной системы.

За годы независимости сформирована прочная законодательная основа судебной деятельности, предусматривающая комплекс структурных, социально-экономических, политических, правовых, организационно-кадровых, процессуальных и других гарантий прав и свобод граждан. В частности, Конституцией Республики Узбекистан, Уголовно-процессуальном кодексе, и законами «О Конституционном суде Республики Узбекистан», «О судах» (новая редакция), «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» и «О прокуратуре» (новая редакция) установлены и задействованы эффективные юридические и процессуальные гарантии прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве.

Воплощая в себе передовые национальные и общечеловеческие ценности, Конституция Республики Узбе-

кистан служит надежной правовой гарантией судебной защиты прав и свобод человека, в которой установлен порядок и принципы организации деятельности судебных органов, их система и полномочия, а также важнейшие процессуальные основы судопроизводства, гарантирующие защиты прав граждан. Признание, соблюдение и защита конституционных естественных прав человека государством делают уголовный процесс защитительным. Основным элементом сущности уголовного процесса в данном контексте должен стать сам способ (надлежащая правовая процедура) защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (1, 12 с).

Анализ конституционно-правовых основ защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе свидетельствует, что они в Конституции изложены под различными юридическими категориями. Так, они могут быть выражены в конституционных правилах и положениях (ст. 11, 13, 15 и 18 Конституции РУз), в правах и свободах, законных интересах человека и гражданина [2, 16–28 с] (ст. 24, 25, 44) и в конституционных гарантиях [3, 15 с] (ст. 43), в юридических запретах (ст. 44) и ответственности [4, 40 с].

Совершенствование системы судебной защиты прав и свобод граждан — важнейшее концептуальное направ-

ление судебной реформы. В соответствии с Концепцией дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране принят Закон Республики Узбекистан от 18 сентября 2012 года, согласно которому внесены изменения в уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающие исключение из полномочий суда несвойственных ему функций, таких как возбуждение уголовного дела, оглашение по нему обвинительного заключения, что обеспечивает дальнейшего гуманизации уголовного судопроизводства, в частности, объективность и беспристрастность суда в уголовном процессе.

Одной из главных задач современного правового государства является защита прав и свобод человека, важнейшей гарантией которого является судебная власть. С целью дальнейшего укрепления судебной власти, повышения её роли во всесторонней защите прав и свобод человека проводится последовательные реформы в судебно-правовой сфере. Права и интересы человека выступают главным объектом защиты в уголовном процессе. Основная роль в этом отводится суду. Уголовный процесс как деятельность государственных органов и традиционные уголовно-процессуальные механизмы, обеспечивают требуемый конституционными и международными стандартами защиты прав человека (5, 5 с).

В целях полноценного обеспечения судебной защиты прав и свобод человека, последовательно укреплялись гарантии независимости и самостоятельности судов в отправлении правосудия и расширялись полномочия судов в сфере судебного контроля над следствием на стадии досудебного производства. В частности, принципиальным шагом в этой сфере стало введение в национальное законодательство института «Хабас корпус» — передача судам права выдачи санкции на заключение под стражу, применения таких мер процессуального принуждения, как отстранение от должности и помещение лица в медицинское учреждение, что сыграло огромную роль в дальнейшей демократизации национальной судебно-правовой системы.

Необходимо отметить, что независимость, самостоятельность и компетентность судебной власти является важнейшей гарантией судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Исходя из этого, реализация широкомасштабных задач по реформированию судебно-правовой системы неразрывно связана с повышением профессиональной квалификации работников данной сферы. Учитывая важность создания эффективной, отвечающей современным демократическим требованиям системы подбора и расстановки судейских кадров в укреплении независимости и авторитета судебной власти, были приняты указы Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному улучшению социальной защиты работников судебной системы» от 2 августа 2012 года и «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности судов» от 30 ноября 2012 года.

С принятием вышеуказанных актов реализованы дополнительные меры стимулирования деятельности судов, в частности, значительно расширились социальные и пра-

вовые гарантии независимости судебной власти, реализованы меры по защите социального статуса работников судебных органов, укреплению резерва кандидатов в судьи, повышению квалификации работников судов и усовершенствованию системы их обучения, а также определены важные задачи по кардинальному улучшению качества подготовки кадров, отвечающих современным требованиям. Положительную роль в этом вопросе также сыграло Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по улучшению социальной защиты судей и организационных основ обучения кандидатов на эту должность» от 2 августа 2013 года, которым установлены дополнительные гарантии для обучающихся кандидатов.

Важными факторами, существенно влияющими на уровень осуществления правосудия, являются профессиональная переподготовка и повышение квалификации судей. В связи с этим, Распоряжением Президента Республики Узбекистан от 29 декабря 2012 года о совершенствовании деятельности Высшей квалификационной комиссии по отбору и рекомендации на должности судей при Президенте Республики Узбекистан коренным образом улучшена и усовершенствована система, организационно-правовые механизмы отбора, подготовки кандидатов на должности судей, значительно усилена роль Высшей квалификационной комиссии в решении поставленных задач, что имеет важное значение в дальнейшем обеспечении подлинной независимости судебной власти.

Следует отметить, что меры по совершенствованию структуры, организационных основ деятельности судов, укреплению их кадрового потенциала как важнейшей составляющей процесса демократизации судебно-правовой системы способствовали дальнейшему углублению судебно-правовых реформ. В этой связи важнейшим шагом в практическом осуществлении судебной реформы стало принятие Указа Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию и повышению эффективности деятельности районных и городских судов общей юрисдикции» от 4 октября 2013 года, который служит дальнейшему совершенствованию, повышению эффективности деятельности судов, обеспечению качественного отправления ими правосудия, надежной защите прав и законных интересов граждан.

Более того, принятые меры по совершенствованию процессуальных основ отправления правосудия, организационно-правовых механизмов правоприменения, поэтапному внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в судебную деятельность способствовали обеспечению доступности правосудия, повышению оперативности судопроизводства, а также роли суда в обеспечении законности. Принимаемые меры в данной сфере создают необходимые предпосылки для полной информатизации судов, что, в свою очередь, ускорит внедрение электронного судопроизводства в стране и позволит снизить нагрузку на судей и стороны судебного разбирательства.

Следует отметить, что в этом направлении уже сделаны конкретные шаги. В частности, большое практическое

значение имеет принятие Постановления Правительства «О мерах по внедрению в деятельность судов современных информационно-коммуникационных технологий» от 10 декабря 2012 года, которым была утверждена Программа внедрения в деятельность судов современных информационно-коммуникационных технологий. Данной программой предусмотрены меры по проведению анализа состояния внедрения и развития информационно-коммуникационных технологий и развитие его инфраструктуры, разработка и внедрение информационных систем, повышение качества предоставляемых интерактивных услуг, а также внедрение безопасных систем электронного документооборота.

Вышеуказанные свидетельствуют о том, что судебная защита, являясь превосходным способом государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, представляет собой эффективный механизм правовой защиты личности в уголовном процессе. Нами предлагается

расширить компетенцию суда, чтобы только он разрешал произвести обыск, а также осмотр жилища при несогласии проживающих в нем лиц, и ряда других процессуальных следственных действий, что способствует дополнительной защите прав и свобод граждан в уголовном процессе.

В заключении хотелось бы отметить, что проводимые в Узбекистане судебно-правовые реформы будут способствовать повышению качества правосудия и эффективности работы судей, улучшению механизмов судебной системы на новом уровне, обеспечат соблюдение принципа публичности судебного разбирательства, повысят степень прозрачности, доступности, открытости и эффективности правосудия, независимость судебной власти и, что самое главное, послужит полной, всесторонней и еще более эффективной защите прав и свобод человека, и дальнейшего гуманизации уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Нозиров, Н. А. Охрана прав и свобод человека и гражданина. Автореф. дисс...канд. юрид. наук. — М., 2006. — 28 с.
2. Дмитриев, Ю. А. Правовое положение человека и гражданина в Российской Федерации. Учебное пособие. — М., 1992. — с. 16–28.
3. Гельдибаев, М. Х. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — СПб., 2001. — с. 15.
4. Рустамбоев, М. Х., Алламуратов А. Т. Ўзбекистон Республикаси Конституцияси ва суд ҳокимияти/Масъул муҳаррир юридик фанлари доктори, профессор А. Х. Саидов. — Тошкент: ТДЮИ, 2005. — 40 б.
5. Искандаров, З. Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: Дисс. ... докт. юрид. наук. — Душанбе: ТНУ, 2010. — 405 с.

Понятие и правовая природа уголовно-процессуального иммунитета

Саламатова Екатерина Игоревна, магистрант;

Сидорова Наталья Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Легальное определение термина «иммунитет» в российском законодательстве отсутствует, что вызывает много вопросов о сущности и природе данного понятия. Усложняется это тем, что и ученые-юристы не пришли к единому мнению относительно трактовки данного правового феномена.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 27.12.2012 №34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» затрагивает понятие «иммунитет», однако толкования ему не дает, а отождествляет его с термином «неприкосновенность».

Термин «иммунитет» происходит от латинского слова «immunitas» — освобождение от чего-либо, и означает

исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, предоставленное лицам, занимающим особое положение в государстве [11, с. 244].

Кузнецов В. В. дает следующее определение иммунитету: это общеправовой термин, означающий освобождение определенного круга субъектов права из-под действия общих норм [6, с. 111].

Красильников А. В. определяет иммунитет как специальные нормы права, устанавливающие требование об изъятии отдельных категорий лиц, обладающих достаточной правоспособностью для реализации общей отраслевой право-субъектности, из сферы действия соответствующей отрасли права и прекращении (разрыве) конкретного правоотношения возникшего в связи с юридическим фактом при участии указанных лиц [5, с. 5]. Он также поясняет, что реализация иммунитета не улучшает правовое положение субъекта правоотношения, а прекращает (разрывает) конкретное правоотношение, воз-

никшее по поводу юридического факта, и изымает лицо из сферы действия соответствующей отрасли права либо юрисдикции государства в целом [5, с. 11]. С данной точкой зрения нельзя согласиться по следующей причине. К примеру, свидетель, реализуя свой иммунитет, отказывается от дачи показаний против близкого родственника, но данный отказ не влечет за собой прекращения уголовно-процессуальных отношений, лицо продолжает оставаться в статусе свидетеля по уголовному делу, а значит, уголовно-процессуальные нормы по-прежнему распространяют своё действие на данные отношения.

Полагаем, что некоторые авторы, например, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин, в своих трудах [10, с. 564] ошибочно отождествляют понятие «иммунитет» с правовой неприкосновенностью. К примеру, обвиняемый по уголовному делу не обладает таким свойством как правовая неприкосновенность (в отношении него не установлено особых правил привлечения к уголовной ответственности и проведения определенных следственных действий), но он вправе не свидетельствовать против себя, то есть отказаться от дачи показаний на законных основаниях. Ввиду этого, иммунитет и правовая неприкосновенность не являются эквивалентными понятиями, иммунитет включает в себя неприкосновенность как один из его элементов.

Чтобы раскрыть правовую природу уголовно-процессуального иммунитета, необходимо, в первую очередь, соотнести его с такими понятиями, как «льгота» и «привилегия». Являются ли данные понятия тождественными, или они различны, или же одно из них включает другое? Юридическая литература не дает нам однозначного ответа на данный вопрос. Так, Ф. А. Агаев, В. Н. Галузо в своей работе утверждают, что под иммунитетом (они приводят пример дипломатического иммунитета) необходимо понимать освобождение от юрисдикции государства, в то время как привилегии есть дополнительные льготы и преимущества [2, с. 10–11]. При этом они указывают, что допустимо определять иммунитет как включающее в себя и привилегии.

Малько А. В., наоборот, считает, что иммунитет есть разновидность привилегий, которые в свою очередь являются разновидностью льгот, причем привилегии имеют воплощение в положительных льготах, тогда как иммунитет проявляет себя в виде отрицательных льгот [3, с. 65]. В данном определении автор противоречит сам себе, если иммунитеты являются отрицательными льготами, как они могут быть разновидностью положительных льгот (привилегий)?

Согласно Толковому словарю русского языка, привилегия происходит от латинского слова «privilegium», что означает преимущественное право, льгота [8, с. 588]. Привилегии всегда связаны с предоставлением лицу дополнительных преимуществ, они создают режим наибольшего благоприятствования, тогда как иммунитет освобождает лицо от определенных обязанностей или предоставляет право не подчиняться общим законам государства. С нашей точки зрения, главное отличие иммунитета от привилегии заключается в том, что иммунитет есть ис-

ключение из общих правил, тогда как привилегия, не изменяя общего правила, предоставляет дополнительные преимущества отдельным категориям лиц. Также необходимо отметить, что иммунитет устанавливает определенные изъятия только в сфере реализации юридической ответственности, тогда как привилегии могут подразумевать и иные материальные и социальные блага.

Становление и развитие института уголовно-процессуального иммунитета было обусловлено многими социально-историческими детерминантами. Предпосылками установления процессуального иммунитета, является, во-первых, существовании в обществе таких социальных норм, как норм морали, которые обеспечивают охрану института семьи и определенные личные отношения между субъектами, во-вторых, признание общепризнанных принципов и норм между-народного права составной частью правовой системы Российской Федерации, и в-третьих, необходимость обеспечить некоторым категориям лиц возможность эффективно выполнять возложенные на них полномочия, обеспечить повышенную охрану законом соответствующего субъекта.

Иммунитет является сложным правовым феноменом и включает в себя такие категории как правовая неприкосновенность и неответственность [9, с. 26]. Правовая неприкосновенность подразумевает под собой усложненный порядок привлечения к ответственности (например, особый порядок возбуждения дела, заключения под стражу в отношении судьи). «Неответственность» включает в себя освобождение определенных лиц от выполнения юридических обязанностей (свидетельский иммунитет) или от ответственности (индемнитет).

Устанавливая процессуальный иммунитет, законодатель делает некое отступление от общеправового принципа равенства всех перед законом и судом, но данное отступление нельзя расценивать как дискриминацию, так как, во-первых, данное отступление предусматривается Конституцией РФ, нормами международного права, федеральными конституционными законами, федеральными законами, во-вторых, иммунитет характеризует специальный статус лица, а не носит персонифицированный характер, и, в-третьих, установление иммунитета служит публичным интересам, обеспечивает возможность выполнять указанными лицами надлежащим образом свои обязанности [7, с. 38–39].

Дементьев И. Д. высказывает мысль, что уголовно-процессуальный иммунитет следует отграничивать от других исключений, схожих с ним. К ним он относит производство по делам несовершеннолетних и применение принудительных мер медицинского характера. Главным отличием И. Д. Дементьев называет то, что «исключительные производства либо связаны с психофизиологическими особенностями человека (несовершеннолетних, душевнобольных), либо требуют ускоренного, упрощенного судопроизводства в случаях совершения малозначительных преступлений». В то время как иммунитет «имеет место тогда, когда исключения из общего порядка уголов-

ного судопроизводства не вытекают из рассмотренных обстоятельств и не зависят от психофизиологических аспектов личности» [4, с. 13–14].

На основании вышеизложенного можно дать следующее определение уголовно-процессуальному иммунитету. Иммуниет в уголовном процессе — это самостоятельный правовой институт, представляющий собой совокупность процессуальных норм, связанных с установлением определенных изъятий из общего порядка уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий

лиц, указанных в законах или международных актах.

Иммуниет ни в коем случае нельзя рассматривать как препятствие для привлечения лица к установленной законом ответственности или как возможность избежать ее. Закон, практически в отношении всех категорий лиц, обладающих иммунитетом, предусматривает механизм преодоления «барьеров», препятствующих привлечению лица к уголовной ответственности, то есть, иммуниет является преодолимой преградой для применения к лицу мер, ограничивающих права личности.

Литература:

1. По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. №34-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. №1. Ст. 78.
2. Агаев, Ф.А. Иммунитеты в российском уголовном процессе: Монография/Ф.А. Агаев, В.Н. Галузо. — М.: ТЕИС, 1998. — 135 с.
3. Большой юридический словарь/под ред. А.В. Малько, М.: Проспект, 2009. — 502 с.
4. Дементьев, И.Д. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных иммунитетов/И.Д. Дементьев // Российский следователь. — 2008. — №10. — с. 11–14.
5. Красильников, А.В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/А.В. Красильников. — Академия управления МВД России. — М., 2006. — 22 с.
6. Кузнецов, В.В. Юридический словарь/В.В. Кузнецов. — 2-е изд. — Ростов на Дону: Феникс, 2010. — 314 с.
7. Мельников, В.Ю. Гарантии прав личности в уголовном процессе/В.Ю. Мельников // Российский судья. — 2008. — №3. — с. 36–39.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
9. Сопельцева, Н.С. Понятие правового иммунитета в российском законодательстве/Н.С. Сопельцева // Вестник Челябинского университета. Сер. 9. Право. — 2003. — №2. — с. 22–28.
10. Сравнительное конституционное право/В.Е. Чиркин [и др.]. — М.: Манускрипт, 1996. — 729 с.
11. Юридический словарь/под ред. А.Н. Азрилияна. — 2-е изд. — М.: Институт новой экономики, 2009. — 1152 с.

Система отдельных категорий уголовных дел в уголовном процессе: национальный и зарубежный опыт

Сахаддинов Салохиддин Мансурович, кандидат юридических наук, самостоятельный соискатель Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

Обеспечение верховенства закона, надежная защита прав и свобод человека стали основной целью реформ, осуществляемых в годы независимости в судебно-правовой сфере. При этом особое внимание уделяется формированию и последовательной либерализации правовой базы судебной системы, укреплению независимости и повышению ответственности судов.

Реформирование судебно-правовой сферы является одним из важнейших направлений строительства демократического правового государства. Данному направлению отведено особое место в Концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования

гражданского общества в стране, представленной Президентом на совместном заседании палат парламента 12 ноября 2010 года [1].

В этом программном документе выдвинут ряд законодательных инициатив, в том числе, направленных на дальнейшую демократизацию судебно-правовой сферы и решение таких важнейших задач, как обеспечение надежной защиты прав и свобод граждан, последовательное расширение полномочий судебной власти, усиление судебного контроля над досудебным производством, расширение сферы применения института «хабеас корпус», обеспечение независимости, объективности, беспристрастности суда,

усиление принципа состязательности в уголовном процессе.

Разработанный в соответствии с Концепцией Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим реформированием судебно-правовой системы» стал еще одним практическим шагом в осуществлении реформ [2]. В соответствии с ним установлен судебный порядок применения мер процессуального принуждения в виде отстранения обвиняемого от должности и помещения лица в медицинское учреждение, что соответствует передовому зарубежному опыту, таких стран как США, Германия, Франция, Япония, Республика Корея и Россия.

В ходе судебно-правовых реформ существенные изменения произошли и в системе отдельных категорий уголовных дел в уголовном процессе. В частности, раздел 13 УПК РУз был дополнен новыми главами — «Производство по делам о примирении» в 29 августа 2001 года, и «Применение акта амнистии на стадии досудебного производства» в 22 декабря 2008 года. Спецификами данных видов особого производства являются то, что в случаях, если имеется достаточное основание, применяется упрощенный порядок судопроизводства (то есть, дознания, предварительное расследование не производится) и дело направляется в суд. В свою очередь, судебное заседание по данным категориям дел отличается своей упрощенности и завершается внесением определения, а не приговора.

Подобным образом в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан закрепляет четыре категории уголовных дел, подлежащих отдельному производству: производство по делам о преступлениях несовершеннолетних (глава 60 УПК РУз), производство по делам о применении принудительных мер медицинского характера (глава 61 УПК РУз), производство по делам о примирении (глава 62 УПК РУз), применение акта амнистии на стадии досудебного производства (глава 63 УПК РУз).

Вместе с тем, возникает необходимость в изучении опыта зарубежных стран в этой сфере в целях дальнейшего совершенствования процессуальных основ уголовного судопроизводства по данным категориям дел. В частности, УПК Республики Азербайджан [3] от 14 июля 2000 года, закрепляет специфический комплекс системы отдельных категорий уголовных дел. Итак, главой 39 УПК определен порядок упрощенного досудебного производства по явным преступлениям, не представляющим большую общественную опасность. В соответствии со ст. 293 жалоба по явному преступлению, не представляющая большую общественную опасность, подается потерпевшим, его законным представителем или представителем в письменной или устной форме по преступлениям, предусмотренным статьей 214.4. УПК, дознавателю, следователю или прокурору, осуществляющему процессуальное руководство предварительным расследованием. Данное производство характеризуется ограниченностью круга проводимых следственных действий, т. е. необходимые обстоятельства

дел устанавливаются путем допроса потерпевшего, лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, свидетелей и других лиц, а также путем затребования необходимых справок, а также, проведением неотложных следственных действий.

Далее, раздел десятый УПК Республики Азербайджан посвящен вопросам особенности производства в отношении лиц некоторых категорий. В частности, глава 50 данного раздела регулирует особенности производства в отношении несовершеннолетних. В отличие от уголовно-процессуальных законодательств других стран СНГ, в нем определено понятие несовершеннолетние, и согласно ч. 2 ст. 428 под несовершеннолетними в уголовном процессе подразумеваются лица, которые к моменту совершения преступления не достигли возраста восемнадцати лет. Более того, процессуальным законодательством установлены такие особенности производства в отношении несовершеннолетних, как необходимость установления дополнительных обстоятельств по данным категориям дел; обязательность проведения предварительного следствия; предварительное следствие в отношении несовершеннолетнего должно вестись специальными подразделениями соответствующих органов предварительного следствия или лицами, обладающими соответствующим опытом работы с несовершеннолетними; производство должно вестись без допущения какого-либо затягивания; обязательное участие защитника по данным категориям дел; контакты между несовершеннолетним и следователем во время предварительного следствия осуществляются с условием учета обстоятельств дел в надлежащем порядке, уважительного отношения к несовершеннолетнему, способствования благополучию несовершеннолетнего и недопущения причинения ему ущерба; должны соблюдаться основные процессуальные гарантии — право на получение информации о выдвинутом обвинении, право на отказ от дачи показаний, право на защиту, право на участие родителей или других законных представителей, право на конфиденциальность; обязательное участие педагога или психолога при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет, имеющего признаки слабоумия; особенности задержания несовершеннолетнего; особенности применения к несовершеннолетнему меры пресечения в виде ареста; особенности судебного разбирательства по уголовному делу, связанному с преступлением, совершенным несовершеннолетним и др.

Глава 51 данного раздела устанавливает особенности производства в отношении лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом, установленными международными договорами, согласно которому при наличии четко выраженного согласия соответствующего иностранного государства или международной организации лица, обладающие правом дипломатического иммунитета, могут подпадать под юрисдикцию Азербайджанской Республики (ст. 436). Лица, пользующиеся правом дипломатического иммунитета (руководители дипломатических представительств иностранных государств, члены дипломатического персонала

этих представительств и члены их семей, сотрудники административно-технического персонала дипломатических представительств, сотрудники обслуживающего персонала дипломатических представительств, дипломатические курьеры, руководители консульств и другие должностные лица консульства, представители иностранных государств, члены парламентских и правительственных делегаций, равно как сотрудники делегаций иностранных государств, руководители, члены и персонал представительств иностранных государств в международных организациях, руководители дипломатических представительств иностранных государств в третьих странах, проезжающие транзитом) имеют право личной неприкосновенности, и не могут быть задержаны или арестованы, принуждены к дачи показания.

Раздел одиннадцатый УПК Республики Азербайджан посвящен особому производству, и его глава 52 закрепляет вопросы осуществления судебного надзора. Данная глава устанавливает общие положения по осуществлению судебного надзора, согласно которому, судебный надзор осуществляет в рамках своих полномочий соответствующий суд первой инстанции по месту принудительного проведения следственных действий, применения меры процессуального принуждения или осуществления оперативно-розыскной меры. В порядке осуществления судебного надзора суд рассматривает: ходатайства и представления по принудительному проведению следственных действий, применение мер процессуального принуждения или осуществлению оперативно-розыскных мер в связи с сообщениями об ограничении права каждого на свободу, неприкосновенность жилья, личную неприкосновенность, сохранение личной тайны (в том числе тайны семейной жизни, корреспонденции, телефонных переговоров, почтово-телеграфных и иных сообщений), равно как содержащими государственную, профессиональную или коммерческую тайну; жалобы по процессуальным действиям или постановлениям органа, осуществляющего уголовный процесс.

Глава 54 УПК Республики Азербайджан регулирует особое производство, как производство по вновь открывшимся обстоятельствам. Основаниями для рассмотрения приговоров или постановлений суда по вновь открывшимся обстоятельствам являются: установленная вступившим в законную силу приговором или постановлением суда заведомая ложность показаний потерпевшего, свидетеля, заключения эксперта, перевода переводчика, подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов, повлекшие вынесение неправильного (ошибочного) приговора или постановления и др. (ст. 461).

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Азербайджан в систему отдельных категорий уголовных дел также относит производство по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости (глава 55) и производство по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, заболевших психической болезнью после

совершения преступления (глава 56). Особенности производства по данным категориям дел являются обязательное участие защитника, а также допускается участие законного представителя. Далее в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости, могут применяться следующие меры безопасности: передача больного под присмотр родственников, попечителей и опекунов с уведомлением органов здравоохранения; помещение больного в специальное медицинское учреждение (психиатрический стационар).

Вместе с тем, производство по оказанию правовой помощи по уголовным делам (глава 57) и производство в порядке исполнения приговоров или иных итоговых судебных решений (глава 58) также относятся к отдельным категориям уголовных дел.

Отсюда следует, что УПК Республики Азербайджан выделяет следующие видов отдельных категорий уголовных дел: 1) упрощенное досудебное производство по явным преступлениям, не представляющим большой общественной опасности (глава 39); 2) производство в отношении лиц некоторых категорий (раздел 10, глава 50 — производство в отношении несовершеннолетних, глава 51 — производство в отношении лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом, установленными международными договорами); 3) особое производство (раздел 11, глава 52 — осуществление судебного надзора, глава 54 — производство по вновь открывшимся обстоятельствам, глава 55 — производство по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости, глава 56 — производство по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления, глава 57 — производство по оказанию правовой помощи по уголовным делам, глава 58 — производство в порядке исполнения приговоров или иных итоговых судебных решений).

Раздел 13 УПК Армении [4] от 1 сентября 1998 года также устанавливает особенности производства по отдельным категориям уголовных дел. В частности, в главе 50 определяются особенности производства по делам несовершеннолетних. В соответствии со ст. 440 кроме обстоятельств, подлежащих установлению по всем делам, по делам несовершеннолетних необходимо также выяснить: возраст несовершеннолетнего (день, месяц, год рождения), условия жизни и воспитание несовершеннолетнего, состояние здоровья и общего развития несовершеннолетнего. Особенности производства по делам несовершеннолетних также можно выделить участие законного представителя несовершеннолетнего в рассмотрении дела, специфический порядок применения к несовершеннолетнему в качестве меры пресечения заключения под стражу, наличие возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания с применением мер принуждения воспитательного характера.

Глава 51 данного раздела устанавливает особенности производства по делам лиц, пользующихся привилегиями

и иммунитетом, установленными международными договорами. Согласно ему, дипломатическим иммунитетом пользуются главы дипломатических представительств иностранного государства, члены дипломатического персонала этих представительств и члены их семей, на основе взаимности, — сотрудники административно-технический и обслуживающий персонал, дипломатические курьеры, главы и другие должностные лица консульских учреждений, представители иностранных государств, члены парламентских и правительственных делегаций, главы, члены и персонал представительств иностранных государств в международных организациях и др. (всего 8 категорий). Данные лица пользуются правом личной неприкосновенности, иммунитетом от уголовного преследования, привилегией при даче показаний, неприкосновенности помещений и документов.

В Армении также вопросам особого производства посвящен специальный раздел 14, главы 52–53 которого регулируют вопросы производства по применению принудительных мер медицинского характера к невменяемым и к лицам, заболевшим психической болезнью после происшествия. Согласно ему, принудительные меры медицинского характера применяются судом по отношению к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, если эти лица продолжают представлять опасность для общества (ст. 450). В Армении участие защитника является обязательным с момента возбуждения производства по применению принудительных мер медицинского характера (ст. 454). Кроме того, по постановлению следователя, прокурора, суда допускается участие законных представителей (ст. 455).

Одним из положительных опытов, имеющегося в уголовно-процессуальном законодательстве Армении можно отметить конкретное установление в отдельной статье прав лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера (ст. 456). Итак, лицо, по отношению к которому ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, пользуется всеми правами обвиняемого. Он вправе в зависимости от степени и характера заболевания: знать, совершение какого общественно опасного деяния ему вменяется, иметь защитника, давать объяснения, представлять доказательства, с разрешения следователя участвовать в следственных действиях, знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он участвовал, и подавать замечания относительно полноты и достоверности записей в протоколах, заявлять ходатайства и отводы, по окончании производства по делу знакомиться со всеми материалами дела и делать выписки без ограничения их объема, получать копию постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, участвовать в судебном разбирательстве, в исследовании доказательств, знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать замечания.

Согласно УПК Армении к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, могут быть применены следующие меры безопасности: 1) пере-

дача больного под присмотр родственников, попечителей, опекунов, с уведомлением органов здравоохранения; 2) помещение в психиатрическую больницу (ст. 457).

Далее отношения судов, прокуроров, органов дознания с соответствующими учреждениями и должностными лицами иностранного государства в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам также относится к одним из видов особого производства (глава 54). В рамках данной главы урегулированы такие вопросы, как дача поручений о производстве процессуальных действий, содержание поручения о производстве процессуальных действий, вызов и допрос свидетеля, потерпевшего, гражданского ответчика, гражданского истца, их представителей, эксперта, исполнение поручений о процессуальных действиях, направление материалов дела для продолжения уголовного преследования, исполнение просьбы о продолжении уголовного преследования или возбуждении уголовного преследования, экстрадиция, поручение об осуществлении производства по уголовному делу, обязательность уголовного преследования и др.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [5] от 16 июля 1999 года также закрепляет особенности производства по отдельным категориям уголовных дел на уровне отдельного раздела. Глава 44 данного раздела к особому производству относит производство по уголовным делам частного обвинения. Согласно ему, уголовное дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, его законным представителем, представителем юридического лица путем подачи в районный (городской) суд заявления. С момента принятия судом заявления лицо, подавшее его, является частным обвинителем, а лицо, в отношении которого подано заявление, — обвиняемым (ст. 426). Суд, имеет право: возвращать заявление его заявителю для приведения в соответствие с установленными требованиями и устанавливает для этого срок до десяти суток; направлять заявление в орган дознания для проведения проверки, получения объяснений, заключений специалистов и иных данных, которая должна быть закончена в срок до десяти суток; прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон, если от них поступило соответствующая заявления (ст. 427). Судебное разбирательство должно быть начато не позднее четырнадцати суток с момента принятия судом заявления или материалов проверки, если она проводилась (ст. 428).

Глава 45 УПК Беларусь посвящена производству по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. Положительной по нашему мнению является норма уголовно-процессуального законодательства, которая устанавливает, что уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних, либо судьями, имеющими специальную подготовку.

В то же время УПК Беларусь устанавливает специфический порядок вызова несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, согласно которому, вызов несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся

под стражей, к следователю или в суд производится через их родителей или других законных представителей, а если несовершеннолетний содержится в специальном детском учреждении, — через администрацию этого учреждения.

Также, в нем закреплено, что допрос несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день (ст. 434). Необходимо отметить что, в ст. 553 УПК Республики Узбекистан установлено, что общая продолжительность допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в течение дня не должна превышать шести часов, не считая перерыва для отдыха и принятия пищи на один час.

Также, участие защитника, педагога или психолога является обязательным при допросе несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого, которые вправе с разрешения следователя, прокурора задавать вопросы подозреваемому или обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей (ст. 435).

В отличие от уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан, УПК Беларусь предусматривает, что при наличии у несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого родителей или других законных представителей их участие в уголовном деле обязательно. Законный представитель допускается к участию в уголовном деле постановлением следователя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого (ст. 436).

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь к данным категориям дел также относит производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения (глава 46) и ускоренное производство (глава 47). Ускоренное производство проводится по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, в случаях, когда факт преступления очевиден, известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает своей причастности к совершению преступления, орган дознания немедленно приступает к ускоренному производству. Орган дознания при ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела в течение семи суток получает объяснения от лица, совершившего преступление, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления, истребует справку о наличии или отсутствии судимости у лица, совершившего преступление, характеризующие данные о личности и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании. У лица, совершившего преступление, берется обязательство являться

по вызовам органа дознания и суда и сообщать им о перемене места жительства. Ускоренное производство должно быть закончено не позднее десяти суток со дня поступления в орган дознания заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь в отличие от законодательства большинства стран СНГ отдельному производству выделено производство по возмещению вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс (глава 48). Данной главой урегулированы вопросы вреда, подлежащий возмещению, лица, имеющие право на возмещение вреда, порядок возмещения вреда, возмещение физического вреда, имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, меры по восстановлению иных прав, сроки предъявления требований и обжалование решения о возмещении вреда.

Таким образом, можно отметить, что в Республике Беларусь установлена следующая система отдельных категорий уголовных дел: 1) производство по уголовным делам частного обвинения; 2) производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до семнадцати лет; 3) производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения; 4) ускоренное производство; 5) производство по возмещению вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс; 6) производства в отношении лиц некоторых категорий.

В заключении, исходя из положительного зарубежного опыта, хотелось бы отметить ряд предложений по усовершенствованию национального процессуального законодательства, в частности по внедрению в уголовной процесс ускоренного производства; установление обязательности участие педагога и психолога по делам несовершеннолетних; расширение круга обстоятельств, подлежащих установлению по делам несовершеннолетних; закрепление в законодательстве порядок, согласно которому дела по несовершеннолетним будут рассмотрены специальными ювенальными судами или же судьями, прошедшими соответствующую подготовку; установить особенности вызова несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых; уменьшить до четырех часов срок допроса несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых; установить на законодательном уровне особенности производства по уголовным делам лицам, имеющим иммунитет по международным договорам; закрепить в отдельную статью права лиц, в отношении которых ведется дело по применению меры принуждения медицинского характера.

Литература:

1. Каримов, И. А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране: Доклад Президента Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан (12 ноября 2010 года) // www.press-service.uz

2. Закон Республики Узбекистан от 18.09.2012 г. N ЗРУ-335 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим реформированием судебно-правовой системы» // Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2012 г., N 9/2, ст. 244.
3. УПК Республики Азербайджан // База данных законодательство стран СНГ — www.base.spininform.ru
4. УПК Армении // База данных законодательство стран СНГ — www.base.spininform.ru
5. УПК Республики Беларусь // База данных законодательство стран СНГ — www.base.spininform.ru

Юридическая фикция в законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

Тарасенко Виталий Викторович, аспирант
Воронежский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы законодательной конструкции уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Ключевые слова: юридическая фикция; законодательство, общественные отношения, уголовно-правовая норма, потерпевший.

The article examines the legal structure of Criminal Law of the Institute for exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victims.

Keywords: legal fiction; law, public relations, criminal law provision, the victim.

Юридическая фикция представляет собой правовую категорию, использование которой в законодательной и правоприменительной практике осуществляется уже на протяжении многих веков. Анализируя действующее российское законодательство, можно обнаружить множество примеров использования правовых фикций. Некоторые базовые положения основ современного законодательства берут начало от фиктивных предположений, например: если не будет доказано противное, каждый считается честным; если не доказан злой умысел, всегда предполагается добросовестность и др.

Используя фикцию, законодатель экономит правовой материал, распространяя один и тот же правовой режим на несколько правовых явлений. Можно согласиться с тем, что юридические фикции сходны с такой математической категорией, как мнимые величины — не существующие в действительности, но позволяющие решать самые разнообразные прикладные и теоретические задачи [1]. Как верно подметил в «Диалектике природы» Ф. Энгельс «... если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [2].

Исследование проблемы правовых фикций осуществлялось до недавнего времени в основном исследователями гражданского права, которые рассматривали фикцию, как прием юридической техники [3]. Современные авторы рассматривают фикцию, как нормативное предписание, кроме того в настоящее время исследование правовых фикций осуществляется не только теоретиками-цивили-

стами, но и исследователями других отраслей права, в том числе в рамках уголовного права [4]. В данной научной статье предпринята попытка рассмотрения роли и значения юридической фикции именно в уголовном праве, на примере освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим законодатель сконструировал с помощью такого исключительного средства законодательной техники, как юридическая фикция, содержанием которой, является закрепление на нормативной основе определенного ложного предположения. Юридическая фикция представляет собой закреплённый законодателем прием законодательной техники, который, в силу определенных обстоятельств, существующее положение определяет как реально не существующее (и наоборот) и ставшее в силу закрепления в нормативно-правовом акте общеобязательным [5]. Закрепление законодателем данного вида освобождения от уголовной ответственности отражает в себе основное назначение уголовной политики государства на современном этапе, связанное с уменьшением активности уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших преступления, представляющие, по мнению законодателя, небольшую степень общественной опасности, и ввиду этого, предоставление возможности для виновного избежать уголовной ответственности путем примирения с потерпевшим. Закрепляя в качестве основополагающего условия примирение, законодатель тем самым объединяет в данной правовой норме не только юридический аспект уголовной политики госу-

дарства, но и социальный. Именно социальный аспект данного вида освобождения от уголовной ответственности способствует возникновению уголовно-правовых отношений по примирению лица, совершившего преступление, и потерпевшего, так как именно желание наладить контакт с потерпевшим обуславливает саму возможность примирения. Именно социальная составляющая в данном случае имеет приоритет над юридической составляющей: объективируясь в поведение лица, совершившего преступление, она способствует самому примирению. Начало действия уголовно-правовой фикции освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим основывается, в первую очередь, на волеизъявлении самого потерпевшего. В данном случае действие уголовно-правовой фикции, как исключительного средства законодательной техники, основывается исключительно на интересе потерпевшего в скорейшем заглаживании ему причиненного преступлением вреда, что является презюптивным положением, на котором основана ст. 78 УК РФ. Именно обстоятельство скорейшего восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевшего обуславливает несоответствие юридической формы, связанной с привлечением лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, и социального содержания, выражающегося в общественных отношениях, возникающих между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим от преступления. Итогом этих отношений является достижение компромисса и восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Учитывая, что было совершено преступление, влекущее уголовную ответственность, договоренностью между потерпевшим и виновным охватывается еще и факт согласия потерпевшего, на освобождение причинившего вред от этой ответственности. Не имеет никакого значения для освобождения лица, виновного в совершении преступления, от кого — от обвиняемого или потерпевшего — исходила инициатива примирения. Главным является факт официального заявления потерпевшего о том, что он не желает привлекать виновного к уголовной ответственности, причем причины данного обстоятельства могут быть различными. А.В. Наумов отмечает, что «примирение означает, что потерпевший официально уведомляет правоприменителя (суд, прокурору, следователя, орган дознания) о том, что он удовлетворен постпреступным поведением лица, совершившего преступление, и согласен с его освобождением от уголовной ответственности» [6]. Примирение потерпевшего с виновным лицом не может состояться, если оно будет нарушать права и законные интересы других лиц, а также в случае, если оно не преследует общественно полезные цели. Прежде всего, правоприменитель при получении от потерпевшего заявления о примирении с потерпевшим, должен проверить, соответствует ли оно задачам уголовной политики, направленным на защиту прав и законных интересов потерпевшего, отвечает ли требованиям справедливости и целям право-

судия. Только убедившись в полном возмещении вреда потерпевшему, правоприменитель может принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности, при этом, согласно сути уголовного закона, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, является правом правоприменителя, а не его обязанностью. Об этом, например, может свидетельствовать п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [7], который дает разъяснение о том, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 264 УК РФ, за примирением сторон (статья 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда. Примирение должно быть добровольным со стороны потерпевшего, а не полученным с использованием угроз или шантажа. При этом согласие на примирение должно быть дано только вменяемым дееспособным лицом либо законным представителем потерпевшего, если последний страдает, например, каким-либо болезненным состоянием психики.

Институт освобождения от уголовной ответственности по российскому законодательству соответствует системе медиации, основанной на принципе справедливости, что недавно также подтверждено на законодательном уровне [8]. При рассмотрении данного вида освобождения от уголовной ответственности важное правовое значение имеет вопрос о целесообразности освобождения от уголовной ответственности, прежде всего связанный с презумпированием позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление и освобождаемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Главный вопрос вызывает разъяснение Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», где указано, что под заглаживанием вреда для целей статьи 76 УК РФ следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Способы заглаживания вреда, которые должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, а также размер его возмещения определяются потерпевшим. Несмотря на то, что нахождение компромисса между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, является сугубо социально-политическим аспектом утраты лицом, совершившим преступление, общественной опасности, ее результат имеет непосредственное отношение к реализации уголовно-правовой фикции освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В соответствии с п. 3 постановления пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [9] правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя

из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им. Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим от преступления «является лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». Исходя из этого, с достоверностью можно презюмировать материальный аспект положения потерпевшего. Следовательно, лицо, совершившее преступление, идя на компромисс с потерпевшим и пытаясь разрешить возникшие в результате совершенного им преступления негативные для него последствия, прежде всего, сталкивается с субъективным отношением потерпевшего. Это, прежде всего, выражается в психо-эмоциональном отношении потерпевшего к совершенному преступлению и лицу, его совершившему, что может привести к необоснованному завышению потерпевшим размера подлежащих возмещению убытков. При этом, будучи закрепленной в уголовно-правовой норме, фикция

в данном случае ставится в зависимость от волеизъявления потерпевшего, которое не всегда соответствует реальному ущербу, причиненному преступлением, что не обеспечивает стабильность правового регулирования, не соответствует сущности правовой фикции. Для устранения возникших противоречий необходимо добавить ст. 76 УК РФ несколькими частями, изложив их в следующей редакции: ч. 2 ст. 76 УК РФ: «Определяя размер компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, следует исходить из положений статьи 151 и пункта 2 статьи 1101 ГК РФ, при этом надлежит учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости»; ч. 3 ст. 76 УК РФ: «Размер вреда, причиненного в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина, предусмотренным п. 7 ст. 152 ГК РФ».

Литература:

1. Диденко, А. Фикции и презумпции в гражданском праве // специализированный ежемесячный журнал «Юрист». — 2005. — №. 8. с. 57.
2. Маркс, К., Энгельс. Ф. Диалектика природы // Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. с. 555.
3. Мейер, Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854; Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. Спб., 1873; Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. М., 1885.; Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895.
4. Панько, К.К. Фикции в уголовном праве: в сфере законотворчества и правоприменении: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000; Курсова О.А. Фикции в российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001; Танимов О.В. Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004; Филимонова И.В. Фикции в досудебном производстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул. 2007 и др.
5. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. с. 28; Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении: Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998. с. 49.
6. Наумов, А.В. Российское уголовное право: Общая часть: Курс лекций. М. 1999. с. 454.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в ред. постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.12.2010 №31) // Российская газета. 2008. №265.
8. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп. от 23.07.2013 №233-ФЗ) // Российская газета. 2010. №168.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 №3) // Российская газета. 2010. №147.

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Криминалистическая особенность инсценировки как способа сокрытия преступлений

Федотенков Дмитрий Григорьевич, аспирант
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Важнейшим условием успешной борьбы с преступностью, является повышение эффективности предварительного следствия с тем, чтобы оно обеспечивало своевременное раскрытие и качественное расследование совершенных преступлений.

Перед правоохранительными органами поставлена ответственная задача по укреплению законности и правопорядка: «не допустить криминализации общества, остановить рост уголовной преступности, обеспечить безопасность личности, для выполнения которых необходимо не только повысить эффективность, но и существенно улучшить качество разработок теоретических и практических положений, касающихся совершенствования расследования преступлений» [1].

Несмотря на предпринимаемые меры, в усилении борьбы с преступностью, в практике еще встречаются случаи, когда особо опасные преступления, в частности убийства, остаются нераскрытыми, а убийцы — безнаказанными, что вызывает чувство законного возмущения со стороны широкой общественности. В связи с этим считаем необходимым всемерно повышать уровень следовательской деятельности, научиться распознавать сложные способы маскировки преступления, применяемые убийцами.

Криминалистическая литература достаточно оснащена научными работами, учебниками, статьями в области методики расследования убийств. Однако в этих работах преимущество имеет вопрос расследования лишь одной категории дел об убийствах — дел, возбуждаемых в связи с обнаружением трупа потерпевшего с явными признаками насильственной смерти, где нет никакого сомнения в том, что смерть вызвана именно убийством. Что же касается методики расследования убийств, замаскированных инсценировками, где преступник всячески стремится уйти от ответственности и скрывает не сам факт смерти, а лишь конкретную причину смерти то она еще недостаточно разработана. В следственной практике такие преступления встречаются нечасто и раскрыть их достаточно сложно.

В успешной работе с преступностью особое значение имеет своевременное и полное раскрытие и расследование уголовно наказуемого деяния, выявление всех его

обстоятельств и причастных к нему лиц, разоблачение виновных, пытающихся уклониться от ответственности за совершение преступления.

Однако по разным причинам раскрыть каждое преступление и установить виновных в его совершении лиц удается не всегда так как возникают всевозможные сложности как по причине применения преступниками различных мер по сокрытию совершенных ими преступлений, так и других способов противодействия расследованию.

Инсценировка является одним из самых сложных способов в распознавании сокрытия преступления. От следователя в установлении действительности происшедшего события, а также виновных в совершении преступления лиц требуются особые профессиональные знания, мастерство и опыт раскрытия подобных ухищрений.

Виновный в совершении преступления, всегда старается скрыть свои следы, чтобы уйти от наказания, тем более, когда в настоящее время, преступления становятся все более изощренными. Наравне с использованием лжи для того, чтобы дать ложные показания по поводу тех или иных обстоятельств дела, сейчас в деятельности преступников широко распространена инсценировка преступления. Малышкин П.В. в своей статье «Способы сокрытия преступления и его место в структуре способа совершения преступления» указывает, что «наиболее значимой для расследования преступления является характеристика действий, направленных на сокрытие преступления, так как именно они становятся основным камнем преткновения на пути установления истины по делу» [5].

Умышленные убийства могут совершаться при внезапно возникшем умысле и с заранее обдуманном умыслом. И в том, и в другом случае, но чаще в последнем, виновное лицо может предпринимать действия по сокрытию преступления.

Способы сокрытия преступлений преследуют разные цели, а именно [1]:

- скрыть само событие преступления;
- скрыть его преступный характер;
- скрыть участие и заинтересованность в нем преступника.

В следственной практике известно немало убийств, где преступники, стремятся уйти от ответственности, и считают возможным и достаточным скрыть не факт смерти определенного лица, а лишь конкретную причину смерти. В этих целях они создают ложную видимость гибели потерпевшего от самоубийства, несчастного случая, от болезни или в результате убийства, совершенного другими лицами.

Инсценировки, как правило, включают систему действий преступника по предупреждению возникновения следов, уничтожению, фальсификации, утаиванию, маскировке возникших в результате убийства изменений, созданию новых следов, подтверждающих версию субъектов сокрытия [3].

Еще основоположник криминалистики Г. Гросс указывал на возможность обнаружения на месте происшествия признаков, «которые имеют место в том случае, когда эта обстановка была создана обманном образом, так как будто она произошла в действительности» [4], т. е. отмечал возможность обнаружения фактически инсценировки.

Вот на пример О. Я. Баев и А. С. Одиноких понимают под инсценировкой преступления «умышленное создание преступником доказательств, которые в своей совокупности образуют обстановку, характерную для определенного, желаемого преступником события» [1].

Р. С. Белкин в своей работе считает, что инсценировка преступления есть «создание обстановки, не соответствующей практически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться поведением и ложными сообщениями, как исполнителя инсценировки, так и связанных с ним лиц» [1].

В. А. Образцов выделил инсценировку — как одну из разновидностей противодействия правоохранительным органам и которая представляет собой создание видимости события путем целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию следователя [1].

А. Н. Васильев характеризовал инсценировку как искусственное создание определенной обстановки в целях сокрытия истинного события [4]. Подобного мнения относительно сущности инсценировки придерживается большинство криминалистов, в частности А. Р. Ратинов, В. А. Образцов, Е. Е. Центров, И. М. Лузгин.

Г. Н. Мудьюгин под инсценировкой понимал создание преступником ряда искусственных доказательств, в своей совокупности образующих обстановку, характерную для определенного события [4]. Данное мнение не точно, и не отражает в полной мере характер действий, осуществляемых для этих целей. Кроме того, преступник не может создавать доказательства, так как статус доказательств объект приобретает лишь после осуществления строго регламентированных УПК РФ процедур. Поэтому лицо, заинтересованное в сокрытии преступления, может создавать модель события или отдельные его элементы, содержащую сведения, способные ввести

в заблуждение лиц, раскрывающих преступления, т. е. информационную модель как источник сведений о событии.

Анализ приведенных определений позволяет нам сделать вывод о том, что существенным в инсценировке является искусственное создание обстановки события, под которой понимается конкретная жизненная ситуация. Однако отдельные авторы включают в ее структуру, помимо материальной обстановки места события, также и другие элементы, в частности, поведение участников события.

По нашему мнению инсценировка это одна из разновидностей противодействия правоохранительным органам, создание видимости какого-либо мнимого события путем целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию органов дознания, предварительного следствия и суда.

Инсценировка это еще и комплексное понятие, выражающее целый ряд умышленных действий инсценировщика, направленных на достижение конкретных целей. Поскольку воздействие на материальные объекты может быть осуществлено и силами природы, а также действиями посторонних лиц, которым ничего не известно о совершенном преступлении либо действиях, его скрывающих, и такое воздействие, хотя и может создавать искусственную систему, несущую недостоверную информацию о происшедшем, но не может являться инсценировкой в криминальном смысле.

Целью инсценировки является предвидимый и желаемый результат, которого стремятся добиться субъект инсценировки в результате своих действий.

В инсценировке существенное значение имеет мотивационная и целевая сторона деятельности лица, инсценирующего событие. П. В. Малышкин под мотивом инсценировки понимает осознанное стремление субъекта к совершению действий по сокрытию совершенного преступления, возникающее под влиянием потребности избежать наказания за совершенное деяние ввиду боязни его наступления [5].

Под характером инсценировки понимаются внешние признаки, направленные на создание формы, отражающей представление инсценировщика об определенном, якобы происшедшем событии, а сущностью инсценировки является ее внутреннее содержание, обусловленное целью, преследуемой инсценировщиком.

Преступники иногда создают инсценировку таким образом, чтобы она была обнаружена при изучении обстановки. Таким образом, создается своеобразная «инсценировка инсценировки» — преднамеренное создание преступником обстановки места происшествия с такими признаками инсценировки преступления, которые следователь обязан обнаружить с целью введения в заблуждение следователя и формирования у него ошибочного представления о существовании происшедшего события. Инсценировка инсценировки является наиболее сложным видом инсценировки [1].

Инсценировки, как правило, включают систему действий преступника по предупреждению возникновения следов, уничтожению, фальсификации, утаиванию, маскировке возникших в результате убийства изменений, созданию новых следов, подтверждающих версию субъектов сокрытия.

В.А. Образцов выделяет следующие элементы инсценировочной деятельности [1]:

- 1) Субъекта (преступника, его соучастников, иного лица);
- 2) Предмет активности (видимость якобы совершенного деяния, видимость события некриминального характера для сокрытия реального преступления и т.д.);
- 3) Цели и задачи (сокрытие совершенного преступления, подготовка преступления, уклонение от ответственности за содеянное и др.);
- 4) Мотивационный механизм;
- 5) Средства достижения цели (ложные сведения, притворное поведение и др.);
- 6) Процесс (механизм, технология) достижения цели (разработка легенды и сценария деятельности, подготовительные меры и т.д.);
- 7) Результат (воплощение цели в жизнь — создание дезинформационной системы, невыполнение либо перевыполнение цели);
- 8) Временная и пространственная характеристика содеянного;
- 9) Правовая, социальная, экономическая и иная ситуация, в условиях, под воздействием которой осуществ-

лялась инсценировочная деятельность;

10) Следовая картина, образовавшаяся в результате деятельности инсценировщика и процесса ее отражения;

11) Последствия, наступившие в результате указанной деятельности (незаконное привлечение к уголовной ответственности невиновного лица, не привлечение виновного, материальный ущерб).

Инсценировка как способ сокрытия убийства используется преступником в том случае, когда он знает или предполагает, что ему придется объяснять, почему и как погиб убитый им человек. Давать же такие объяснения приходится только убийцам, более или менее близко связанным с потерпевшим. Это, как правило, члены одной семьи, соседи по квартире, квартирная хозяйка и жильцы, любовники и т.д. [1]. Однако далеко не всегда преступник, убивший близкого ему человека, подтверждает свое объяснение его смерти инсценировкой. В большинстве случаев он скрывает сам факт смерти потерпевшего, уничтожает либо тщательно скрывает сам труп.

Вместе с тем, следует отметить, что в отдельных случаях совершения убийств, как и других преступлений, мысль об инсценировании события возникает у преступника спонтанно, и ее реализация во времени часто не совпадает с событием самого преступления. Мысль об инсценировании как способе сокрытия содеянного появляется позже, чем совершено преступление, и в этом качестве представляется как отдельно существующий способ сокрытия.

Литература:

1. Вопросы расследования убийств, замаскированных инсценировкой [Электронный ресурс] URL: <http://kref.ru/inf zakonodatelstvoipravo/132666/1.html>.
2. Выявление инсценировки при расследовании насильственных преступлений против личности [Электронный ресурс] URL: http://otherreferats.allbest.ru/law/00027631_0.html.
3. Криминалистика./Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. — М., 1999. — с. 348.
4. Методы разоблачения инсценировок [Электронный ресурс] http://knowledge.allbest.ru/law/3c0a65635a3ac69b5c53a89421216c27_0.html.
5. Малышкин, П. В. «Способы сокрытия преступления и его место в структуре способа совершения преступления // Следователь». Федеральное издание. — М., 2009, № 1.

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Значение количественного показателя в деле обеспечения полицейским персоналом современных миротворческих операций ООН

Зверев Петр Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ

Статья посвящена исследованию вопроса достаточности количественного обеспечения полицейского персонала ООН на современном этапе. Внимание уделяется опыту региональных организаций и отдельных государств в решении данного вопроса.

Ключевые слова: ООН, миротворческие операции, полицейский персонал, количество

В условиях современных миротворческих операций важным является не только вопрос качества подготовки сотрудников национальной полиции, принимающих участие в составе компонента гражданской полиции той или иной миссии [1], но и количественный индикатор ее обеспеченности полицейским персоналом. В совокупности два этих аспекта дают представление о значении и роли полицейского компонента в миротворческих и миростроительных процессах Организации Объединенных Наций на современном этапе.

В своем заявлении, сделанном в июле 1997 г., председатель Совета Безопасности ООН признал растущую роль гражданской полиции в содействии укреплению доверия и безопасности в целях предотвращения конфликтов, их сдерживания и построения мира в постконфликтный период. При этом государствам было рекомендовано надлежащим образом готовить сотрудников гражданской полиции и экспертов по правовым вопросам. Председатель подчеркнул «важность подбора квалифицированных сотрудников гражданской полиции с учетом максимально широкого географического диапазона» [7].

Ряд стран, принимающих участие в Проекте по вызовам ООН [2], регулярно направляют в миротворческие операции, проводимые Организацией, довольно большое количество сотрудников полиции. В начале 2000-х годов более семи с половиной тысяч гражданских полицейских находилось в восьми миротворческих миссиях. При этом подавляющее большинство из них были дислоцированы в Юго-Восточной Европе (более полутора тысяч — в Боснии и Герцеговине и четыре с половиной тысячи — в Косово). Что касается Африканского континента, на тот момент там находилось всего 89 полицейских, 22 из которых проходили службу в Западной Сахаре, 54 — в Сьерра-Леоне и 13 — в Демократической Республике Конго. В Восточном Тиморе работало 1316 сотрудников гражданской полиции, в Гватемале — 9, а на Кипре — 35 че-

ловек [8]. Такой дисбаланс вызвал массу критических замечаний по поводу того, что, в то время как промышленно развитые страны Запада могут выделить на проведение операций в развивающихся странах большие финансовые средства, свои миротворческие силы они все же предпочитают направлять в менее опасные «горячие точки».

На состоявшемся в Карлайле (США) семинаре были отмечены трудности, связанные с набором сотрудников полиции в качестве гражданских полицейских для участия в миротворческих операциях. Например, в США эта проблема решается в основном посредством набора сотрудников полиции, вышедших в отставку. Для стран с низким возрастным порогом выхода сотрудников полиции на пенсию это может быть реальным решением, чего нельзя сказать о тех странах, где пенсионный возраст довольно высок. Также важно, чтобы опыт работы в полиции был актуальным, отвечающим современным условиям.

В Соединенных Штатах к числу факторов, позитивно влияющих на набор сотрудников полиции, кроме тех, которые увольняются в запас по Международной уголовной следственной тренировочной программе (МУСТП/IC-ITAP), можно отнести следующие. Во-первых, диверсифицированную структуру полиции, а во-вторых, отсутствие единой точки соприкосновения правительственных структур, ответственных за координацию обеспечения полицейским персоналом операций ООН в пользу мира, как рекомендуется в Докладе Брахими [6]. Набор и обучение американских полицейских через МУСТП осуществляется компанией «Динкорп» (Dyncorp). В некоторых странах существуют политические ограничения в отношении направления сотрудников полиции для участия в миротворческих операциях. Наиболее распространенной проблемой для государств-членов, как это отражено в Докладе Брахими, является то, что «количество и состав их полицейских сил, как правило, предназначены только лишь для решения внутригосударственных

задач» [6, para. 122]. Более того, можно добавить, что полиция, в отличие от военных, постоянно находится «в состоянии войны» — войны с преступностью, обеспечивая общественную безопасность и правопорядок. Доклад Брахими предлагает государствам-членам создавать национальные резервы действующих сотрудников полиции, которые доступны и подготовлены для оперативной дислокации в миротворческих операциях ООН, находясь, в контексте системы Организации, в состоянии ожидания [1; 6, para. 120].

ООН поощряет участие в миротворчестве региональных организаций в соответствии с главой VIII своего Устава [3]. В последнее десятилетие значительную роль в полицейской деятельности европейских операций в пользу мира играет ОБСЕ. Завершив в 1997 г. миссию гражданской полиции в Восточной Славонии, ОБСЕ занялась деятельностью по обучению и подготовке полицейских кадров в Косово, играя координирующую роль в развитии полицейской деятельности на всей территории бывшей Республики Югославии.

ОБСЕ тесно сотрудничает с ООН, Европейским Союзом и другими организациями на Балканах, а также учредила систему быстрого реагирования в целях оперативного направления наблюдателей и иных лиц, включая сотрудников полиции, при возникновении кризиса. Существует также письменное соглашение о координации усилий ООН и ЕС в рассматриваемой сфере, которое может послужить примером для заключения аналогичных соглашений с другими региональными организациями: ЭКОВАС в Африке, АСЕАН в Юго-Восточной Азии, ОАГ в Америке.

Еще в ноябре 2001 г. ЕС объявил о своем намерении дислоцировать до конца 2003 г. 5000 гражданских полицейских, 1000 из которых должны были быть готовыми к мобилизации в течение одного месяца [4]. С этой задачей ЕС справился. Полицейские, о которых идет речь, находились в состоянии готовности к отправке в кризисные регионы, в том числе за пределы Европы, на основе мандата ООН, принятие которого обычно предшествует развертыванию миротворческих сил. В рамках Секретариата ЕС стал функционировать Отдел по делам гражданской полиции, первоначально состоявший из 7 сотрудников полиции. В то же время подчеркивалось, что гражданские полицейские из стран ЕС, дислоцированные в различных миссиях до 2003 г., входили в состав указанных 5000 сотрудников полиции.

В 2000 г. в прессе появилось сообщение о совместном заявлении министров иностранных дел Швеции и Финляндии, по мнению которых, выделение каждой страной

всего по 1% от общего числа сотрудников национальной полиции для несения службы за рубежом в качестве гражданских полицейских — абсолютно реальная задача [5]. Особенно ценным было признано создание комплексных баз данных на глобальном и региональном уровнях, в которых отражалась бы возможность сотрудников национальной полиции участвовать в миротворческих операциях. ООН, как ведущая организация, должна обеспечить, чтобы вся информация такого рода, содержащаяся в рабочей и оперативной документации, максимально соответствовала ее стандартам. ОБСЕ и ЕС уже создали такие базы данных. Между ООН, с одной стороны, и ОБСЕ, ЕС и ЗЕС — с другой, было проведено несколько координационных совещаний, касавшихся обмена информацией, после которых региональные организации вплотную занялись созданием баз данных, содержащих сведения о полицейских ресурсах. В частности, базы данных международных организаций должны содержать такого рода информацию, как количество сотрудников полиции, которые могут быть направлены от каждой страны, категории полицейского персонала, профессиональные навыки и квалификация, а также соответствующую справочную информацию. Во избежание устаревания информации в международных базах данных и потери ею своей эксплуатационной ценности, национальные полицейские органы должны иметь возможность оперативного контакта с международными миротворческими структурами, прежде всего, с Департаментом операций по поддержанию мира ООН (ДОПМ). Информация таких баз данных может быть использована для начала дискуссии с национальными правительствами по поводу потенциального участия в миротворческих операциях, а также по другим вопросам, например, в связи с проведением встреч стран-доноров.

Активная разработка реестра в количестве около ста сотрудников полиции была начата в январе 2002 г. Отделом гражданской полиции ДОПМ в штаб-квартире ООН в тесном сотрудничестве с государствами, направляющими свои контингенты. Изначально реестр был ориентирован на персонал штаб-квартиры и специализированных категорий, таких как служба подготовки и обучения местной полиции. Опыт прошедших двенадцати лет показал, что формирование такого реестра значительно способствовало набору персонала, готового к оперативному развертыванию для работы по ключевым направлениям в целях обеспечения скорейшего запуска новых миссий. В то же время ответственность за подбор таких сил, их обучение и обеспечение готовности к развертыванию по запросу по-прежнему лежит на государствах-донорах.

Литература:

1. Зверев, П. Г. К вопросу о подготовке сотрудников полиции для участия в миротворческих операциях ООН // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2014. — № 2 (36).
2. Зверев, П. Г. Проблемы формирования основополагающей доктрины миротворческих операций ООН в начале 2000-х годов // Материалы международной научно-практической конференции «Достижения и перспективы правовой науки», 9 июня 2014. — Уфа: Аэтерна, 2014.

3. Зверев, П.Г. Роль региональных организаций и соглашений в поддержании мира // Молодой ученый. — 2014. — №5 (64). — с. 351–352.
4. EU General Affairs Council Police Capabilities Commitment Conference Declaration, Brussels, 19 November, 2001.
5. Lindh, A., Tuomioja E. Katastrofhjälp duger inte, Dagens Nyheter, 30 april 2000.
6. Report of the Panel on United Nations Peace Operations, A/55/305-S/2000/809 of 21 August 2000, para. 124.
7. Security Council Presidential Statement, S/PRST/1997/38 of 14 July 1997.
8. UN-DPKO, 31 December 2001.

Дипломатический иммунитет и привилегии, установленные Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г.

Кузнецова Виктория Викторовна, студент, лаборант
Тюменский государственный университет

Международным правом установлено, чтобы государи посылали друг к другу послов, причем по самой природе вещей не могло быть допущено, чтобы послы находились в зависимости от государя, к которому они посланы, или подчинялись его судам. Они — голос пославшего их государя, и этот голос должен быть свободен.

Ш. Монтескье

Под дипломатическим иммунитетом понимается изъятие его носителя из-под юрисдикции государства пребывания. Его носителями (бенефициарами) являются в первую очередь главы и члены дипломатического персонала дипломатических представительств. Профессор Цыганков П. А. определяет дипломатический иммунитет центральной частью, основным институтом всего дипломатического права. Защита дипломатического иммунитета и дипломатических привилегий является важным элементом международного права, представляемые как добровольным соблюдением, так и давлением стран с целью сохранения и развития дружественных отношений [8]. Дипломатические привилегии же представляют собой преференции, которыми наделяется соответствующее лицо при вступлении в некоторые правоотношения с государством пребывания.

Актуальность данной темы определяется в первую очередь важной ролью привилегий и иммунитетов дипломатических представительств в современных международных отношениях, напряженность которых затруднила бы работу дипломатов в случае, если бы им не предоставлялись определенные льготы.

Институт дипломатического иммунитета уходит корнями в древние времена. В Древнем Китае, древнегреческих полисах и древнеиндийских государствах личность послов считалась неприкосновенной. В Древней Индии пользовались неприкосновенностью также и посольские помещения. В тот период это было обусловлено, прежде всего, религиозными верованиями. [2]

В современном смысле слова дипломатия возродилась лишь в конце средневековья, на заре Ренессанса. С появлением в XV в. постоянных посольских учреждений

укрепился принцип неприкосновенности их помещений. С учетом особой роли церкви в рассматриваемый исторический период послы, продолжая пользоваться неприкосновенностью, стали считаться находящимися под ее особым покровительством. В XVI в. — период ожесточенной религиозной розни — в практику государств вошли особая защита и иммунитет от уголовной юрисдикции послов, включая даже тех, которые подозревались в заговоре против аккредитовавших их суверенов. В данном контексте уместно сослаться на такой дипломатический казус. Испанский посол Мендоса в 1584 г. был обвинен английским правительством в заговоре, имевшем целью свергнуть английскую королеву Елизавету. При этом возник вопрос, можно ли судить испанского посла в английском суде. Совет Королевы обратился за консультацией к известному итальянскому дипломату, правоведу, знатоку дипломатического права Альберико Джентили (автор трактата «Три книги о посольствах» 1585 г.) [5]

В настоящее время институт дипломатического иммунитета регулируется международным обычаем, кодифицированным Венской конвенцией о дипломатических сношениях. [1] В Российской Федерации она была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1964 г. №2208-VI. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. регламентирует все основные вопросы дипломатического права: виды и функции дипломатических миссий, процедуру назначения главы дипломатического представительства, классы глав таких представительств и раскрывает понятие дипломатического иммунитета. [4] Так же, Конвенция разделяет персонал дипломатических представительств на следующие группы:

1. Дипломатический персонал. Сюда входят лица, имеющие дипломатический ранг. В Венской конвенции их называют дипломатическими агентами. В Российской Федерации дипломатические ранги определяются в соответствии с Указом Президента РФ № 1371 от 15.10.1999 г. «О порядке присвоения и сохранения дипломатических рангов и об установлении месячных окладов Федеральным государственным служащим в соответствии с присвоенными им дипломатическими рангами».

2. Административно-технический персонал. В него включают бухгалтеров, шифровальщиков, канцелярских работников, переводчиков. Венская Конвенция 1961 г. приравнивала административно-технический персонал, включая членов их семей к дипломатическому персоналу, за определенными принципиальными исключениями, а именно: данные лица не обладают иммунитетом при осуществлении действий, прямо не связанные с осуществлением их должностных обязанностей.

3. Обслуживающий персонал. Сюда можно отнести поваров, шоферов, охранников, садовников, горничных и др. Лица, относящиеся к данному персоналу обладают иммунитетом в отношении действий, выполняемых ими непосредственно при осуществлении должности.

Согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. помещения дипломатических представительств являются неприкосновенными. Руководство страны пребывания не могут проникать в данные помещения иным способом, как только с согласия главы представительства. Помещением представительства в соответствии со ст. 1 Конвенции признаются здания или части зданий, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них, включая обслуживающий данное здание или часть здания земельный участок. [1, с. 177]

Данное положение часто оспаривается определенными странами по поводу проникновения в посольство без согласия, к примеру, в случаях пожаров. Однако данные попытки отклоняются. Помимо запрета на проникновение, страны пребывания обязаны соблюдать все необходимые меры защиты помещений диппредставительств от вторжения или причинения ущерба и для предупреждения любого нарушения спокойствия диппредставительства. К примеру, 14 июня 2014 г. в Киеве пожарные залили водой и пеной территорию около посольства РФ в Киеве и за забором диппредставительства, для того, чтобы воспрепятствовать поджогу посольства радикалами, устроившими митинг около здания.

Конвенция узаконила действующую до этого систему взаимоотношения диппредставительства со своим правительством посредством кодированных и зашифрованных депеш и дипломатических курьеров. Официальная корреспонденция представительства неприкосновенна, т.е. не может вскрыта либо задержана. Под официальной корреспонденцией понимается вся корреспонденция, относящаяся к представительству и его функциям. Все ко-

робки, ящики или иные средства доставки дипломатической почты, обязаны иметь видимые наружные знаки, свидетельствующие об их характере, и они должны содержать исключительно дипломатические бумаги и атрибуты, для официального пользования (ст. 27 Конвенции).

Здание диппредставительства не может быть использовано для силового удержания какого-либо человека. Равно, так же оно не может быть использовано для убежища. Однако, прямого запрета на предоставление убежища Конвенция не устанавливает. Таким образом, возникает коллизия, которую различные государства толкуют по-разному. К примеру, статья 41 конвенции гласит: «Помещения представительства не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными настоящей Конвенцией или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитующим государством и государством пребывания». Исходя из указанной статьи, предоставление убежища не входит в прямые функции представительства, а следовательно, здание диппредставительства не может быть использовано для этих целей. Тем не менее, в 2012 г. Джулиан Ассанж долгое время укрывался в здании эквадорского посольства в Лондоне. 16 августа 2012 г. в 13:00 по Лондонскому времени, Эквадор официально предоставил Ассанжу политическое убежище. Все эти два с половиной месяца Ассанж находился на территории посольства и не покидал его. Первоначально сообщалось, что полиция возьмет посольство штурмом, чтобы арестовать Ассанжа, однако позже министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг заявил, что штурм посольства не будет [9], однако власти могут отобрать у посольства дипломатический статус, ссылаясь на закон «О дипломатических помещениях», по которому это возможно в случае использования территории посольства не по дипломатическому назначению, а для укрывания преступника [10].

Таким образом, проблемы наличия и юридической силы права на обретения убежища от политического гонения, продолжительное время остается дискуссионным. На европейском континенте эта практика в большей степени остановилась. Подобные спорные вопросы регулируются исключительно посредством переговоров, так как Венская Конвенция, гарантирует неприкосновенность зданий дипломатического представительств, но в нее не включены пункты о выезде любого лица, не имеющего привилегий.

Исключение из данного принципа составляют страны Латинской Америки, подписавшее 20 февраля 1928 года в Гаване, столице Кубы между собой отдельные конвенции, дающие возможность использовать здание диппредставительства для предоставления политического убежища.

Также Конвенция 1961 г. определяет и иные иммунитеты и привилегии диппредставительств. К ним относятся: налоговые привилегии дипломатических и консульских работников, являющиеся неотделимой частью

их деятельностью; снятие с диппредставительств всех видов пошлин и сборов, за исключением тех, которые фиксируют собой оплату за определенные виды услуг (к ним обычно причисляется плата за воду, газ, свет и т. д.) (ст. 23 п. 1 Конвенции); освобождение от налогообложения жалований, поощрений и сборов, взимаемых диппредставительством за осуществление своих служебных функций (ст. 28 Конвенции).

Личная неприкосновенность дипломатического агента является самой важной привилегией. Дипломатический представитель неприкосновенен. Он не может быть задержан, не по какой причине. Страна пребывания должна обращаться с ним с должным почтением и осуществлять все необходимые меры для предотвращения любых посягательств на его свободу, честь, достоинство и личность. (ст. 29 Конвенции) Личная (частная) резиденция дипломатических агентов имеет ту же неприкосновенность и защиту, что и здание диппредставительства (ст. 30 Конвенции). Определение «личная (частная) резиденция дипломатиче-

ского агента» означает как место постоянного жительства дипломатического агента, так и его кратковременную резиденцию, например, номер в отеле, трейлер и т. д.

Таким образом, термин «дипломатический иммунитет» нужно понимать как предоставление дипломату преимуществ, необходимых для эффективного выполнения своих должностных обязанностей, которое заключается в изъятии их из юрисдикции страны пребывания. Иммунитеты и привилегии персонала дипломатических представительств прописаны в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года. Данная Конвенция достаточно полно раскрывает их сущность, однако существуют некоторые пробелы, затрудняющие работу диппредставительств. К ним можно отнести вопрос о возможности предоставления убежища на территории посольства. В целом же, данная правовая сфера достаточно детализирована и освещена в различных нормативно-правовых актах, как международного, так и национального уровня.

Литература:

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях: заключена в г. Вене 18.04.1961 г. // Международное публичное право. сборник документов. Т. 1. М., 1996. с. 176–185.
2. Вылегжанин, А. Н. Международное право: учебник — М.: Юрайт, 2011. 50–54 с.
3. Долгов, В. И. Консульская служба: понятие, принципы, функции. — М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2011. 14–15 с.
4. Занко, Т. Правовое обеспечение дипломатической службы. М.: XXI век: право и управление, 2011. 120–130 с.
5. Зонова, Т. В. Настольная книга дипломатов // Дипломатический вестник. — 2001. #8. 24–25 с.
6. Монтескье, Ш. Избранные произведения. — М., 1955, 218 с.
7. Торшина, О. М. История становления и развития консульской службы. — М.: XXI век: право и управление, 2009. 79–88 с.
8. Цыганкова, П. А. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. — М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 180–185 с.
9. Lenta.ru [электронный ресурс]. — режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/08/16/assange3/>, свободный. Электрон. дан — Заглавие с экрана.
10. ВВС: русская служба [электронный ресурс]. — режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/321836/video/>, свободный. Электрон. дан. — Заглавие с экрана

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Понятие и виды воинских преступлений по законодательству зарубежных стран (США, Великобритания, Франция, Германия)

Данилов Петр Сергеевич, студент

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

В статье проводится сравнительный анализ понятия и видов воинских преступлений по законодательству США, Великобритании, Франции, Германии и обосновывается возможность внесения изменений в законодательство Российской Федерации, регламентирующего привлечение военнослужащих к уголовной ответственности.

Ключевые слова: воинское преступление, военное преступление, преступление против военной службы, уголовная ответственность военнослужащих.

Основной задачей Вооруженных Сил любого государства является охрана суверенитета и защита от актов агрессии. Создание, содержание и использование Вооруженных Сил является правом страны, позволяющим оставаться независимой и реализовывать национальные интересы. Кроме того, следует отметить, что государства являются основными легальными акторами войны, только они призваны применять легитимное насилие на своей территории и, при определенных условиях, вне ее границ [1, с. 144].

Доктринальное толкование нормативных актов в сфере регулирования организации и использования Вооруженных Сил позволяет выделить принципы, благодаря которым удастся достигать целей войны без нарушения юридических норм. Среди данных принципов можно отметить следующие: централизованное командование, воинская иерархия, дисциплина, внутриармейская коммуникация, поддержание чести мундира, ограниченный контроль социальных институтов над армией и флотом, автономность [1, с. 150]. В случае если военнослужащий нарушает положения нормативных актов, а значит, и указанные принципы, он должен нести ответственность в соответствии с национальным и международным правом.

Сравнительный анализ понятий и видов воинских преступлений в государствах англо-американской (Соединенные Штаты Америки и Великобритания) и романо-германской (Франция и Германия) правовых семей позволяет выявить особенности правового регулирования рассматриваемой сферы. Сравнительно-правовое исследование в сочетании с иными методами дает возможность не только изучать явления правовой действительности, но и учитывать позитивный и негативный зарубежный юридический опыт [2, с. 31].

В настоящее время в США действует Единый Кодекс Военной Юстиции (Uniform Code of Military Justice) 1951 года. В Великобритании в 2006 году вступил в силу Закон «О Вооруженных Силах» (Armed Forces Act), заменивший собой законы «Об Армии» 1955 года, «О Военно-Воздушных Силах» 1955 года и «О дисциплине в Военно-Морском Флоте» 1957 года. Во Франции в том же 2006 году был принят Кодекс Военной Юстиции (Code de Justice Militaire). В Германии с 1957 года действует Закон «Об ответственности за воинские преступления» (Wehrstrafgesetz) [3, с. 326–328].

Указанные выше акты содержат в себе положения о необходимых правоприменительных понятиях, о субъектах преступлений, о конкретных составах уголовно наказуемых деяний и о государственных мерах воздействия за их совершение, о некоторых процедурах и др.

Наличие специальных законов об уголовной ответственности военнослужащих в данных государствах является особенностью их законодательных систем. В Российской Федерации, напротив, отдельный федеральный закон, регламентирующий уголовную ответственность военнослужащих, отсутствует: ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает, что преступность любого деяния определяется данным Кодексом [4, с. 21–22]. Однако, ч. 3 ст. 331 УК РФ предполагает наличие специального законодательства, регулирующего ответственность за совершение преступления против военной службы во время войны и в боевой обстановке, которое еще не принято [5, с. 700]. Таким образом, в России не исключается существование специального нормативного акта, регулирующего вопросы преступления и наказания военнослужащих и приравненных к ним лиц, правда только в военное время.

В законодательстве зарубежных стран не принят единый подход к пониманию термина воинского преступ-

ления. Так, Единый Кодекс Военной Юстиции США вообще не содержит понятия воинского преступления, но в ст. 77 устанавливает понятие субъекта воинского преступления: во-первых, к категории субъекта относится лицо, совершившее преступление, указанное в главе 10 данного Кодекса, или способствующее, подстрекающее, дающее совет, отдающее команду, обеспечивающее его совершение; во-вторых — способствующее исполнению деяния, если оно главным образом совершено им [6]. Таким образом, к уголовной ответственности в США привлекаются виновное лицо, непосредственно совершившее преступление, и другие лица, кто оказывают помощь, советуют, провоцируют, командуют, обеспечивают совершение противоправного деяния, то есть, имеющие «общее преступное намерение с исполнителем» [7, с. 1–1–1–4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что под воинским преступлением в США понимается противоправное действие (бездействие), которое предусмотрено военным законом. Вместе с тем в ст. 134 установлено, что лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности в случае, если указанное лицо способствует беспорядкам, пренебрегает дисциплиной, компрометирует Вооруженные Силы действиями, не предусмотренными данным нормативным актом. Иными словами, закон предусматривает возможность применения аналогии. При этом суд руководствуется тремя правилами: поведение наносит ущерб порядку и дисциплине, оно компрометирует Вооруженные Силы в глазах других военнослужащих или гражданских лиц, отсутствует возможность наказания смертной казнью. В судебной практике военных судов США встречается множество дел, когда лицо было привлечено к ответственности за совершение преступления, прямо не предусмотренное законом, к примеру, за вдыхание чистящих средств, за чрезмерное любопытство, за ношение одежды, предназначенной для другого пола, за супружескую измену, за непристойный телефонный разговор, за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей военнослужащей [7, с. 3–59–3–61] и др.

В ст. 42 Закона «О Вооруженных Силах» Великобритании закреплено определение «соответствующего преступления», наказуемого Законом: это уголовно наказуемое деяние, предусмотренное данным Законом, либо являющееся «эквивалентным» ему [8]. То есть, Закон Соединенного Королевства дает право военным следователям и суду применять аналогию закона при привлечении к ответственности за совершение преступления виновного военнослужащего.

В англо-американском праве необходимо различать понятие воинского преступления (*military crimes or offences*) и военного преступления (*war crimes*). Военное преступление определяется как уголовно наказуемое деяние, совершенное во время войны (или вооруженного конфликта) или во время военной оккупации. Данные действия (бездействия) запрещаются международным гуманитарным правом наравне с преступлениями против мира

и человечности [9, с. 797]. При этом военное преступление предполагает серьезное нарушение норм международного гуманитарного права. К примеру, «серьезность», как признак объективной стороны, правонарушения закреплена в ст. 50 и 51 Женевской Конвенции «Об улучшении участи раненых, больных, и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море» 1949 года [10]. Ответственность за убийства раненных во время военных действий в соответствии с нормами международного права устанавливается в зависимости от количественного критерия: убийство одного раненого влечет уголовную ответственность в соответствии с национальным уголовным законодательством, в то время как убийство множества раненых является основанием привлечения к уголовной ответственности как по национальному, так и по международному праву. Таким образом, понятие воинского преступления охватывает более широкий круг уголовно наказуемых деяний, чем понятие военного преступления, поскольку предполагает нарушения не только международных норм, но и норм национального законодательства.

Таким образом, под воинским преступлением в странах англо-американской правовой семьи понимают уголовно наказуемое деяние, предусмотренное соответствующим законом об уголовной ответственности военнослужащих, либо представляющее некую угрозу для Вооруженных Сил и являющееся аналогичным тому, что предусмотрено нормативным актом.

В ст. 311–1 Кодекса Военной Юстиции Франции предусмотрено, что преступные деяния, независимо от закрепления Уголовным кодексом Французской Республики, наказываются данным Кодексом, если они посягают на законы и обычаи войны, установленные международным правом, или на военный порядок [11]. Следовательно, воинским преступлением является уголовно наказуемое деяние, предусмотренное специальным законом, нарушающее законы и обычаи войны или установленный военный порядок.

В соответствии с параграфом 2 Закона «Об ответственности за воинские преступления» Федеративной Республики Германии воинскими преступлениями признаются деяния, запрещенные указанным Законом [12].

Таким образом, воинское преступление в странах романо-германской правовой семьи определяется как конкретное уголовно-наказуемое деяние, строго предусмотренное законом в данном качестве.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что воинское преступление — это уголовно-наказуемое деяние, посягающее на интересы военной службы, нарушающее законы и обычаи войны, которое запрещено национальным законом об уголовной ответственности военнослужащих.

В УК РФ закреплено понятие преступления против военной службы (ст. 331), предполагающее посягательство на установленный порядок прохождения военной службы. Есть мнение, что данное понятие является синонимом

термину воинского преступления [5, с. 698], с чем трудно согласиться. С точки зрения объекта посягательства понятие воинского преступления является более широким, чем термин «преступления против военной службы», в силу того, что охватывает больший круг деяний, предполагающих также нарушение правил ведения войны, влекущих негативные последствия и для «своих», и для «чужих». Получается, что УК РФ специальным образом регулирует уголовную ответственность военнослужащих и приравненных к ним лиц за посягательства на отношения военной службы, но не за нарушения законов и обычаев войны. При этом нельзя забывать, что данные субъекты могут быть наказаны наравне с иными за совершение преступлений, названных в главе 34 УК РФ.

Классификация воинских преступлений в специальных законах об уголовной ответственности военнослужащих в США, Великобритании, Франции и Германии также существенно различается.

Глава 10 Единого Кодекса Военной Юстиции Соединенных Штатов Америки включает в себя 58 составов воинских преступлений и не предусматривает их систематизации. В частности, установлена уголовная ответственность за дезертирство, мятеж, помощь врагу, шпионаж, убийство, грабеж и многие другие. Таким образом, в Кодексе США закреплены положения об уголовной ответственности военнослужащих за совершение общеуголовных преступлений в силу их повышенной степени общественной опасности при совершении лицами, проходящими военную службу.

В Законе «О Вооруженных Силах» Великобритании, напротив, содержится классификация воинских преступлений, включающая 8 видов:

- 1) помощь врагу, несоблюдение правил проведения боевых операций.
- 2) мятеж.
- 3) дезертирство и отсутствие без специального разрешения.
- 4) неподчинение.
- 5) пренебрежение долгом и неправомерное поведение.
- 6) преступления против собственности (имеется в виду государственная или служебная собственность).
- 7) преступления против военного правосудия.
- 8) преступления, посягающие на правомерное использование водных и воздушных судов.

Можно предположить, что группы деяний выделяются по критерию объекта посягательства, в качестве которого выступают — исполнение какой-либо обязанности военнослужащего (обязанность не предавать свое государство, подчиняться ему, не отступать и др.), военная собственность, интересы военного правосудия и использование водных и воздушных судов.

Кодекс Военной Юстиции Французской Республики в третьей книге предусматривает следующие виды воинских преступлений: направленные на избавление лица от выполнения обязанностей службы; против чести и во-

инского долга; против требований дисциплины; против правил инструкций. Отдельно выделены посягательства на фундаментальные интересы нации во время войны: измена и шпионаж (ст. ст. 331–1–331–4), иные покушения на национальную оборону (ст. ст. 332–1–332–5). В основу данной классификации положен в первую очередь критерий времени совершения преступных деяний, т. е. мирное или военное. Далее деление проводится на основании комплексного критерия: общественная опасность деяний, объект посягательства и значимость обязанностей военнослужащих для государства.

Закон «Об ответственности за воинские преступления» ФРГ закрепляет 4 вида воинских преступлений: против обязанностей военной службы, против обязанностей подчиненных, против обязанностей командиров и против иных военных обязанностей. Данная классификация берет в основу критерий разновидности воинских обязанностей. В начале представлены нарушения обязанности нахождения в установленном месте, далее нарушения требований субординации и затем иные. Данный Закон закрепляет больше составов преступлений, по которым привлекаются командиры за неправомерное обращение с подчиненными, чем составов за неподчинение офицеру, что предполагает высокую ответственность тех военнослужащих, кто имеет право отдавать приказы.

На основании анализа содержащихся в законодательстве положений, систематизирующих воинские преступления, можно сделать следующие выводы. Государства романо-германской правовой системы более полно закрепляют нормативные положения об уголовной ответственности военнослужащих путем использования различных классификаций. Законодатели Германии и Франции, ставя перед собой задачу создания стройной и понятной системы норм, упорядочивают положения законов по определенным признакам. Государства англо-американской правовой семьи, оставляя многие вопросы на усмотрение суда, не имеют единого подхода к вопросу регулирования уголовной ответственности лиц, проходящих военную службу. Единый Кодекс Военной Юстиции США содержит лишь примерный перечень воинских преступлений без деления на виды [3, с. 335], который служит ориентиром для правоприменителя. Закон «О Вооруженных Силах» Великобритании, напротив, содержит свою систему воинских преступлений, отступление от которой ограничено.

Уголовный кодекс Российской Федерации, закрепляя составы уголовно наказуемых деяний, посягающих на интересы военной службы, не содержит их деления на виды, однако перечень является закрытым в соответствии со ст. 3 УК РФ, которая не позволяет применять уголовный закон по аналогии [4, с. 21–22]. Представляется возможным внесение в главу 33 УК РФ следующей классификации преступлений против военной службы: посягающие на обязанности командиров, посягающие на обязанности подчиненных, направленные на избавление лица от обязанностей военной службы, нарушающие иные правила

несения службы, посягающие на военное имущество и нарушающие правила управления военной техникой. В основу взят критерий объекта посягательства: разновидность обязанностей военнослужащих, военная собственность, правила управления военной техникой. К тому же, лица, проходящие военную службу, получают знания по правилам и методам ведения боя, что позволяет установить повышенную ответственность за неправомерное использование своих навыков, то есть за совершение общеуго-

ловных преступлений, таких как убийство, грабеж, разбой и иные, связанные с причинением гражданам вреда здоровью или физических и нравственных страданий, лишением жизни или связанных с имущественным вредом. Также следует учитывать, что военнослужащие являются потенциальными комбатантами, что требует законодательного урегулирования уголовной ответственности в военное время или во время вооруженного конфликта [13]. Тем более, такой опыт уже имел место в УК РСФСР 1960 г.

Литература:

1. Lioe, K.E. *Armed Forces in Law Enforcement Operations? The German and European Perspective*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2011.
2. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник/под ред. В.А. Туманова. М.:Юристъ, 2000.
3. Военно-уголовное право: учебник/под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/под общ. ред. В.М. Лебедева. 5-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2008.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб.: Питер, 2008.
6. Uniform Code of Military Justice // URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/subtitle-A/part-II/chapter-47>
7. Criminal law deskbook. Volume II. Crimes and defence. The Judge Advocate General's School, US Army. Charlottesville, Virginia. 2010.
8. Armed Forces Act // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/52/contents>
9. Rogers., A.P. V. War Crimes Trials under the Royal Warrant: British Practice 1945–1949 // *International and Comparative Law Quarterly*. 1990. V. 39.
10. Конвенция «Об улучшении участи раненых, больных, и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море». 1949. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm>
11. Code de Justice Militaire // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071360&dateTexte=20080505>
12. Wehrstrafgesetz // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/wstrg/>
13. Ряд авторов пришел к аналогичным выводам. К примеру: Ходусов А.А. Военно-уголовное законодательство современной России // *Российский военно-правовой сборник №9: Военное право в XXI веке. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант»*. М.: За права военнослужащих, 2007. Вып. 73. с. 483–488.; Трощенко Р.А. Вновь к вопросу об уголовной ответственности за воинские преступления в военное время и в боевой обстановке // *Право в Вооруженных Силах*. 2009. №2. с. 13–16.

Появление Братства нотариусов в Нидерландах

Мазанюк Юлия Александровна, аспирант

Московский государственный институт международных отношений

Большинство нотариусов восприняло Закон о нотариате 1842 года как унижающий их достоинство и несправедливый с финансовой точки зрения. Поэтому инициатива амстердамского нотариуса Бруно Тидемана создать объединение нотариусов упала на благодатную почву [6, Р. 305, 68], [7, Р. 408–417]. Бруно Тидеман родился в 1803 году в Амстердаме в семье маклера, специализировавшегося на операциях с ценными бумагами и стра-

ховании. Уже в юном возрасте он поступил на обучение в одну нотариальную контору. В 1827 году он стал студентом юридического факультета в Атенеум Иллюстра в Амстердаме. Атенеум Иллюстра — школа, основанная в 1632 году. Всеобщее признано, что именно из этой школы позднее был сформирован Амстердамский университет. В 1815 году Атенеум Иллюстра был законодательно признан в качестве высшего учебного заведения. После того

как в 1877 году в этом вузе была введена аспирантура, Атенеум был преобразован в городской университет города Амстердама с присвоением имени «Амстердамский университет». Поскольку в Атенеуме тогда не было аспирантуры, Бруно Тидеман не смог получить звание магистра. Уже скоро после того как Тидеман стал студентом, он заключил сделку с нотариусом Й.С. Бондтом о том, что тот подаст в отставку и продаст свой нотариальный архив Тидеману за 10 тысяч гульденов. Сделка состоялась, и в 1829 году Тидеман был назначен преемником практики Бондта. В дальнейшем он объединился с ещё одним нотариусом, чей протокол он позднее купил за 5 тысяч гульденов.

В октябре 1842 года он разослал всем нотариусам циркуляр с предложением объединиться в Братство. Из примерно 750 адресатов на предложение Тидемана отреагировали около 200. После второго циркуляра было создано правление, была разработана концепция регламента действия и была создана редакционная комиссия по созданию окончательного регламента. В своём следующем циркуляре в январе 1844 года Тидеман уже мог сообщить всем адресатам о создании Братства нотариусов в Нидерландах. Первое ежегодное заседание состоялось в июне 1844 года, и тогда стало ясно, что из 747 действовавших в Нидерландах нотариусов в Братство вошли 271 нотариусов. Оказалось, что инициатива была зажигательной, поскольку уже семь лет спустя, в 1851 году, кандидаты в нотариусы тоже создали своё Братство. Тидеману удалось объединить примерно одну треть часть всех нотариальных сил в Нидерландах.

В первом ежегодном отчёте Братства, который Тидеман, будучи генеральным секретарём, представил в 1844 году, он подробно остановился на истории и причинах создания Братства, а также его целях. Братство нотариусов, объединяющее их на добровольной основе, должно было, по замыслу Тидемана, восстановить их взаимосвязи между собой и послужить новым импульсом к развитию всего нотариального корпуса. Также Братство ставило перед собой целью защиту интересов нотариата во взаимоотношениях с правительством и парламентом, а также материальную поддержку членов Братства путём создания различных фондов для вдов и членов семей нотариусов [6, Р. 420].

В 1878 году в Закон о нотариате было внесено первое важное изменение. Это изменение частично удовлетворяло требованиям и пожеланиям Братства. Так, для кандидатов в нотариусы была установлена обязательная двухлетняя стажировка, и были расширены права нотариусов по распоряжению своим архивом. Если раньше нотариус мог рекомендовать окружному суду своего коллегу, который бы после смерти вышеназванного нотариуса выступал бы в качестве хранителя его архива, то сейчас это можно было делать также и в случае досрочного почётного выхода на пенсию. Таким образом, стало значительно проще торговать своим архивом. Также была учреждена Государственная комиссия, в полномочия которой входил приём экзаменов у кандидатов в нотариусы.

Введение обязательной стажировки и более широкие права по распоряжению нотариальным архивом являлись одними из основных требований и пожеланий Братства. Государственная комиссия состояла из семи членов, которые каждый год переназначались. Нотариусы могли входить в состав этой комиссии, однако они никогда не составляли большинство. То есть, нотариат не мог оказывать большого влияния в вопросах доступа к нотариальной должности. С другой стороны, эта комиссия ужесточила правила для экзаменующихся [4, Р. 48].

На рубеже веков в Нидерландах членами Братства было меньше нотариусов, чем в 1851 году. Сокращение числа членов Братства объяснялось ещё также и тем, что очень небольшое число из недавно назначенных нотариусов становились членами Братства.

Повышение уровня нотариата привел к развитию научной мысли, стали появляться различные периодические издания, в которых рассматривались вопросы нотариата с научной точки зрения [3, Р. 45]. Многие в этом отношении было сделано учрежденным в 1844 г. Королевским братством нидерландских нотариусов (определение королевский было присвоено Братству нотариусов в 1968 году в связи с празднованием 125-летнего юбилея организации) и Братством кандидатов в нотариусы, основанном в 1851 г. Первые в период с 1844 по 1967 гг. включительно распространяли среди подписчиков «Журнал Братства нидерландских нотариусов», а другие с 1870 г. издают еженедельник «Частное право, нотариат и вопросы регистрации» (до 1898 г. журнал назывался «Нотариат и вопросы регистрации»). Наряду с этим в преддверии ежегодных собраний членов этих Братств на повестку дня выносятся обсуждение некоторых вопросов, которые представляют интерес не только для этой области права [7, Р. 97].

В 1904 году в Закон о нотариате 1842 г. были внесены важные изменения — были учреждены Палаты по надзору за нотариальной деятельностью. Палаты были очень важными органами в нотариальной сфере, так как к ним теперь перешёл надзор за нотариальной деятельностью от прокуратуры. Также они играли очень важную роль при назначении на нотариальные должности. Каждая Палата вела также реестр профессиональных навыков и умений кандидатов в нотариусы, а также их общественного и морального поведения, в соответствующем судебном округе. Этот реестр играл важную роль в процессе назначений на нотариальные должности, и данные, которые в нём указывались, могли помочь сделать карьеру либо её потерять.

Каждая из Палат по надзору состояла из пяти членов. Председателем Палаты был президент окружного суда. Два члена назначались министром юстиции, а два других члена назначались нотариусами из своей среды.

В 1904 году было принято ещё одно важное изменение, которое нанесло непосредственный удар по доходам нотариусов — упразднение любой возможности распоряжения нотариальным архивом. Торговле нотариальными архивами был положен конец. Запрет на торговлю нота-

риальными архивами лишил многих нотариусов средств к существованию после выхода на пенсию, и поэтому идея создания пенсионного фонда с того времени стала постоянным предметом обсуждения на всех общих собраниях членов Братства нотариусов [7, Р. 61–66].

Изменения, которые были внесены в Закон о нотариате в 1878 году, а также в 1904 году были сделаны не благодаря усилиям Братства. Нет никаких указаний на то, что эта организация как-то повлияла на законодательный процесс.

Самой большой проблемой для нотариусов и Братства был поверенный. Если речь заходила о плохом финансовом положении нотариуса, то в качестве виновника сразу указывали на поверенных. Их изображали как некомпетентных и непрофессиональных составителей актов. Поскольку поверенные не были связаны различными предписаниями, они могли оказывать свои услуги намного дешевле, чем нотариусы. Братство считало, что поверенные вообще не нужны, так как они выполняют работу нотариуса [7, Р. 74]. Поверенные действовали в правовом поле, поскольку существовала разница между внесудебными документами и аутентичными актами. Аутентичные акты имел право составлять только нотариус, поэтому они принадлежали к нотариальной монополии.

С другой стороны, внесудебные акты мог составлять любой. Поверенный, или действующий в чужом интересе, был признанной профессией, которая подлежала налогообложению. Поэтому ничего не было странного в том, что Братство безуспешно вело борьбу с поверенными. Так, в 1873 году министр юстиции заявил, что составление внесудебных документов является нормальной профессией [5, Р. 99]. Однако Братство преувеличивало, поверенные не были ни некомпетентными, ни необразованными, многие из них были секретарями коммун, бургомистрами, бывшими нотариальными клерками, судебными приставами. Составляя внесудебные документы и проводя публичные торги и распродажи, они, тем самым, имели важный источник дополнительного дохода. Многие из них имели очень большой практический опыт, и это

было одной из серьёзнейших проблем для нотариусов; их конкурентами были люди, которые во многих случаях имели такой же уровень компетенции, как и они сами.

Насколько тонка была грань и мала разница между нотариусом и поверенным, можно увидеть на примере города Велдховен. Там после почётной отставки местного нотариуса нотариальная практика была упразднена. Однако местное население не почувствовало никакого дискомфорта, поскольку различные акты стал составлять для них местный поверенный. Этот поверенный был секретарём в соседней коммуне, также имел ряд административных поручений и, кроме того, успешно сдал два из трёх государственных экзаменов на получение нотариальной должности. Позднее он передал свою практику своему сыну, который был одновременно и маклером, и поверенным [1, Р. 45–46].

В свою очередь, и кандидатов в нотариусы часто обвиняли в том, что они выступают в качестве поверенных. Такие обвинения, в принципе, могли иметь серьёзные последствия для их будущей карьеры. В Министерстве юстиции существовало незыблемое правило, что кандидат в нотариусы, уличённый в том, что он работал в качестве поверенного, не может претендовать на назначение на должность нотариуса. Поверенный оставался поверенным в любом виде и не мог получить рекомендацию на назначение на должность нотариуса.

И это было неизгладимым клеймом для всех, кто когда-либо занимался деятельностью в качестве поверенного, поскольку, в отличие от нотариусов, поверенные не имели своей организации, которая могла бы помочь стереть это клеймо. Почему власти были столь негативно настроены по отношению к поверенным, кроется, несомненно, в том, что поверенные угрожали экономическому благополучию нотариусов. Система так называемой нотариальной монополии была устроена таким образом, что количество нотариальных мест зависело от возможности обеспечения каждого нотариуса достаточным доходом. Разница между доходностью отдельных нотариальных мест не должна быть значительной [2, Р. 65].

Литература:

1. Bijnen, J. F. C. M. Het Veldhovense notariaat in de negentiende en twintigste eeuw. Veldhoven, 1992. P. 31–34, 39, 45–46.
2. Duinkerken, B. De wet op het notarisambt, «eene oorspronkelijke wet?». Amsterdam/Deventer, 1993. P. 65.
3. Elias, D. A. en Scholvinck Paula C. M. Volksrepresentanten en wetgevers. Amsterdam, 1991. P. 45.
4. Harterink, A. M. Gedenkboek 100-jarig bestaan der Vereeniging van notarissen in het arrondissement Leeuwarden. Amsterdam, 1950. P. 48.
5. Heyman, H. W. Het ontwerp voor een nieuwe notariswet van de staatscommissie van 1867. Een blik op de problematiek van het notariaat rond het midden van de negentiende eeuw. Deventer, 1993. P. 99.
6. Heyman, H. W. Bruno Tideman (1803–1881). De oprichter van de Broederschap en zijn visie op het notariaat. Amsterdam, 1993. P. 305, 68, 420.
7. Lange, C. J. de. De geschiedenis van de Broederschap der Notarissen in Nederland gedurende de eerste honderd jaar van haar bestaan. Amsterdam, 1946. P. 408–417, 97, 61–66, 74.

Реформы юридического образования в Республике Узбекистан

Мухитдинова Фирюза Абдурашидовна, доктор юридических наук, доцент;
Аббасходжаев Улугбекходжа Баситхаджаевич, старший научный сотрудник, соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Республика Узбекистан)

В статье рассмотрены и проанализированы реформы юридического образования в Узбекистане. Также обращено внимание на значение этих реформ и их развитие в годы независимости.

Ключевые слова: независимость, роль образования, непрерывность, кадры, демократия, реформа, права человека

Legal education reform in Uzbekistan

Mukhitdinova F.A., JD, associate professor
Tashkent State Law University

The article describes and analyzes the reform of legal education in Uzbekistan. Also drawn attention to the importance of the reform and development in the years of independence.

Keywords: independence, the role of education, continuity, footage, democracy, reform, human rights

Демократические реформы, проводимые в Республике Узбекистан, а также работы по реформированию судебно-правовой системы, осуществленной за истекший период свидетельствуют о том, что без обеспечения дальнейшего повышения роли судебных органов в государственном управлении, усиления их полномочий, независимости и самостоятельности нельзя добиться успеха в политическом и экономическом обновлении и модернизации страны.

Хотелось бы подчеркнуть, что в республике реализуется комплекс организационно-правовых мер, направленных на последовательное укрепление судебной власти, обеспечение независимости и самостоятельности судов. Создана система подбора и расстановки судейских кадров, основанная на современных демократических принципах, важную роль в которой играет действующая на общественных началах Высшая квалификационная комиссия при Президенте Республики Узбекистан по отбору и рекомендации кандидатов на должности судей. Создан специально уполномоченный орган при Министерстве юстиции Республики Узбекистан — Департамент по исполнению судебных решений, материально-техническому и финансовому обеспечению деятельности судов, что в значительной мере освободило суды от несвойственных им функций, позволило сосредоточиться на выполнении ими основной задачи — осуществлении правосудия. Проведена специализация судов общей юрисдикции, созданы суды по гражданским и уголовным делам, что способствовало повышению эффективности их деятельности по квалифицированному рассмотрению уголовных, гражданских дел, надежной защите прав и свобод человека.

Как уже говорилось, историческим этапом в реформировании судебно-правовой реформы стала концепция

дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране, выдвинутая главой государства 12 ноября 2010 года на совместном заседании обеих палат парламента и рассчитанная на долгосрочную перспективу. При этом особое внимание уделяется и усилению необходимых правовых и социальных гарантий для независимого судопроизводства и защиты социального статуса работников судебных органов.

В то же время масштабные задачи, которые стоят в области модернизации всей системы политических, экономических, государственно-правовых отношений, а также формирования гражданского общества, защиты прав и свобод человека ставят на повестку дня вопрос дальнейшей демократизации судебно-правовой системы.

Поэтому особое внимание уделяется реформе юридического образования в Узбекистане. Как известно, непрерывное образование является основой системы подготовки кадров приоритетной сферы, обеспечивающей социально-экономическое развитие Республики Узбекистан, удовлетворяющей экономическим, социальным, научно-техническим и культурным потребностям личности, общества и государства. Принципы функционирования непрерывного образования включают в себя:

- приоритетность образования — первоочередной характер его развития, престижность знания, образованности и высокого интеллекта;
- демократизация образования — расширение самостоятельности учебных заведений в выборе методов обучения и воспитания, переход к государственно-общественной системе управления образованием;
- гуманизацию образования — раскрытие способностей человека и удовлетворение его разнообразных образовательных потребностей, обеспечение приоритетности национальных и общечеловеческих ценностей, гармо-

низации отношений личности, общества и окружающей среды;

- гуманитаризацию образования — формирование у обучающихся эстетически богатого мировоззрения, высокой духовности, культуры и творческого мышления;
- национальная направленность образования, заключающаяся в его органичном единстве с национальной историей, народными традициями и обычаями, сохранении и обогащении культуры народов Узбекистана, признании образования важнейшим инструментом национального развития, уважения к истории и культуре других народов;
- неразрывность обучения и воспитания, направленность этого процесса на формирование всесторонне развитой личности;
- выявление одаренной молодежи, создание условий для последовательного получения фундаментальных и специальных знаний на самом высоком уровне образования. И это касается юридического образования.

Важную роль в этой сфере сыграло Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-1990 от 28 июня 2013 г., «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы подготовки юридических кадров». В нем говорится о дальнейшем совершенствовании системы подготовки высококвалифицированных юридических кадров, отвечающих высоким требованиям проводимых в стране демократических и правовых реформ и современных международных стандартов:

- Преобразовать Ташкентский государственный юридический институт в Ташкентский государственный юридический университет (далее — ТГЮУ).
- Определить ТГЮУ государственным базовым высшим образовательным и научно-методическим учреждением по подготовке, переподготовке юридических кадров по специальности «юриспруденция».

Основными задачами и направлениями деятельности ТГЮУ определить:

- подготовку бакалавров, магистров на основе программ и учебных планов, обеспечивающих фундаментальную базовую, а также практическую профессиональную подготовку студентов в сфере государственного права и управления, уголовного права и процесса, гражданского права и процесса, предпринимательского права (бизнес-право), международного, международного коммерческого (частного) права, а также других приоритетных направлений юридического образования;
- организацию учебного процесса на основе современных форм и методов обучения, педагогических, информационно-коммуникационных, инновационных технологий, направленных на обеспечение тесной связи теоретической подготовки с правоприменительной деятельностью, формирование у студентов аналитического

мышления, умения самостоятельно приобретать и использовать новые знания;

- проведение комплексных научных исследований по актуальным правовым проблемам государственного строительства и управления, модернизации судебно-правовой системы, развития правовых основ углубления рыночных реформ, изучение международного опыта в этой сфере, обеспечение эффективного внедрения результатов научных разработок в правоприменительную практику, учебный процесс;

- переподготовку и повышение квалификации педагогических кадров, преподающих правовые дисциплины в средних специальных, профессиональных, а также высших юридических образовательных учреждениях страны, создание для них учебной литературы и учебно-методических материалов, отвечающих современным требованиям и стандартам;

- создание эффективной системы духовно-нравственного воспитания, повышения правовой, политической культуры и правосознания студентов, формирование и развитие у них патриотических, высоких морально-нравственных качеств;

- укомплектование учебных и научных подразделений Университета высококвалифицированными научными, педагогическими кадрами, владеющими современными формами и методами обучения, практическим опытом работы в правоохранительных и судебных органах, юридических подразделениях органов государственной власти и управления; создание эффективной системы повышения их квалификации, привлечение на контрактной основе для организации и проведения учебной, научно-методической работы высококвалифицированных специалистов ведущих образовательных, исследовательских учреждений зарубежных стран.

В документе также указан перечень профильных специальностей по подготовке бакалавров в Ташкентском государственном юридическом университете:

1. Государственно-правовая деятельность
2. Гражданско-правовая деятельность
3. Уголовно-правовая деятельность
4. Международно-правовая деятельность
5. Предпринимательско-правовая деятельность.

В заключение хотелось бы отметить, что в нашей стране по инициативе Президента Ислама Каримова последовательно осуществляются исторически значимые реформы по образованию и по формированию независимой судебной власти, демократизации и либерализации судебно-правовой системы, повышению эффективности и качества правосудия. В их основе такие благородные цели, как сохранение в обществе мира и спокойствия, защита прав, свобод и законных интересов граждан.

Актуальные проблемы экономической безопасности в Республике Казахстан

Сагинбеков Курманбек Сагинбекович, кандидат юридических наук, доцент;

Газаев Асхат Ибрагимович, магистр права, старший преподаватель;

Турсынбаев Мухтар Базарович, магистр права, старший преподаватель

Таразский государственный университет имени М.Х. Дулати (Республика Казахстан)

В статье рассмотрены особенности использования бюджетных средств, то есть стратегических ресурсов Республики Казахстан, и было предложено более детально разработать уголовно-правовой институт в виде уголовной ответственности за посягательство на Национальный фонд Республики Казахстан, так как данный вопрос не нашел своего разрешения в действующем уголовном законодательстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: национальный фонд, стабилизационный фонд, противодействие коррупции, нецелевое использование, должностное лицо, злоупотребление государственной властью, объект уголовно-правовой охраны, трансферт, бюджетный дефицит.

Как нам известно, возникновение бюджета связано с зарождением и формированием государства, используя его в качестве основного инструмента обеспечения как непосредственно своей деятельности, так и важнейшего элемента проведения социально-экономической политики, так как в бюджетном Кодексе Республики Казахстан бюджет определен как форма образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного исполнительного органа.

Нанесение ущерба экономической безопасности государства, включая использование стратегических ресурсов вопреки интересам страны, препятствование инновационному развитию и росту инвестиционной активности, неконтролируемый вывоз капитала и товаров за пределы страны, рост теневой экономики, являются основными угрозами национальной безопасности. А обеспечение экономической безопасности включает финансовую безопасность, предусматривающую состояние защищенности финансовой системы от реальных и потенциальных угроз, при котором государство способно обеспечить ее целостность, независимость и устойчивое развитие.

Так как, были прецеденты по не возвращению активов национального фонда, назревает необходимость признания национального фонда объектом охраны государством от преступного посягательства, то есть в действующем уголовном кодексе Республики Казахстан национальный фонд непредусмотрен как объект уголовно-правовой охраны.

Возникает необходимость предусмотрения усиления государственного контроля с целью обеспечения законности распределения национального фонда, обеспечения снижения уровня коррупции, укрепления доверия общества к государству и ее институтам, повышения эффективности работы исполнительных органов власти, а также эффективного противодействия современным угрозам безопасности личности, общества и государства за счет введения новых норм, направленных на борьбу с организованной и транснациональной преступностью.

Идея создания некоего внебюджетного фонда для аккумуляции в нем сверхдоходов от экспорта сырьевых ресурсов существовала у руководства Казахстана с момента обретения страной независимости. Однако практически к проблеме создания нефтяного фонда приступили в 1995 году, после принятия новой Конституции, устанавливающей президентскую форму правления, тогда же в экономике страны наступил период относительной стабилизации. К тому же в период 1993–1996 годов мировые цены на нефть непрерывно росли, что естественным образом привело к образованию существенных доходов от экспорта этого сырья из Казахстана, к которым добавились значительные поступления от продажи государственной доли в крупных нефтегазовых проектах иностранным инвесторам.

При создании Национального фонда Казахстана был изучен опыт практически всех аналогичных фондов в других странах мира. Например, опыт создания нефтяного фонда в Венесуэле (в 1998 в Венесуэле был создан Фонд макроэкономической стабилизации. Первоначально критерии наполнения фонда были сформулированы достаточно жестко: если мировая цена на нефть превышает нормативную (\$ 14,7 за баррель), то каждый доллар сверх этого идет в фонд. В дальнейшем правила перечисления средств в фонд изменялись, а госбюджет сводился с постоянным дефицитом.

В случае с Венесуэлой, в связи с открытием нефти в начале XX века привела к ухудшению политической коррупции, [1] и в конце 1970-х годов, нефть сравнивали как «экскременты Дьявола». [2]

Нигерии в сентябре 2004 года правительство страны приняло решение создать Стабилизационный фонд, кроме того Нигерия в 2011 году в целях управления ресурсами создало инвестиционное управление, которые говорят экономисты часто были растрчены в прошлом [3].

Изучался опыт арабских стран, в частности Кувейта (Кувейте существует два фонда — Бюджетный резервный фонд (с 1960) и Резервный фонд будущих поколений (с 1976). В фонд будущих поколений перечисляются

10% госдоходов (независимо от их происхождения и цен на нефть). К концу 2004 года объем обоих фондов достиг \$80 млрд. (около 170% ВВП). Характер размещения средств фондов не разглашается, хотя известно, что деньги вкладываются в ценные бумаги развитых стран. Именно из этих фондов Кувейт профинансировал восстановление страны после войны 1990–1991 годов), Омана (в 1980 году был создан Государственный резервный фонд, а в 1993 году — ещё и Нефтяной фонд. При этом все нефтяные доходы при цене до \$15 за баррель идут в бюджет, следующие \$2 за баррель — в Государственный резервный фонд, следующие \$0,5 за баррель — в Нефтяной фонд, а при цене свыше \$17,5 за баррель нефтяные сверхдоходы снова идут в бюджет. Однако фонды наполнить так и не удалось, так как их средства постоянно шли на покрытие бюджетного дефицита) Саудовской Аравии и Ливии и т. д.

В качестве образца для казахстанского Национального фонда была выбрана модель Нефтяного фонда Норвегии, который успешно функционирует уже несколько десятков лет (в Норвегии в 1990 был создан Государственный нефтяной фонд. Он выполняет роль как стабилизационного, так и «фонда будущих поколений». Порядок наполнения фонда определяется правительством и ежегодно утверждается парламентом, в него идёт около половины нефтяных доходов госбюджета. На начало 2006 в фонде было накоплено \$220 млрд. (75% ВВП). Доходность Нефтяного фонда в 2005 составила 8,58%. В среднем за девять лет она составила 4,47%, причем в 2001–2002 годах фонд терпел убытки. Около 46% средств фонда вложено в акции, а остальное в облигации [4]. По состоянию на 31 декабря 2010 года, его общая стоимость составляет НОК 3,077 млрд. (\$525 млрд.) [5].

Правительство Норвегии проводит политику пополнения Государственного нефтяного фонда очень жёстко. В результате связь между притоком нефтедолларов и бюджетными расходами стала даже обратной: чем выше нефтяные цены, тем меньше бюджетные расходы, и наоборот [4].

Аналогичный резервный фонд Российской Федерации сформирован 1 февраля 2008 года, после разделения Стабилизационного фонда на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния России. На 1 июня 2014 года по данным Минфина объём средств резервного фонда составлял 3026,34 млрд. рублей [6].

В Казахстане Указом Президента Республики Казахстан от 23 августа 2000 года №402 «О Национальном фонде Республики Казахстан» был создан Национальный фонд по аналогии с другими странами, где существенная часть доходов бюджета формируется за счет поступлений от экспорта природных ресурсов. 24 августа 2000 года, было принято постановление Правительства №1303, которым в качестве первоочередной задачи была определена разработка законодательных актов по вопросам создания и функционирования Национального фонда Республики Казахстан. 29 января 2001 г. Указом Президента Респуб-

лики Казахстан №543 «О некоторых вопросах Национального фонда Республики Казахстан» были определены основные цели, задачи Национального фонда Республики Казахстан, источники и порядок его формирования, порядок использования средств фонда, функции, права и обязанности государственных органов по его управлению, правила отчетности о формировании и использовании Национального фонда РК. В мае 2001 года был принят Закон РК «О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам функционирования Национального фонда Республики Казахстан» №182 от 03.05.2001, которым существование Национального фонда получило достаточно четкое законодательное закрепление в законодательстве о бюджетной системе и о Национальном банке [7].

Начало деятельности Национального Фонда Республики Казахстан было положено за счет средств от продажи государственной доли в совместное предприятие «Тенгизшевройл», сумма которых с учетом капитализации составила 674378570,70 долл. США.

С 2001 года объем накопленных средств в нем вырос практически в 90 раз в долларовом выражении (без учета инфляции). Благодаря благоприятной конъюнктуре на глобальных сырьевых рынках только за прошлый 2012 год его активы выросли на 32,41%, достигнув 57,77 млрд долларов. Это составляет более 27,5% от ВВП страны. Для сравнения: чистые международные золотовалютные резервы Национального банка Республики Казахстан за тот же временной период снизились ввиду ряда причин на 3,5% — до 27,75 млрд долларов США [8].

Основные средства Фонда вложены в валютные и долговые активы вне национальной юрисдикции. При этом, не осуществляется комплексная оценка долгосрочных отрицательных последствий для национальной экономики неограниченного изъятия денежных средств в Национальный фонд Республики Казахстан, в том числе с точки зрения скрытого оттока капитала из страны при вложении средств Фонда в зарубежные долговые и валютные активы.

Вопросы эффективного использования средств Национального фонда Республики Казахстан всегда были актуальными. Их важность особенно возросла в связи с проявлением признаков системного кризиса действующей модели социально-экономического развития Казахстана.

Согласно статье 21. Бюджетного кодекса Республики Казахстан Национальный фонд Республики Казахстан представляет собой активы государства в виде финансовых активов, сосредоточиваемых на счете Правительства Республики Казахстан в Национальном Банке Республики Казахстан, а также в виде иного имущества, за исключением нематериальных активов. Предназначен для обеспечения социально-экономического развития государства путем накопления финансовых активов и иного имущества, за исключением нематериальных активов, снижения зависимости экономики от нефтяного сектора и воздействия неблагоприятных внешних факторов.

Национальный фонд Республики Казахстан осуществляет сберегательную и стабилизационную функции. Сберегательная функция обеспечивает накопление финансовых активов и иного имущества, за исключением нематериальных активов, и доходность активов Национального фонда Республики Казахстан в долгосрочной перспективе при умеренном уровне риска. Стабилизационная функция предназначена для поддержания достаточного уровня ликвидности активов Национального фонда Республики Казахстан.

Часть Национального фонда Республики Казахстан, используемая для осуществления стабилизационной функции, определяется в размере, необходимом для обеспечения гарантированного трансферта.

Формирование и использование Национального фонда Республики Казахстан определяются с учетом конъюнктуры мировых и внутренних товарных и финансовых рынков, экономической ситуации в государстве и за рубежом, приоритетов социально-экономического развития республики с сохранением при этом макроэкономической и фискальной стабильности и соблюдением основных целей и задач Национального фонда Республики Казахстан. Решения по повышению эффективности формирования и использования Национального фонда Республики Казахстан, а также по объемам и направлениям его использования принимает Президент Республики Казахстан.

Доверительное управление Национальным фондом Республики Казахстан осуществляет Национальный Банк Республики Казахстан на основании договора о доверительном управлении, заключаемого между Национальным Банком Республики Казахстан и Правительством Республики Казахстан.

Источниками формирования Национального фонда Республики Казахстан являются:

- 1) поступления в Национальный фонд Республики Казахстан;
- 2) инвестиционные доходы от управления Национальным фондом Республики Казахстан;
- 3) иные поступления и доходы, не запрещенные законодательством Республики Казахстан.

Поступления в Национальный фонд Республики Казахстан состоят из:

- 1) прямых налогов от организаций нефтяного сектора (за исключением налогов, зачисляемых в местные бюджеты), к которым относятся:
 - корпоративный подоходный налог, налог на сверхприбыль;
 - налог на добычу полезных ископаемых, бонусы, доля по разделу продукции;
 - рентный налог на экспорт;
 - дополнительный платеж недропользователя, осуществляющего деятельность по контракту о разделе продукции;
- 2) других поступлений от операций, осуществляемых организациями нефтяного сектора (за исключением по-

ступлений, зачисляемых в местные бюджеты), в том числе поступлений за нарушения условий нефтяных контрактов (за исключением поступлений, зачисляемых в местные бюджеты);

- 3) поступлений от приватизации государственного имущества, находящегося в республиканской собственности и относящегося к горнодобывающей и обрабатывающей отраслям;

- 4) поступлений от продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения.

Национальный фонд Республики Казахстан расходуется:

- 1) в виде гарантированного трансферта из Национального фонда Республики Казахстан в республиканский бюджет;

- 2) на покрытие расходов, связанных с управлением Национальным фондом Республики Казахстан и проведением ежегодного аудита;

- 3) в виде целевых трансфертов, передаваемых из Национального фонда Республики Казахстан в республиканский бюджет на цели, определяемые Президентом Республики Казахстан.

Гарантированным трансфертом из Национального фонда Республики Казахстан являются невозвратные поступления в республиканский бюджет из Национального фонда Республики Казахстан.

Размер гарантированного трансферта из Национального фонда Республики Казахстан определяется в абсолютном фиксированном значении и утверждается законом Республики Казахстан [9].

В 2011 году руководство Казахстана официально подчеркнуло необходимость пересмотра приоритетов деятельности Национального фонда Республики Казахстан, сформулированных в действующей Концепции формирования и использования средств Национального фонда Республики Казахстан от 2010 года, в целях более полного учета долгосрочных задач и повышения устойчивости экономического развития Казахстана, а также повышения общей доходности через диверсификацию портфеля инвестиций. Стоит отметить, что действующая Концепция предусматривает усиление именно сберегательной направленности Фонда в рамках достаточно размытой трактовки — «перераспределение сбережений между поколениями». На сегодняшний день речь идет преимущественно о повторном использовании возвращаемых в Национальный фонд Республики Казахстан средств антикризисной программы, а также о выделении через Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» облигационного займа Акционерное общество «Национальная компания «КазМунайГаз» в размере 4 млрд долларов США двумя траншами в 2013 и 2015 годах. Кроме того, часть средств Национального фонда используется для решения широкого круга национальных задач в рамках ежегодного гарантированного трансферта в республиканский бюджет в размере 8–9,3 млрд долларов [8].

В условиях мирового кризиса вопрос функционирования Национального фонда становится политическим. Особое недоумение вызывает предложение некоторых политиков поделить все деньги фонда между казахстанцами. Средства Национального фонда — это не только достояние сегодняшнее, но и достояние будущего поколения.

Однако, сегодняшние реалии таковы, что в соответствии с новым подходом по использованию средств, когда введен институт фиксированного гарантированного трансферта в республиканский бюджет в абсолютном значении в размере 8 млрд. долларов США возникает риск нецелевого использования данных средств. Деньги в виде трансфертов используются в основном для финансирования бюджетного дефицита. В этом смысле они действительно тратятся бесконтрольно. Никто не может гарантировать, что трансферты из Национального фонда будут направлены исключительно на финансирование инвестиционных и социальных проектов [10].

Если обратиться к истории развития аналогичных фондов некоторых стран, то виден отрицательный результат, например, Венесуэле к 2003 году удалось накопить \$2,59 млрд., но правительство Уго Чавеса вскоре истратило эти деньги и сейчас фонд фактически не функционирует, а в Нигерии правительство в сентябре 2004 года приняло решение создать Стабилизационный фонд и перевести в него 50% нефтяной сверхприбыли за предыдущий год. Однако уже в ноябре того же года из этих средств было изъято \$280 млн., которые были потрачены на компенсацию гражданам их затрат на бензин. Фонд так и не начал функционировать [5].

В рамках нашей статьи опыт этих стран крайне полезен, поскольку в этих странах прибыли нефтяной промышленности были растранижены бесцельно, что в итоге привело к увеличению их задолженности международным нефтяным организациям. Научное осмысление проблем по функционированию фондов вышеуказанных стран очень значимо для данного исследования.

А так же, авторов настораживает заявление Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о пропаже из Национального фонда десяти миллиардов долларов. На совещании по итогам 2012 года он заявил, что деньги, выделенные на реализацию антикризисных программ, «до сих пор не видим, исчезли куда-то», несмотря на то, что «все говорили: будут возвращены» [11], а так же криминологическая характеристика ниже указанных статистических данных по экономическим и коррупционным преступлениям.

Реализация государственной антикоррупционной политики — общенациональная задача. Уголовная политика государства определяет основные направления борьбы с коррупционными правонарушениями, так как коррупция наряду с преступностью стала серьезным вызовом для государственной власти и общества в Казахстане.

Например, за 12 месяцев 2012 года органами финансовой полиции выявлено 1828 коррупционных преступ-

лений с суммой ущерба — 7,8 млрд. тенге, возмещено 7 млрд. тенге, что составляет 89,7%.

Большинство коррупционных преступлений совершается работниками акиматов различных уровней — 221, сотрудниками органов внутренних дел — 131, министерства сельского хозяйства — 105, налоговых органов — 53, министерства труда и социальной защиты населения — 42 [12].

Самый существенный ущерб государству нанесли экс-акимы/мэр/Алматы и Атырауской области Храпунов и Рыскалиев. Сумма похищенных средств Рыскалиевым превышает 70 миллиардов тенге [13].

Деятельность коррумпированных чиновников способствует хищническому вывозу из Казахстана капитала и сырья. По некоторым данным, объем теневых капиталов, находящихся за границей, составляет от 3 до 10 млрд. долларов. За последние годы из республики было вывезено сырья на сумму 45–50 млрд. долларов [14].

В Казахстане коррупция в первую очередь связана с деятельностью государственных служащих, которые наделены соответствующими полномочиями в вопросах управления. Общеизвестно, что в Казахстане государственные служащие относятся к властвующей элите, иными словами, государственные служащие Республики Казахстан — это граждане Республики Казахстан, занимающие в установленном законодательством порядке оплачиваемую из республиканского или местных бюджетов либо из средств Национального банка Республики Казахстан должность в государственном органе и осуществляющий должностные полномочия в целях реализации задач и функций государства [15]. Согласно закона РК «О государственной службе», данная категория служащих осуществляя свою деятельность руководствуются принципами законности, казахстанского патриотизма и личной ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение государственным служащим должностных обязанностей и превышение им своих полномочий. Исходя из определения данные лица могут претендовать на высокие государственные и политические должности и в дальнейшем могут иметь доступ к активам национального фонда и лабирировать в политических целях.

Таким образом возникли большие риски, связанные с ростом коррупционных возможностей и нецелевым использованием части средств Фонда. И здесь возникает необходимость разработки комплекса уголовно-правовых средств по противодействию ему.

На наш взгляд, необходимо подробно рассмотреть концептуальные направления развития уголовной политики в условиях глобализационного процесса в сфере экономической деятельности.

Мы предлагаем, признания национального фонда объектом охраны государством от преступного посягательства.

Общественная опасность посягания на Национальный фонд выражается в подрыве нормального функционирования денежно-кредитной системы и в нанесении огром-

ного ущерба экономике и развитию рыночных отношений нашего государства.

Объектом рассматриваемого исследования являются нормальная деятельность сберегательной и стабилизационной функции Национального фонда Республики Казахстан, а предметом выступают активы государства в виде финансовых активов, сосредоточиваемых на счете Правительства Республики Казахстан в Национальном Банке Республики Казахстан, а также в виде иного имущества, за исключением нематериальных активов.

Предлагаемый нами вариант, признания Национального фонда как объекта уголовно — правовой охраны, предусматривает усиление государственного контроля

с целью обеспечения законности распределение национального фонда, обеспечит снижение уровня коррупции, укрепит доверие общества к государству и ее институтам, повысит эффективность работы исполнительных органов власти, а также эффективного противодействие современным угрозам безопасности государства.

Как нам известно, уголовная политика в области борьбы с преступностью основывается на принципе неотвратимости наказания, но с другой стороны эту проблему одним только ужесточением уголовных наказаний не решить, требуется совершенствование законодательно-нормативной базы в целом и решение ряда организационных вопросов.

Литература:

1. From 1917, «greater awareness of the country's oil potential had the pernicious effect of increasing the corruption and intrigue amongst Gomez's family and entourage, the consequences of which would be felt up to 1935 — B. S. McBeth (2002), Juan Vicente Gómez and the Oil Companies in Venezuela, 1908–1935, Cambridge University Press, p17.
2. «The perception of petroleum as the cause of Venezuela's corruption had become widespread during this period». — Coronil, F. (1988), The magical state: nature, money, and modernity in Venezuela, p353.
3. Nigeria fund invests \$200 mln as oil price cushion By Daniel Bases September 25, 2013. <http://news.yahoo.com/nigeria-fund-invests-200-mln-oil-price-cushion-70516568> — finance. html?soc_src=copy
4. Владимир Каратицкий «Правда и мифы о Национальном фонде» http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1050505;
5. «Fifth Best Year in the Fund's History». Norges Bank Investment Management. 2011–03–18. <http://www.nbim.no/en/press-and-publications/News-List/736/femte-beste-resultat-i-fondets-historie/>. Retrieved 2011–04–05.
6. <http://ru.wikipedia.org/>
7. Закон РК «О Национальном фонде Республики Казахстан» от 23.08.2000 г. (с изменением и дополнением от 20.08.2007 г.)
8. А. Устименко Национальный фонд РК: изменения назрели/Журнал KAZENERGY 2013. №3 (58)
9. Бюджетный кодекс РК
10. Проблемы и перспективы Национального фонда Республики Казахстан. Материалы исследования/Под редакцией С. М. Злотникова — Алматы: ОФ «Транспаренси Казахстан», 2004. — 128 с;
11. <http://www.almaty.tv/news/>.
12. Обзор структуры и динамики коррупции за 12 месяцев 2012 года Агентства Республики Казахстан по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция) // <http://www.finpol.kz/rus/>
13. Сотрудники финансовой полиции рассказали о крупнейших преступлениях, совершенных в стране. <http://www.almaty.tv/news/>
14. Зацепина, Н. И. Теневая экономика в Казахстане // Актуальные проблемы образования и науки на современном этапе. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Том 1. — Кокшетау: Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова, 2005. — с. 163–167.
15. «О государственной службе Закон Республики Казахстан» от 23 июля 1999 года N 453», Казахстанская правда» от 6 августа 1999 года

Англосаксонская модель государственного управления: особенности главы политико-территориального образования

Тебаев Дидар Болатович, заведующий информационно-аналитическим сектором
Ассоциация стипендиатов международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашақ» (г. Астана)

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии по форме правления является конституционной монархией. Формальной главой государства — король или королева. Де-юре монарх имеет широкие права: назначения премьер-министра, членов правительства, созыва и роспуска Парламента, вето на законопроекты, помилования [6; 118]. Помимо вышеназванных полномочий, глава Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии является главнокомандующим вооруженных сил, объявляет войну и заключает мир, представляет государство во внешних отношениях и имеет некоторые другие полномочия. Но де-факто управлением государственными делами занимается правительство. Главой правительства является премьер-министр.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии [6; 118] представляет собой государство, в котором основными политико-территориальными образованиями являются Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия. В Англии и Уэльсе политико-территориальные единицы — это графства. Вся территория Англии поделена на 45 графств, 6 из них являются «столичными» (метропольные — прим. автора): Большой Манчестер; Западный Йоркшир; Западный Мидлэнд; Мерсисайд; Тайн и Уэйр; Южный Йоркшир. Лондон имеет особый политико-территориальный статус и поделен на 32 городских района. Следующая ступень по нисходящей линии — округа, их количество составляет 296. Первичной политико-территориальной единицей является приход (городские и сельские приходы). Уэльс включает 11 графств и 11 городов-графств, а графства делятся на общины (в сельской местности). Территория Шотландии поделена на 32 политико-территориальные единицы, куда входят и три островных образования (Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова). Так же, как и в Уэльсе, первичной политико-территориальной единицей является община. Территория Северной Ирландии состоит из 6 графств, которые, в свою очередь, делятся на 26 округов [4; 444]. Самостоятельными административными единицами являются остров Мэн и Нормандские острова [6; 119].

Система органов управления в Соединенном Королевстве имеет отличный характер по сравнению с постсоветскими странами. В Западной Европе, в особенности в Великобритании, органы управления на местах более или менее автономны по отношению к центру. По мнению некоторых ученых, однородность органов управления — лишь видимость, и в каждой территориальной единице есть свои особенности. Так, «в одной только Англии существуют: графства с полномочиями дореформенных графств

(юридический статус — графства), унитарные графства с полномочиями дореформенных графств и округов (юридический статус — графства), округа с дореформенными полномочиями (юридический статус — округа), унитарные округа с объединенными полномочиями (юридический статус — округа), города, обладающие статусом округов — унитарных или дореформенных, городские округа» [7; 73].

В системе органов управления функции главы политико-территориального образования может выполнять совет, который в свою очередь формирует и контролирует работу исполнительно-распорядительных органов, тогда как председатель совета выполняет лишь представительские функции.

Также в структуре органов управления присутствует глава администрации, который возглавляет все исполнительно-распорядительные органы политико-территориального образования. Главу администрации нельзя назвать главой политико-территориального образования, так как в Великобритании он имеет лишь второстепенные функции, все вопросы управления находятся в ведении советов, которые могут делегировать ряд своих полномочий.

Согласно закону о местном управлении, который был принят в 2000 г., структура органов управления, в частности исполнительных, изменилась. Названный закон в статье 11 [5] предусматривает три формы исполнительных органов:

1) «система «мэр и кабинет», в условиях которой избранный прямыми выборами мэр формирует свой «кабинет», состоящий из назначаемых им помощников (от двух до десяти);

2) система «лидер и кабинет», при которой глава исполнительного органа избирается советом, а его помощники («кабинет») назначаются главой, либо советом;

3) система «мэр и управляющий», предполагающая прямые выборы мэра, который осуществляет управленческие функции вместе с управляющим, назначенным советом» [1; 491].

Как следствие, мэр приобретает черты главы политико-территориального образования и по существу становится производной совета политико-территориального образования. По мнению Я.Ю. Старцева, это обусловлено низкой эффективностью и результативностью работы советов и главы администрации.

В сравнении, например, с акимом (главой политико-территориального образования в Республике Казахстан) мэр обладает меньшей автономностью от представительного органа. Это объясняется тем, что в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии сильны

традиции коллегиальности в принятии решений. Однако в полной мере нельзя говорить, что советы — это представительный орган. Их правовая природа носит сложный характер: советы выполняют функции как представительного органа, так и исполнительного.

Таким образом, развитие института главы политико-территориального образования в Великобритании продолжается. Идет постепенное обособление института мэра от советов и соответственно отделение исполнительной ветви власти от представительной власти.

Интересен пример структуры государственных органов Ирландии. Там советы политико-территориальных образований каждый год избирают из своего числа председателя, который лишь руководит деятельностью совета. Председатель может именоваться мэром в зависимости от сложившихся традиций определенного политико-территориального образования.

Однако ключевую роль в управлении территориальной единицей играет так называемый менеджер политико-территориальной единицы. Основная задача менеджера — это осуществление исполнительно-распорядительных функций. По сути, это профессиональный управленец. Фактически именно он является главой политико-территориальной единицы в Ирландии. Данная должность не является выборной, назначение на нее осуществляется советами. Кандидатуры на должности менеджеров предлагают центральные органы управления (комиссия по делам назначения на местные должности) и советы не могут отклонить данную кандидатуру. С помощью данного механизма центр контролирует местные органы управления, создавая иллюзию автономности.

В Соединенных Штатах Америки система общегосударственных органов власти отличается от системы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Положение Президента в системе государственных органов мы рассмотрели в предыдущем разделе настоящей главы. Американская же система органов управления в регионах и на местах имеет определенные сходства с системой органов управления Великобритании. Основными политико-территориальными единицами являются штаты, которые делятся на графства, далее города, бороу, виллиджи, тауны и тауншипы. И каждое политико-территориальное образование имеет в своей структуре институт главы политико-территориального образования.

Глава штата — губернатор, который является высшим должностным лицом данного политико-территориального образования. Должность губернатора является выборной, кандидатом в губернаторы может стать любой гражданин США 30-летнего возраста, который прожил в штате более 5 лет. Губернатор штата в системе государственных органов занимает одно из центральных положений, так как он является главой исполнительной власти и может возглавлять правящую партию.

Однако, как отмечают некоторые ученые, «партийная принадлежность губернатора и большинства других ор-

ганов власти оказывается различной (хотя по своему составу законодательных органов во многих штатах традиционно однопартийные), и тогда во взаимодействии властей происходят «сбои». Но в целом механизм власти в штатах, как и механизм отношений штата с федеральной властью, достаточно хорошо отлажен и не порождает частых и серьезных кризисов» [4, 405]. Губернатор имеет рычаги давления на представительный орган штата: «имеет право вето, направляет послания, готовит основную массу законопроектов, обладает правом созыва очередных и чрезвычайных сессий законодательного органа» [4, 404] и др. Данные полномочия существенны, так как, по сути, могут блокировать работу всего законодательного процесса в штате. Вето губернатора может быть преодолено путем повторного голосования 2/3 членов представительного органа политико-территориального образования, но губернатор штата, как правило, является представителем политической партии, которая представлена в представительном органе, что существенно усложняет преодоление вето.

Губернатор непосредственно относится к исполнительной власти. Так, в ч. 10 ст. 5 Конституции штата Нью-Джерси (Штат США) закреплено, что исполнительная власть принадлежит губернатору: «Губернатор обеспечивает добросовестное приведение в исполнение всех законов. С этой целью он имеет право соответствующим решением или путем судебного разбирательства, возбужденного от имени штата, приводить в исполнение любой предоставленный Конституцией или Законодательным собранием мандат и препятствовать нарушению любого предоставленного Конституцией или Законодательным собранием права или обязанности любым должностным лицом, учреждением или агентством штата» [3]. В этом положении заложены основы властных полномочий губернатора, который с помощью прямых и косвенных рычагов давления может пролоббировать принятие законодательного акта, который сам же будет приводить в исполнение.

Если сравнивать правовой статус главы государства и губернатора штата, то можно найти много сходств. Например, в ст. 10 Конституции Мичиган (штат США) отмечено, что губернатор «уполномочен жаловать отсрочку исполнения приговоров, смягчение наказаний и помилование при любых правонарушениях, за исключением государственной измены и случаев импичмента» [2]. Кроме того, губернатор назначает и выдвигает кандидатов на высшие должности в штате, он имеет право, как подчеркивает В.А. Юхнова, «требовать представления им главами ведомств штата письменных отчетов о деятельности ведомств, что также создает возможность влиять на направления их работы».

Рассмотрим американскую модель института главы города. В США также существует три системы положения института главы города. Наиболее распространенная — модель совет-мэр. Совет и мэр избираются независимо друг от друга. По сути, в результате мэр становится независим от Совета и может проводить свою политику в по-

литико-территориальном образовании. Я.Ю. Старцев утверждает, что «кроме того, правовой и социальный статус мэра весьма прочен и значителен, поскольку он получает свой мандат непосредственно от народа. Мэр избирается чаще всего сроком на 4–5 лет» [7; 93].

Вторая система называется «совет — управляющий». Главное отличие от системы, рассмотренной выше, заключается в том, что управляющий (глава администрации) является профессиональным управленцем, который назначается советом политико-территориального образования. И хоть, как отмечают многие ученые, управляющий имеет всю полноту власти в территориальной единице, совет всегда имеет право уволить его, так как он является лишь наемным лицом. Мэр же имеет в этой системе лишь представительские функции [4, 408].

Третьей системой является так называемая коммиссионная форма городского самоуправления (встречается редко), при которой функции главы политико-территориального образования осуществляет выборный коллегиальный орган. Комиссия выполняет функции как представительного органа, так и исполнительных органов данной

политико-территориальной единицы. Члены данной комиссии возглавляют органы управления по основным направлениям развития территориального образования [4, 409]. По нашему мнению, данная форма наименее жизнеспособна, так как порождает бесконтрольность и безответственность членов комиссии.

Таким образом, в англосаксонской системе государственного управления есть различные модели положения главы политико-территориального образования в структуре государственных органов. Вот некоторые особенности данной системы:

- выборность главы политико-территориальной единицы (на всех территориальных уровнях);
- наличие профессионального образования у главы исполнительно-распорядительного органа на региональном и местном уровнях (примером служит Ирландия);
- внедрение системы разделения властей на местном уровне государственного управления (глава политико-территориального образования и глава исполнительно-распорядительного органа — разные субъекты управления).

Литература:

1. Арбузкин, А. М. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юристъ, 2004. — 666 с.
2. Конституции Мичиган (Штат США) // <http://worldconstitutions.ru/archives/171/2> (26.02.2012).
3. Конституции штата Нью-Джерси (штат США) // <http://worldconstitutions.ru/archives/169/3> (25.02.2012).
4. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов/Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. М.: Норма, 2004. — 832 с.
5. Особенности организации местного самоуправления и местных выборов в Великобритании // <http://www.library.ru/help/docs/n59544/1.doc> (20.02.2012).
6. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. — 3-е изд., перераб. и доп. (Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев.). — М.: Издательство НОРМА, 2003.
7. Старцев, Я. Ю. Курс лекций. Государственное и муниципальное управление в зарубежных странах. М., 2003. — 322 с.

Судебный прецедент в Великобритании в начале XXI века

Шередедко Елена Владимировна, научный сотрудник Института налоговой политики и налогового администрирования
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В соответствии с теорией права юридический прецедент является одной из четырех форм (источников) права наравне с правовым обычаем, нормативным договором, нормативным актом.

В юридическом словаре прецедент (от лат. praecedens, praecedentis — предшествующий) определяется как поведение в конкретной ситуации, которое рассматривается как образец при аналогичных обстоятельствах [1].

Юридический прецедент — это судебное или административное решение по конкретному делу, которому придается сила нормы права и которым руководствуются при решении схожих дел [2, с. 62]. Судебный пре-

цедент — это решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел либо служащее примерным образцом толкования закона.

Значение судебного прецедента для права Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) сложно недооценить. Во-первых, судебный прецедент как форма (источник) права сформировался и был теоретически обоснован именно в Великобритании. Во-вторых, как справедливо отметил Р. Давид, английские юристы рассматривают свое право главным образом как право судебной прак-

тики. Судебный прецедент является основной формой общего права и права справедливости.

Право, как и его формы (источники) постоянно развиваются. В конце XX — начале XXI веков в Великобритании прошли серьезные реформы, оказавшие влияние на развитие доктрины судебного прецедента. Так, итогом судебной реформы стала передача полномочий Апелляционного комитета Палаты лордов (Appellate Committee of House of Lords), осуществляющего деятельность от имени Палаты лордов, и Судебного комитета Тайного совета (Judicial Committee of the Privy Council) новому высшему судебному органу — Верховному суду Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Верховный суд Великобритании). К сожалению, в российской научной правовой литературе эти изменения не получили должного отражения.

Целью данного исследования является актуализация доктрины судебного прецедента в Великобритании в свете проводимых в государстве преобразований.

Английская доктрина относит судебные прецеденты к неписанным источникам права. Хотя судебные решения существуют в писаной форме, то есть зафиксированы на бумаге, но выражение «писанный закон» означает только акт (закон), официально принятый Парламентом [3, с. 7].

Правило прецедента раскрывается доктриной судебного прецедента и имеет следующее содержание:

1) решения, выносимые Верховным судом Великобритании, составляют обязательные прецеденты для всех судов и самого Верховного суда Великобритании;

2) решения, принятые Апелляционным судом, обязательны для всех судов, кроме Верховного суда Великобритании;

3) решения, выносимые Высоким судом правосудия, обязательны для всех судов, кроме Верховного суда Великобритании и Апелляционного суда.

Судебный прецедент создается при рассмотрении конкретных дел по спорам между физическими лицами, компаниями, государством, если отсутствует нормативно-правовой акт. В этом случае для урегулирования спорного вопроса суду предоставляется право для выработки правового положения в рамках этого дела.

Не любое судебное решение высших органов судебной власти становится судебным прецедентом, а только то, которое вынесено большинством голосов членов суда. Если мнения судей разделяются, то каждый судья излагает свое мнение отдельно, но оно не имеет силы прецедента. Однако не исключается возможность, что особое мнение судьи по одному делу может стать впоследствии мнением большинства по другому делу.

Основу судебного решения, то есть саму прецедентную норму, составляет *ratio decidendi*. Остальная часть, или *obiter dictum*, рассматривается как заявление, относящееся к вопросу, который не составляет предмета решения суда. Она носит аргументирующий, разъясняющий или уточняющий характер.

Для правильного выделения *ratio decidendi* необходимо знать структуру судебного решения, включающую три части: установочную, правовую и заключительную. В установочной части излагаются факты дела, прямые и косвенные доказательства. Правовая часть содержит изложение правовых принципов, применимых к правовым проблемам, возникающим из конкретных обстоятельств [4, с. 70]. В заключительной части излагается решение по делу, которые сделал суд на основании применения правовых принципов к установленным фактам в деле.

Для сторон спора наиболее важной частью является заключительная, так как в ней окончательно устанавливаются их права и обязанности. Но с точки зрения доктрины судебного прецедента наиболее существенным элементом судебного решения является правовая часть — *ratio decidendi*. Р. Уолкер отмечает: «...*ratio decidendi* может быть определено как применяемое к правовым вопросам, возникающим в связи с установленными фактами, правовое положение, на котором основано решение» [5, с. 159].

Сложность применения судебного прецедента заключается в том, что определить точную дату вступления его в силу — невозможно. Кроме этого, судьи по своему усмотрению могут обратить действие прецедентной нормы в прошлое, настоящее и будущее.

Окончание действия прецедента связано с такими процедурами, как судебное преодоление (*overrule*) и отклонение от прецедента (*distinguish*). Первая процедура заключается в замене прежнего прецедента новым решением вышестоящего или того же суда, если последний имеет соответствующую юрисдикцию. Вторая процедура применяется в том случае, если норма акта Парламента, в соответствии с которым был принят судебный прецедент, утратила силу. Выяснение, какие судебные прецеденты утратят свое прецедентное значение, возлагается на суды. А.К. Романов отмечает: «Судьи предпочитают не отменять прецеденты, но отличать их (*distinguish*). При необходимости данный прием позволяет возродить любой так называемый «спящий» прецедент» [6, с. 114].

Судебный прецедент подлежит обязательному опубликованию, что придает прецеденту официальность и общедоступность использования его в практической деятельности. Наиболее авторитетными являются издания Инкорпорированного совета судебных отчетов Англии и Уэльса. Данным органом выпускается четыре сборника в серии «Судебные отчеты», в которых содержатся решения апелляционных инстанций, решения отделения королевской скамьи Высокого суда, решения отделения по семейным делам Высокого суда, решения канцелярского отделения Высокого суда.

Однако современный уровень развития информационных технологий позволил перейти на электронные средства публикации судебных решений, что дало возможность опубликовывать все решения высших судов и обеспечивать неограниченный доступ к ним. Так, с 1996 г. в Интернете публиковались все решения Па-

латы лордов, а в 2014 г. Верховный суд Великобритании стал первым в мире высшим судебным органом государства, публикующим свои новости через Twitter. Использование сервиса микроблогов позволит оперативно и просто информировать подписчиков о деятельности суда [7].

В случае неясности или неопределенности права суды в Великобритании имеют право осуществлять его толкование. При этом толкование сводится не только к уяснению и разъяснению содержания его источников, а выступает аналогом «применения права». Высшие судебные органы государства могут принимать право, то есть выносить судебные решения — судебные прецеденты, являющиеся источником (формой) права. Любые суды исполняют право, то есть следуют требованиям правовых норм, содержащихся в источниках права. И, наконец, суды могут применять право, то есть осуществляют осмысленные с точки зрения права действия.

Основными методами толкования судами законодательства являются уяснение (*interpretation*) и разъяснение (*construction*). Первый метод сводится к ознакомлению с актом Парламента и применению его норм исходя лишь из того, что в них написано и в объеме написанного. Разъяснение предполагает восприятие не только слов, но и позиции законодателя в целом. В Великобритании есть специальный Акт «О правилах толкования» 1978 г. (*Rules of Interpretation Act*), и многие акты Парламента содержат специальные разделы, объясняющие употребленные в акте термины.

Кроме этого, суд толкует законодательство на основании презумпций толкования (*Presumption in Interpretation*) [8], специальных правил (канонов) толкования (*Canons of Construction*) и приемов толкования [9].

Каноны толкования называют особые правила для судей при разъяснении положений законодательства. Большинство канонов представляют собой конвенции, выработанные судьями и соблюдаемые ими в силу традиции. Каноны необходимы для определения пределов, в которых судьи могут считать себя свободными, не опасаясь своими решениями вступить в конфликт с законодательной властью.

Выделяют несколько видов канонов толкования.

1) Грамматическое (буквальное) толкование (*literal approach* или *literal rule*). Его суть выражается в том, что волю Парламента следует устанавливать исходя из обычного и общеупотребительного смысла слов, используемых в тексте законодательного акта. Суд не может подменять Парламент или корректировать слова в тексте его акта.

2) Логическое толкование (*golden approach* или *golden rule*) выражается в том, что суд может применять буквальное толкование лишь в тех пределах, в каких не приводит к искажению смысла закона в целом.

3) Историческое (целевое) толкование (*Purposive approach* или *Mischief Rule*) — применяется в том случае, когда текст закона обнаруживает неясность, и суд может

обратиться к праву, действовавшему до принятия данного акта Парламента, и к другим документам, чтобы обнаружить цель, которую преследовал законодатель, выявить какую проблему он хотел решить.

Приведем ряд примеров использования канонов толкования. Так, в деле *Calland v. Commissioner and FSA* (2008 г.) [10] перед судом встала необходимость в толковании закрепленного в законодательстве Великобритании принципа «профессиональной привилегии», который действует в отношении корреспонденции и консультаций, предоставляемых квалифицированными юристами их клиентам. Суд пришел к выводу, что законодательство не делает различий между представителями юридической профессии. Следовательно, принцип «профессиональной привилегии» будет распространяться как на профессиональных юридических советников (солиситора, барристера, лицензированного юриста, ведущего операции с недвижимостью, или юриста-стажера, обладающего необходимой профессиональной квалификацией), так и на юридических советников, являющихся независимыми юристами, юрисконсультов, и даже юристов, работающих на государство.

Верховный суд Великобритании в 2013 г. рассмотрел дело *Prudential Plc. & Anor v Special Commissioner of Income Tax* [11] по вопросу вышеуказанного принципа «профессиональной привилегии». Фабула дела состояла в том, что истец заявлял о необходимости расширительного применения принципа в отношении консультаций по налоговым и иным вопросам, полученным клиентом от своих бухгалтеров (аудиторов). Он отмечал, что «... большая часть консультаций по налоговым вопросам сейчас предоставляется квалифицированными бухгалтерами, нежели юристами», и нет никаких правовых оснований для ограничения применения принципа «профессиональной привилегии» только в тех случаях, когда в качестве консультантов выступает «...квалифицированный юрист, в отличие от квалифицированного аудитора».

В решении Верховного суда Великобритании, принятом большинством голосов, было высказано несколько актуальных для нашего исследования мнений, в которых просматривается историческое и логическое толкование законодательства. Во-первых, суд отказался распространять принцип «профессиональной привилегии» на иных специалистов, кроме квалифицированных юристов, так как это свидетельствовало бы о «...расширении Судом сферы применения данного принципа за пределы его применения и толкования, которые сложились за многие годы». Принятие судом иного решения могло бы повлечь существенные последствия в виде «неоднозначного и противоречивого (непоследовательного) применения» принципа.

Во-вторых, суд обратил внимание на то обстоятельство, что в соответствии с ранее принятым законом расширение сферы применения принципа «профессиональной привилегии» относится к компетенции Парламента, и су-

дебная власть неправомочна без обращения (участия) Парламента решать подобный вопрос.

4) Юридическое толкование (human rights approach) — новый вид толкования, появившийся после принятия Акта «О правах человека» (Act of Human Rights) 1998 г. (далее — Акт 1998 г.) В соответствии с ним законы и ведомственные подзаконные акты должны толковаться и применяться, не противореча правам, установленным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [12].

Так, в 2012 г. Верховный суд Великобритании принял решение, что молитвы, читаемые перед проведением заседаний муниципальных советов, являются неконституционными, и они «несовместимы с Европейской конвенцией по правам человека» [13].

В Акте 1998 г. говорится о том, что первичное и подчиненное законодательство Великобритании истолковывается и применяется образом, согласуемым с конституционными правами. Складывается следующая ситуация: несмотря на наличие Акта 1998 г. продолжает действовать любое законодательство, даже прямо противоречащее ему, до тех пор, пока суды (Верховный суд Великобритании, Судебный комитет Тайного совета, Высокий суд юстициариев в Шотландии, Высокий суд или Апелляционный суд) не объявят о его несоответствии конвенционному праву (ст. 3–4 Акта 1998 г.). На основании этого объявления несоответствующий акт будет отменен Парламентом страны.

Выделим три основания для классификации судебных прецедентов: по происхождению, по степени обязательности и в зависимости от органа власти, принявшего судебный прецедент.

По происхождению судебные прецеденты можно подразделить на внутренние и внешние. К «внутренним» относятся решения высших государственных судов (Верховный суд Великобритании, Апелляционный суд и т. д.), а также решения всех вышестоящих судов для нижестоящих. «Внешними» судебными прецедентами являются решения международных судов, являющиеся обязательными для судов Великобритании в силу международных договоренностей. К ним относятся решения Европейского суда по правам человека, Европейского суда справедливости.

По степени обязательности выделяют два вида судебных прецедентов — убедительные и обязательные.

Убедительными прецедентами являются судебные решения, которые не имеют обязательной силы, но судьи должны принимать их во внимание. К ним относятся решения, которые приняты нижестоящими судами или описаны в доктрине. Некоторые авторы относят к ним решения Европейского суда справедливости [14, с. 40]. Проблема разночтений заключается в буквальном толковании норм Акта о Европейских сообществах 1972 г. Согласно п. 1 ст. 3 Акта правовые документы Сообщества должны рассматриваться в качестве правовых норм, но п. 2 содержит положения, что «осведомленность судей

должна проистекать из Договоров, из Официального органа Сообщества...». Выражение «осведомленность судей» может трактоваться как убедительный прецедент, так как судьи знают правовые нормы Европейского союза, судебные решения, но могут применять их по своему усмотрению.

Но сама суть статьи заключается в том, что судьи должны использовать в судебной практике не трактовки или доктринальное понимание Договора или иного акта Содружества кем-либо (иным национальным судом, известным британским ученым), а правовые нормы Договора или иного акта Сообщества, полученные из официального источника (Official Journal of the Communities) или из какого либо решения или мнения, выраженного Европейским судом по какому — либо относящемуся к делу вопросу.

Таким образом, принимая во внимание принцип прямого действия права Европейского союза на территории Великобритании, решения Европейского суда справедливости нельзя относить к убедительным прецедентам.

Обязательные прецеденты — это все решения вышестоящих судов, а также решения, ранее вынесенные тем судом, который рассматривал дело. Для всех судов без исключения являются обязательными решения Верховного суда. Необходимо обратить внимание на следующую историческую неточность, имеющую место в некоторых российских научных изданиях. Например, С. А. Нотин в диссертационном исследовании пишет о том, что Палата лордов является единственным судебным органом, который признал за собой право не следовать собственным прецедентам [14, с. 39–41]. Однако такое право было отменено самой Палатой лордов еще в 1966 г., а с 2005 г. судебные полномочия Палаты лордов постепенно были переданы Верховному суду Великобритании.

В продолжение вышеизложенного, можно выделить новое основание классификации судебных прецедентов — в зависимости от органа, принявшего судебный прецедент. По этому основанию выделяются судебные прецеденты, принятые судебными органами, в том числе Верховным судом Великобритании, и судебные прецеденты, принятые законодательным органом Великобритании, то есть Апелляционным комитетом Палаты лордов.

Исследование основных изменений в доктрине судебного прецедента в Великобритании в XXI веке необходимо завершить его определением, а также рядом выводов.

1) Судебный прецедент — это судебное решение высшего органа судебной власти по конкретному делу, вынесенное в рамках установленной юридической процедуры, содержащее правоположение, служащее обязательным правилом применения для аналогичных дел в будущем [4, с. 70], и опубликованное в официальных источниках.

2) Судебная реформа, прошедшая в конце XX — начале XXI века имела важное последствие, выражающееся в изменении системы судов в Великобритании, а также в передаче высших судебных полномочий от органа законодательной власти (Палаты лордов) органу судебной

власти (Верховному суду Великобритании). Таким образом, изменились названия и перечень судов, решения которых рассматриваются как судебные прецеденты.

Принятие Акта о правах человека 1998 г. обогатило теорию судебного прецедента новым видом толко-

вания — юридическим (human rights approach), в соответствии с которым законы и ведомственные подзаконные акты должны толковаться и применяться, не противореча правам, установленным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Литература:

1. Прецедент // АКАДЕМИК: сайт. URL: <http://jurisprudence.academic.ru/10214/Прецедент> (дата обращения: 28.12.2013).
2. Шебалкин, И. В. Актуальные проблемы теории государства и права. Учебное пособие. /И. В. Шебалкин. — М., 2013.
3. James, Ph. S. Introduction to English Law. — L., 1977.
4. Гук, П. А. Судебный прецедент как источник права: дис. ... канд. юрид. наук. /П. А. Гук — Саратов, 2002.
5. Уолкер, Р. Английская судебная система. — М., 1980.
6. Романов, А. К. Право и правовая система Великобритании: учебное пособие /А. К. Романов. — М., 2010.
7. ВС Великобритании будет извещать о своих решениях через Twitter // Электронное периодическое издание «Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ)»: сайт. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20120206/260001915.html (дата обращения: 27.03.2014).
8. Презумпции толкования выработаны судебной практикой. К ним относятся: презумпция запрета фундаментальных изменений общего права на основании предположения, презумпция против отменя естественных прав, презумпция против отстранения суда от его юрисдикции, презумпция, в силу которой закон не имеет обязательной силы для Короны, если иное не определено в законе и т. д.
10. Приемы толкования применяются в рамках правил (канонов) толкования, и имеют методический, технический характер. К ним относятся: толкование из контекста, прием «такой же, как другие с ним связанные», прием «следуй тому же роду», прием «указание на одно исключает другое» и др.
11. Британская профессиональная привилегия юристов // lawfirm.ru — сайт. URL: <http://lawfirm.ru/pr/index.php?id=4821> (дата обращения: 02.04. 2014).
12. Dispute Resolution Bulletin. January 2013 // hfw.com — сайт. URL: <http://www.hfw.com/downloads/Dispute%20Resolution%20Bulletin%20%5BA4%204pp%5D%20January%202013.pdf> (дата обращения: 02.04.2014).
13. Act of human rights 1998. — London: Crown Copyright, 1998.
14. Верховный суд Великобритании решил, что молитвы перед заседаниями муниципальных советов нарушают права человека // radonezh.ru — сайт. URL: <http://www.radonezh.ru/news/15882.html> (дата обращения: 02.04. 2014)
15. Нотин, С. А. Судебная практика в системе источников налогового права: на примере ЕС и РФ: дис. ... канд. юрид. наук. /С. А. Нотин — М., 2003.

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

III Международная научная конференция

Чита, июль 2014 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.07.2014. Формат 60x90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,01. Уч.-изд. л. 10,15. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
1127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6